ВЕСТНИК МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International Relations

• 15(6) • 2022

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах Scopus, Web of Science, РИНЦ, Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

http://www.vestnik.mgimo.ru/

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор Департамента прикладной политологии, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (Россия).

Вайц Р. – Старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра исследований политических элит ИМИ МГИМО МИД России (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию — руководитель аппарата ректора МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

http://www.vestnik.mgimo.ru/

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (RAS).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Professor, Department of Applied Politics, National Research University – Higher School of Economics, Saint Petersburg (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Senior research fellow of Center for Political Elite Studies, MGIMO University (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development - Chief of the Rector's Office, MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia). (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Professor, chair of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru
e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.
ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Беленков В.Е., Гожина А.В., Захарова Е.А., Кузнецов Д.А., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 19,05 усл. п.л. Заказ № 1516.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregestered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;
e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.
ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 15(6) • 2022

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Большая Евразия в условиях международной турбулентности

7 Артизов А.Н. – К вопросу об исторических корнях современного украинского кризиса

26 Лебедев А.С. – Антироссийские санкции в глобальной экономической войне

36 Зиневич О.В., Селезнева Н.В. – Новая стратегия «мягкой силы» Китая

55 Окунев И.Ю., Шестакова М.Н. – Внешнеполитическая ориентация как фактор электорального поведения: результаты социологических опросов в Беларуси, Грузии и Казахстане

86 Аржаев Ф.И., Андрюхин В.Ю., Сапрынская Д.В. – Теоретические основы моделирования системной бедности на примере Центральной Азии

Восприятие в мировой политике

112 Учаев Е.И., Квартальнов А.А. – Темпоральный подход к проблеме устойчивости ядерной анархии

135 Белухин Н.Е., Воротников В.В., Дианина С.Ю. – Концепция «тотальной обороны» как отражение стратегической культуры Швеции

166 Хрулёва И.Ю. – Укоренение в российской повседневности начала XVIII в. западноевропейских интеллектуальных практик нового типа (на примере Феофана Прокоповича)

179 Подрезов М.А. – Взгляды в современном Иране на Персидский поход Петра I

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

194 Засеева А.С., Иванова М.И., Галин Г.П. – Инициатива «Пояса и пути» как инструмент международной социализации политических элит

206 Кудаяров У.Б. – Большая стратегия Китая

Table of Contents • 15(6) • 2022

RESEARCH ARTICLES

Greater Eurasia in the context of international turbulence

7 Artizov A.N. – Historical Origins of the Current Ukrainian Crisis

26 Lebedev A.S. – Anti-Russian Sanctions in Global Economic Warfare

36 Zinevich O.V., Selezneva N.V. – China's New Soft Power Strategy

55 Okunev I.Yu., Shestakova M.N. – Foreign Policy Orientation and Electoral Behavior: Analyzing Opinion Polls in Belarus, Georgia, and Kazakhstan

86 Arzhaev F.I., Andriukhin V.Y., Saprynskaya D.V. – Systemic Poverty Modelling: Case of Central Asia

Perceptions in World Politics

112 Uchaev Ye.I., Kvartalnov A.A. – Is Nuclear Anarchy Sustainable? A Temporal Approach

135 Belukhin N.E., Vorotnikov V.V., Dianina S.Y. – The Total Defense Concept as the Embodiment of Sweden's Strategic Culture

166 Khruleva I.Yu. – Western European Intellectual Practices of a New Type in Russian Everyday Life at Early 18th Century (case of Feofan Prokopovich)

179 Podrezov M.A. – Memory of Persian campaign of Peter the Great in modern Iran

BOOK REVIEWS

194 Zaseeva A.S., Ivanova M.I., Galin G.P. – Belt and Road Initiative as a Tool for the International Socialization of Political Elites

206 Kudayarov U.B. – China Grand Strategy

Вестник МГИМО-Университета. 2022. 15(6). С. 7–25
DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-7-25

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

К вопросу об исторических корнях современного украинского кризиса[1]

А.Н. Артизов

Федеральное архивное агентство

Исторические истоки современного украинского кризиса – тема сложная, поскольку охватывает тысячелетнюю историю и включает в себя основные вопросы прошлого и настоящего народов, проживавших на Восточноевропейской равнине. В настоящее время завершается подготовка хрестоматии архивных документов, раскрывающих основные тезисы известной статьи В.В. Путина «Об историческом единстве русских и украинцев». А.Н. Артизов делится в данной статье некоторыми результатами совместной работы учёных и историков-архивистов.

Ключевые слова: история России, история Украины, национальная политика, СССР, историческое единство русских и украинцев.

Историческая схема, принятая в современной российской и ранее распространённая в советской науке, выглядит следующим образом. На территории Восточной Европы примерно в VIII в. сложилось около 10 славянских племенных союзов. В дальнейшем под властью сидевших в Киеве князей эти племенные союзы объединились в Древнерусское государство, где происходило слияние отдельных племён в единую древнерусскую народность.

В украинской историографии ещё со времён М.С. Грушевского излагается иная схема. Её суть сводится к тому, что в древности существовали принципиальные различия между южной группой восточнославянских племен (предками современных украинцев) и северной группой племён (предками современных белорусов и великороссов).

Вся сумма известных источников, однако, говорит о том, что интеграционные процессы способствовали тому, что у людей, принадлежавших к различ-

УДК: 323.1
Поступила в редакцию 10.12.2022 г.
Принята к публикации 21.12.2022 г.

[1] В основе статьи – выступление автора на специальной сессии по истории украинского вопроса Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2022 г.

ным племенам, постепенно формировалось сознание принадлежности к единой русской народности. Уже на страницах «Повести временных лет», созданной в Киеве в начале XII в., появляется понятие о «языке русском», объединявшем все восточнославянские племена.

Берестяные грамоты из Великого Новгорода, Звенигорода Галицкого (древнерусский город в окрестностях современного Львова), Витебска, граффити в соборе Святой Софии в Киеве с записью о «Бояновой земле», созданные в последней четверти XI – XIII вв., написаны одним языком (Янин, Зализняк 1986: 32, 71; Зализняк 1995: 228, 265, 291-292, 428; Высоцкий 1966: 61, 64). Выдающийся российский лингвист академик А.А. Зализняк утверждал, что «примерно до конца XIII в. стандартный древнерусский язык в основном един для всей древней Руси», языковые различия между славянскими племенами не выходят за рамки междиалектных различий, существующих внутри любого современного языка.

Одним из последствий вторжения на Русь монгольских войск Бату-хана в 1237–1241 гг. стало усиление обособленности русских земель, ослабление южных и западных княжеств, в результате чего они были включены в состав Великого княжества Литовского. Нахождение в Великом княжестве Литовском большого числа русских земель, казалось бы, создавало предпосылки для его трансформации в крупное православное русское государство. Влияние русского начала было столь велико, что древнерусский язык стал официальным языком делопроизводства этого княжества, т.е. фактически языком государственным. Однако после заключения в 1385 г. польско-литовского династического союза между литовским князем Ягайло и польской королевой Ядвигой языческая Литва крестилась по католическому обряду, и русско-литовское государство постепенно превратилось в польско-литовское. Русская государственность (сначала под сюзеренитетом Орды) сохранилась лишь в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, ставших со второй половины XIV в. местом формирования Русского централизованного государства.

Раздробленность земель Древней Руси не заслонила собой идею её единства, основанную на одной вере и одном языке. Представление о территориальной общности Руси было настолько прочным, что пережило её распад. Оно нашло своё отражение в «Списке русских городов дальних и ближних», датируемым концом XIV в. Этот «Список» обязательно включался в состав русских летописей и сборников в качестве дополнительной статьи (Новгородская первая летопись… 1950: 475–477). Принципы составления «Списка» исследованы крупнейшим отечественным медиевистом академиком М.Н. Тихомировым. С его точки зрения, в «Список» вошли города, населённые православными русскими, а в некоторых случаях – смешанным западнорусским и литовским населением. Безымянный автор «Списка» имел исчерпывающие сведения о населении литовских городов, поэтому не включил в него города с почти исключительно литовским по этнической принадлежности населением. Зато в «Список» вошли Вильна и Троки со смешанным западнорусским и литовским населением. Значительную

часть «Списка» составляет перечень городов юго-западной Руси – Среднего Поднепровья, Волыни и Прикарпатья, составляющих территорию современной центральной и западной Украины.

Два центра интеграции – Московское и Литовское великие княжества – постепенно подчинили себе все славянские земли Восточной Европы, разграничив их договором 1408 г. В 1447 г. великий князь Василий Тёмный изгнал претендента на московский престол Дмитрия Шемяку, а Казимир Ягайлович стал польским королём и великим князем Литовским и Русским. Оба монарха-родственника (Василий был внучатым племянником Казимира) искали поддержки друг друга и заключили договор от 31 августа 1449 г.[2]. По договору Великое княжество Литовское отказывалось от претензий на Новгород и Псков. В случае войны Великого Новгорода и Пскова с Ливонским орденом или Великим княжеством Московским Великое княжество Литовское не должно было вмешиваться в ход конфликта. Договор утвердил зоны господства и влияния двух крупнейших государств Восточной Европы, способствовал Москве в деле окончательного объединения северо-западных и северо-восточных земель.

Упомянутый договор сохранял мир почти полстолетия до конца XV в. Затем последовала череда непрерывных войн за гегемонию в землях, населённых преимущественно православным русским населением.

В силу национального состава Великого княжества Литовского противостояние Вильно и Москвы носило характер братоубийственной войны, когда русские убивали русских. В «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина рассказывается, что на следующий день после страшного разгрома московского войска под Оршей 8 сентября 1514 г. главный литовский воевода – православный русский князь Константин Острожский «торжествовал победу над своими единокровными братьями, и русским языком славил Бога за истребление россиян» (Карамзин 1819: 70). Справедливости ради необходимо отметить, что аналогичные братоубийственные войны в средние века регулярно имели место в Германии, в Италии, во Франции и Англии, пока там не сложились крепкие национальные государства.

После трёх русско-литовских войн начала XVI в. между странами установилось равновесие, которое было нарушено Ливонской войной (1558–1583 гг.). Литва сумела устоять лишь ценой своего слияния с Польшей в Речь Посполитую, в результате чего Великое княжество Литовское потеряло независимость.

Примерно в это же время в Польско-Литовском и Московском государствах появилось казачество. Условия его формирования хорошо объяснены в научной литературе: массы сельского населения мигрировали на незаселённые степные окраины, где хозяйничали кочевники. Здесь, в условиях опасной, но свободной

[2] *РГАДА*. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 5. Л. 207-209 об. Опубл.: *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв.* Москва – Ленинград. 1950. С. 160-163.

жизни, они создали свои объединения, позволявшие выжить в экстремальной обстановке. Основными местами поселения казаков стали река Дон и острова за Днепровскими порогами – т.н. Запорожская Сечь. Главные вопросы казаки решали на общих собраниях, казацкие власти были выборными.

Вместе с тем уже тогда появились особенности, отличавшие запорожское казачество от донского. Эти особенности обуславливались различиями в политическом строе Речи Посполитой и Московского царства.

В России на всех представителях дворянства лежала обязанность нести военную службу, государство регулировало оборот земли с тем, чтобы помещики были обеспечены землей для выполнения военной службы. В Польско-Литовском государстве такой обязанности не было, не регулировался оборот земли, который был отдан на откуп землевладельцам. Отсюда появление в восточных землях огромных магнатских латифундий и утрата земли мелкими шляхтичами. Потеряв свой статус и имущество, последние часто вступали в состав казацкого войска, пополняя его верхушку и принося в неё шляхетские обычаи и нравы.

В Речи Посполитой активизировался процесс смены этнической принадлежности социальной элиты бывших русских земель. Местные верхи дворянства со второй половины XVI в. стали всё более ассимилироваться с главной силой государства – польским дворянством, принимая католическую веру, усваивая польские язык и культуру. Православная церковь оказалась в подчинённом положении, несмотря на сопротивление, усиленно навязывалось униатство. После Люблинской унии 1569 г. даже делопроизводство в землях Великого княжества Литовского стало переводиться со старорусского языка на польский язык.

Тогда же на Волынь, Подолье, Брацлавщину и Поднепровье вслед за Галичиной была распространена польская система администрации и сословных отношений. При поддержке королевской власти богатые паны-магнаты захватили огромные земельные владения. По данным известного украинского историка, уроженца Львова академика И.П. Крипякевича в Киевском воеводстве 27 магнатов, составлявших 7% от всего числа землевладельцев, владели 68% всех дворов. На Брацлавщине 18 магнатам принадлежало 80% всех дворов (Крипякевич 1990: 16–17). Освоение польскими феодалами свободных земель в Поднепровье активизировалось после одобрения сеймом Речи Посполитой закона 1590 г. о «роздаче пустынь, которые лежали за Белой Церковью», а также не занятых земель по обоим берегам Днепра. Именно здесь столкнулись два колонизационных потока – панский и крестьянско-казацкий. Первый предполагал создание латифундий и закрепощение казаков и крестьян. Второй ориентировался на среднего и мелкого производителя.

Показательна судьба самого Богдана Хмельницкого. Его хутор в Субботове близ Чигирина (ныне Черкасская обл.) был выделен ему после смерти отца чигиринским старостой. Но по польским законам староста не имел

права дарить землю, а мог только предоставить право на её владение, так как сам был арендатором коронных земель. Сын следующего старосты польский магнат Александр Конецпольский отменил прежнее решение и отдал хутор подстаросте Чаплинскому. Все попытки Хмельницкого в судебном порядке защитить свои интересы не имели успеха, так как в «польском суде того времени трудно было казаку тягаться со шляхтичем, покровительствуемым важным паном».

Конфликт между казачеством и польским дворянством принял форму народно-освободительного движения, направленного против коронной власти в защиту своей веры и своего народа. Последовала целая серия казацко-крестьянских восстаний, завершившаяся движением под руководством гетмана Богдана Хмельницкого.

В Поднепровье, охваченном восстанием, фактически образовалось самостоятельное государство, носившее название «Запорожского Войска», во главе которого стоял гетман.

Предложения Войска Запорожского к новоизбранному королю Речи Посполитой Яну II Казимиру от 14 февраля 1649 г. во многом объясняют причины восстания запорожцев[3]. К требованиям относятся: ликвидация униатской греко-католической церкви и возврат всего ранее перешедшего к ней имущества и владений православной церкви; узаконение существования в Речи Посполитой, в том числе, на южнорусских землях, двух церквей – римско-католической и православной; запрет на нахождение в Киеве членов Общества Иисуса (иезуитов) и организованных ими учебных заведений; запрет на проживание здесь князя Иеремии Вишневецкого (он в 1631 г. перешёл в католичество, хотя его родители были православными, мать – двоюродная сестра знаменитого киевского митрополита Петра Могилы); назначение воеводой киевским только лица православного вероисповедания; введение в Сенат Речи Посполитой трёх представителей от украинских земель: православного митрополита Киевского, воеводы Киевского и начальника киевского гарнизона – каштеляна Киевского.

Одновременно запорожские казаки обратились за помощью к единоверной Москве. Ещё в 2017 г. Росархив издал том полной переписки гетманов Левобережной Украины с Москвой, посвящённый гетманству Богдана Хмельницкого. Начиная с 8 июня 1648 г. от запорожских казаков (характерно, во всех письмах они именуют себя «русские люди») неоднократно поступали просьбы принять Войско Запорожское в российское подданство. Царь и его советники пять лет не шли навстречу этим просьбам. И лишь в октябре 1653 г. на Земском соборе было принято решение принять Войско Запорожское «з городами их и з зем-

[3] *Документы Богдана Хмельницкого*. 1961. Киев. С. 105-107.

лями» «под высокую государскую руку». Это решение означало необходимость вступить в войну с Речью Посполитой.

8 (18 января по григорианскому календарю) 1654 г. в Переяславле состоялась рада. В тот же день Хмельницкий и казачья старшина присягнули на верность царю Алексею Михайловичу. В письме на его имя от того же числа Хмельницкий выражал благодарность и сообщал, что перед царскими послами им и старшиной принята присяга.

После принятия присяги Хмельницкий направил посольство в Москву для подписания договора с царским правительством об автономном статусе Войска Запорожского в Московском государстве. Документ, привезённый послами, оформлен в виде челобитной на имя государя. В литературе этот акт именуется: «Переяславским договором», «Статьями Б. Хмельницкого», «Переяславскими статьями», «Мартовскими статьями» и т. д. В самом документе содержалось 11 статей, на каждую из которых царь с Боярской думой дали ответ, придав документу силу закона. Договор, в частности, предусматривал избрание членов городской администрации, в том числе ведающих сбором налогов, из местных жителей; определял размер оплаты должностных лиц Войска Запорожского и их дополнительное имущественное обеспечение; налагал ограничения на дипломатическую деятельность гетмана, например, ему запрещалось, без письменного указания царя, иметь сношения с королями Речи Посполитой и турецкими султанами; подтверждал имущественные права митрополита Киевского[4].

В советской исторической науке со второй половины 1930-х гг. это событие традиционно характеризовалось как «воссоединение Украины с Россией». Для современных украинских учёных такая трактовка неприемлема, говорится о «присоединении» Войска Запорожского к Русскому государству на определённых условиях. Термин «воссоединение» отвергается потому, что, по мнению М.С. Грушевского и его последователей, никакой единой древнерусской народности не было, в Древнерусском государстве формировались два разных народа – украинский и русский.

Кстати, под влиянием политической конъюнктуры нынешнее поколение украинцев не во всём соглашается с М.С. Грушевским. Для основоположника украинской историографии оба соседа Украины – Речь Посполитая и Московское царство – враги, стремившиеся подавить движение украинцев к независимости. Причём главный враг – Польша, исповедовавшая иную католическую веру. Сейчас же всё наоборот – киевские авторы всячески подчёркивают духовное родство и близость казацкой верхушки миру польско-литовской шляхты. А главный враг – это русский «москаль» с его азиатскими порядками[5].

---

[4] *РГАДА*. Ф. 124. Оп. 1. 1654 г. Д. 4. Л. 328-347. Опубл.: *Воссоединение Украины с Россией*. 1954. Сборник документов. Москва. 3(245).

[5] Подробнее см.: Флоря Б.Н. 2021. М.С. Грушевский и современная украинская историография эпохи Средневековья и Нового времени. *Лекции по русской истории.* Москва.

Но вернёмся к формуле «воссоединения» Украины с Россией. Ещё современники событий неоднократно говорили о «соединении» и даже «воссоединении», но не разных стран – Украины и России – и тем более разных народов, а о соединении временно разделённого границами одного «русского народа».

В этом отношении показательна известная речь протопопа Нежинского Максима Филимóновича (будущего местоблюстителя западнорусской митрополии), произнесённая в сентябре 1654 г. в царской ставке под Смоленском. В речи он оценил присоединение гетманства к русскому государству как восстановление разрушенного исторического единства: «расточенных сынов русских … воедино собрал, разделенных … во единое тело Великого Русского княжения совокупил»[6].

Возникшее в середине XVII в. в результате массового национально-освободительного движения украинское государство со специфичным общественным устройством (гетманат) не смогло стать самостоятельным, несмотря на предпринятые усилия.

После смерти Хмельницкого казачья верхушка, стремясь сохранить и расширить автономию гетманства, упрочить собственные привилегии, лавировала, искала поддержки то у одного, то у другого могущественного соседа. Преемники Хмельницкого неоднократно предавали Москву, заключали соглашения с Речью Посполитой (в том числе знаменитые Гадячский трактат 1658 г. и Слободищенский договор 1660 г., после которого гетманат раскололся на правобережную и левобережную части). Гетман Пётр Дорошенко (предок жены Пушкина Натальи Гончаровой по её материнской линии, похоронен в Яропольце под Москвой) додумался податься под покровительство Высокой Порты. В результате правобережные Поднепровье, Подолия в 1670-х гг. пережили два страшных вторжения турецкой армии, сопровождавшиеся массовым угоном населения и продажей его в рабство.

В истории Украины этот трагический период носит название «Руина» (по-русски – развалина). К его итогам можно отнести то, что южнорусские земли распались на две части. На правобережной Украине, оставшейся в составе Речи Посполитой по условиям т. н. Вечного мира 1686 г., гетманат был ликвидирован. А вот в составе Московского государства, к которому отошло левобережье Днепра вместе с Киевом, гетманат как автономное государственное образование сохранялся длительное время.

Сопоставление исторических судеб Правобережья и Левобережья Украины показывает, что *прав* был М.С. Грушевский, называя главным врагом украинской государственности Польско-Литовское, а не Московское государство.

---

[6] *РГАДА*. Ф. 124. Оп. 1. 1654. Д. 23. Л. 1-9. Опубл.: *Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России*. 1889. Т. 14. Санкт-Петербург. Доп. к т. 3. Стб. 175-178.

Но, конечно, нет оснований идеализировать отношения Москвы и Войска Запорожского. Отрицать проведение русским правительством «имперской политики», направленной на создание унитарного государства, неверно. Аналогичную политику осуществляли и другие крупные европейские державы. Однако это не мешало Москве в течение длительного времени мириться с существованием на подвластной территории автономных политических образований. Вспомним особые привилегии не только запорожского казачества, но и остзейского дворянства в Прибалтике, более позднюю автономию Великого княжества Финляндского, конституцию Царства Польского.

Перейдём к имперскому периоду истории. Сначала об измене гетмана Мазепы, который, как известно, был осыпан подарками и милостями Петра I. Именно за предательство Мазепу превратили в национального героя современной Украины, назвав его именем одну из высших государственных наград. Этого Киев не сделал в отношении другого популярного вождя казацко-крестьянского движения правобережной Украины начала XVIII в. Семёна Палия. В отличие от Мазепы, который ненавидел лидера «палиевщины» и приложил руку к его аресту и отправке в ссылку в Сибирь, белоцерковский полковник не запятнал себя изменой, в Полтавской битве он сражался против шведов в рядах верных царской присяге малороссийских казаков.

Переход Мазепы на сторону Швеции более 200 лет является темой исторических дискуссий. Большинство мнений сводится к тому, что гетман, потеряв уверенность в победе России, попытался создать автономное государство под своей властью при формальном протекторате Речи Посполитой, которая зависела от Швеции. Однако Мазепе изменил дар политического предвидения – Карл XII потерпел поражение под Полтавой, надежды на широкую поддержку казачества и старшины не оправдались. С Мазепой ушло лишь 5 тыс. чел. (примерно 1/6 часть от численности реестрового украинского казачества).

Предательство Мазепы не повлекло жестоких репрессий. После разгрома гетманской столицы Батурина войсками под командованием А.Д. Меншикова русское правительство приняло разумное решение не применять тактику «выжженной земли», не уничтожать при подходе неприятеля все запасы, не уводить скот, под страхом смертной казни не допускались случаи мародёрства.

Несколько слов о роли выходцев с Украины и отчасти из белорусских земель в русской православной церкви. Хорошо образованные выпускники Киево-Могилянской академии играли главную роль в управлении этой церковью. Крупнейший специалист по этому вопросу будущий академик Академии наук УССР К.В. Харлампович писал: «…За двадцатилетнее управление Елизаветы государством великорусские архиерейские кафедры заняли 34 западнорусса – столько, сколько за предшествующие сорок лет, …хотя в 1754 г. и состоялось высочайшее повеление об уравнении великороссов с малороссами в правах на архиерейские кафедры и монастырские настоятельства, по отношению по крайней мере к первым положение вещей не изменилось. … В 1758 г. из 10 назна-

ченных архиереев один был великоросс, все прочие – малороссы. Картина изменилась только в последний год жизни Елизаветы: в 1761 г. в архиереи попали шесть великороссов и два малоросса. При Елизавете Петровне малороссы не потеряли своё значение и в качестве членов Синода. Последними были обязательно епископы Москвы и Петербурга и ближайших городов, почти все малороссы. … Национальный состав Синода в 1746 г. был таков: из шести архиереев пять – малороссы…» (Харлампович 1914: 484–487).

Выше сказано о полонизации старорусского дворянства, произошедшей в Польско-Литовском государстве. В Российской империи включение казацкой старшины в состав правящего дворянского класса происходило много легче, поскольку малороссы и великороссы были одной веры, говорили почти на одном языке. Полтавских и черниговских полковников устраивал процесс легализации их земельных владений и имущественных прав, сопровождавшийся закрепощением сельского населения. Как справедливо отметил А.И. Миллер в статье про национальную идентичность на Украине, Екатерина II сознательно допустила подделку бумаг казачьей старшиной, чтобы более 20 тыс. её представителей смогли обрести статус потомственного дворянина: «А старшина, глядя, как Россия громит Османскую империю и делит Речь Посполитую, какие права получило дворянство по "Жалованной грамоте", искренне анафемствовала Мазепу в церквях и уже не сомневалась, кому … следует быть лояльным» (Миллер 2022: 47). Внесу в эту цитату важное уточнение: элита малороссийского общества не просто «глядела», а в рядах имперской армии активно способствовала победам русского оружия в непрерывных русско-турецких войнах, радовалась присоединению огромных неосвоенных земель Новороссии, рассчитывала на аналогичные приобретения после разделов Речи Посполитой. Отнюдь не случайно начатое Петром I урезание автономных прав гетманства, завершившееся его упразднением в 1764 г. при Екатерине II, не встретило сопротивления.

После Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774 г.) и фактического завоевания Россией Крыма Запорожская Сечь потеряла своё военно-служилое значение и была ликвидирована. Часть казаков ушла за Дунай и поступила на военную службу Оттоманской Порты, где избегала военных действий против русской армии. Другая часть переселилась на Кубань, где получила большие земельные владения, называлась сначала Черноморским, а затем Кубанским казачьим войском.

Любопытный и малоизвестный факт: во время нашествия Наполеона в 1812 г. в Малороссии в самый сжатый срок были сформированы вместо восьми по плану 15 казачьих полков ополчения (девять полтавских и шесть черниговских). За успешное формирование 5-го полтавского полка Иван Котляревский, один из основоположников украинской литературы, был награждён серебряной медалью.

За простотой и ясностью тезиса В.В. Путина о том, что юго-западные земли Российской империи, Малороссия и Новороссия, Крым развивались как

многообразные по своему этническому и религиозному составу, на самом деле прячется один из центральных вопросов истоков современного украинского кризиса – *об украинской этнической территории*. В нынешних киевских учебниках утверждается: формирование этой территории в основном завершилось к концу XVIII в. Перечисляются новые города – Александровск (1770, ныне Запорожье), Херсон (1778), Мариуполь (1779), Севастополь (1783), Екатеринослав (1787, ныне Днепр), Николаев (1789), Одесса (1794). Все они для авторов учебников разумеется, украинские. Надо бы добавить важные уточнения: плодородные малолюдные территории, на которых появились города, были присоединены к Российской империи в результате побед русского оружия, по составу населения эти города – многонациональные. Это же касается Киева и Харькова, полинациональный состав которых подтверждают результаты первой и единственной всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г. В Киеве русский язык назвали родным 134 тыс. горожан, малорусский – 54 тыс. В Харькове соответственно – 110 тыс. и 45 тыс.

Кстати, многонациональность положительно влияла на развитие экономики. Именно Новороссия переживала в XIX в. бурный промышленный рост. Хуже обстояли дела на Правобережье, где было мало промышленных предприятий, а в сельском хозяйстве господствовали крупные латифундии, принадлежавшие преимущественно польской знати.

Свержение самодержавия в феврале 1917 г. открыло немыслимые ранее возможности в национальном развитии. С падением крепкой центральной власти параллельно с органами Временного правительства возникли Советы. На Украине роль высшего органа власти взяла на себя самопровозглашённая Украинская центральная Рада. Её первым председателем избрали основоположника украинской историографии М.С. Грушевского. Всеукраинский национальный конгресс (6–8 апреля 1917 г., г. Киев) одобрил политический курс, сутью которого была широкая национально-территориальная автономия Украины в составе России, которая в сентябре 1917 г. была объявлена республикой. Украинские депутаты готовы были передать Центру полномочия в вопросах войны и мира, обороны и вооружённых сил, транспортных связей, выпуска единой валюты и др.

Временное правительство неохотно шло на переговоры с новой киевской властью, с трудом согласилось с созданием в июне 1917 г. Генерального Секретариата – органа исполнительной власти на Украине. Его возглавил популярный украинский писатель и драматург В.К. Винниченко.

Одним из камней преткновения между Петроградом и Киевом стал вопрос о границах автономии. Рада заявила претензии на девять губерний бывшей Российской империи: Киевскую, Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую, Таврическую (подчёркиваю – *без Крыма*), Херсонскую, Волынскую и Подольскую. Население всех губерний являлось преимущественно украинским. При этом губернии, составлявшие историческую область Новороссии (Екатеринославская, Таврическая и Херсонская), а также Харьковская,

обладали своей спецификой. Национальный состав данных губерний, которые являлись экономически высокоразвитыми регионами, был мультинациональным, причём в сельской местности преобладали украинцы, а в городах – русские. Так, согласно упоминавшейся уже всеобщей переписи населения 1897 г., в губерниях Новороссии родным языком признавали малороссийский 56%, русский – более 21%, идиш – почти 8%. В городах же новороссийских губерний русский язык считали родным 45%, украинский – 17%, еврейский – 24%.

Эти обстоятельства вкупе с пониманием общероссийского значения промышленности Донбасса обусловили появление докладной записки Временному правительству от Н.Ф. Дитмара (1865–1919), бывшего члена Государственного совета Российской империи, председателя Совета Съезда горнопромышленников Юга России.

В докладной записке Дитмар подчёркивал: «весь Харьковский район в составе губерний Харьковской, Екатеринославской, Таврической и части Херсонской должен быть совсем исключён ввиду его государственного значения из района предполагаемой автономии украинской»[7]. Мнение авторитетного промышленника повлияло на позицию Временного правительства, которое 4 августа 1917 г. утвердило Временную инструкцию Генеральному секретариату Центральной Рады, где отказало украинцам в правах на указанные четыре губернии.

Октябрьская революция, приход к власти большевиков изменили геополитические реальности. Новое правительство взялось исполнить грандиозные задачи, ранее в мировой истории не осуществлявшиеся, – полного демонтажа векового уклада жизни людей, основанного на частнособственнической форме хозяйствования, подавления его сторонников из имущих привилегированных классов, создания политических и экономических основ иного строя жизни без бедных и богатых.

Провозглашённая в Декрете о мире новая международная политика большевиков открыто отвергала старую традицию межгосударственных отношений. Ленин и его соратники нацеливали трудящихся на свержение собственных буржуазных правительств, призывали народные массы осуществить мировую революцию, результатом которой должна была стать всемирная республика советов, в которой национальные и территориальные споры потеряют актуальность.

Составной частью международной политики большевиков явилась «Декларация прав народов России» (2 (15) ноября 1917 г.), текст которой подготовил нарком по делам национальностей Сталин. После внесения правок Ленина и Бухарина, Сталин и Ленин подписали этот ключевой документ, провозгласивший принципы советской национальной политики: равенство народов, право на их свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятель-

[7] *ГА РФ*. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 187. Л. 40-42.

ных государств, свободное развитие национальных меньшинств, отмена всех национальных и национально-религиозных ограничений.

Насильственный слом старой государственности и национальная политика большевиков спровоцировали парад суверенитетов: на пространстве бывшей Российской империи, причём не только в национальных окраинах, появились самостоятельные государства, власть в них, вопреки ожиданиям большевиков, не везде принадлежала трудящимся.

Украинская центральная Рада вскоре после Октябрьского переворота в отдельном решении от 31 октября (13 ноября) в дополнение к Киевской, Черниговской, Полтавской, Волынской и Подольской губерниям объявила о распространении власти Генерального Секретариата на Херсонскую, Екатеринославскую, Харьковскую, Таврическую (опять подчёркиваю – *без Крыма*), а также Холмскую и частично Курскую и Воронежскую губернии[8]. Затем своим III Универсалом (7 (20) ноября 1917 г.) в одностороннем порядке заявила о создании Украинской Народной Республики.

Кстати, первыми в переговоры с большевиками вступил сейм Великого княжества Финляндского. До крушения Временного правительства пределом желаний законопослушных финских парламентариев было укрепление собственной автономии. После слома старой государственности они незамедлительно потребовали признания полной независимости. Надеясь на скорую победу красных финнов (их восстание началось в январе 1918 г.), Совнарком согласился с финскими предложениями. Декрет о государственной независимости Финляндии Ленин и Сталин подписали 18 (31) декабря 1917 г.

Не буду характеризовать далее события Гражданской войны, развернувшейся на просторах бывшей Российской империи, в том числе на Украине. Только Киев за годы революции и войны 14 раз переходил из рук в руки, от украинских националов к красным, к белым и даже к полякам Ю. Пилсудского. В конечном итоге победили большевики.

Идея создания СССР как союза независимых республик появилась не в результате теоретических воззрений вождей большевиков, а под давлением сложившихся обстоятельств. Ещё в разгар Гражданской войны 1 июня 1919 г. ВЦИК принял декрет «Об объединении Советских республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом». Военно-политический союз подразумевал объединение военных организаций и командования, советов народного хозяйствования, железнодорожного управления, финансов, комиссариатов труда. Что в тот момент имелось в виду под «тесным объединением», видно из проекта директивы ЦК, – «единое руководство Совета Обороны и других центральных учреждений РСФСР»[9].

---

[8] В тексте документа речь идёт о «материковой Таврии». См.: Українська Центральна Рада: документы і матеріали. В 2-х томах. Т.1. Киев: 1996. С. 379.

[9] *РГАСПИ*. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9986. Л. 1. Опубл.: Ленин В.И. 1969. Полное собрание сочинений. Издание 5. Т. 38. Москва. С. 400-401.

Однако предложенный в сентябре 1922 г. комиссией во главе со Сталиным «план автономизации» (вхождение советских республик в состав РСФСР на правах автономий) Ленин не поддержал. «Важно, – цитирую Ленина, – чтобы мы не давали пищи "независимцам", не уничтожали их независимость, а создавали ещё новый этаж, федерацию равноправных республик»[10].

30 декабря 1922 г. I съезд Советов СССР утвердил Декларацию об образовании СССР и Союзный договор. Так впервые в мировой истории появилось своеобразное «государство наций», союз формально независимых республик. Этот союз можно считать незапланированным результатом Октябрьской революции, представлявшейся лидеру большевиков началом революции мировой, а не исходной точкой государственного строительства в отдельно взятой стране победившего социализма.

Главным специалистом по национальному вопросу среди руководителей большевиков считался Сталин. Не случайно на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. именно он как нарком по делам национальностей и одновременно Генеральный секретарь ЦК (кстати, на этом съезде было оглашено знаменитое «Письмо к съезду» Ленина) выступил с докладом о национальной политике. В резолюции съезда подтверждались такие её краеугольные положения, как ликвидация хозяйственного и культурного неравенства народов («преодолеть его можно лишь путём действительной и длительной помощи русского пролетариата остальным народам Союза»), изживание пережитков национализма среди угнетённых народов. Первоочередными задачами объявлялись борьба с «великодержавным шовинизмом» великороссов и политика коренизации, заключавшаяся в подготовке национальных кадров и формировании органов власти из людей, знающих язык, быт и обычаи местных жителей, директивном обеспечении использования их родного языка в государственных учреждениях[11].

В беседе с украинскими литераторами 12 февраля 1929 г. Сталин пошёл дальше и объяснил связь национальной политики большевиков с задачами мировой революции следующим образом: «Национальный вопрос нельзя в одном государстве решить, национальный вопрос стал внегосударственным уже давно, если когда-либо общий язык создастся, (а) он создастся безусловно, то это после того, как мировая диктатура пролетариата будет завоевана, … когда социализм будет утверждаться не в одной стране, а во всех странах. … (Наша задача) – развитие национальных культур в эпоху диктатуры пролетариата, максимальное развитие, покровительство национальным культурам, потому мы этим культурам покровительствуем для того, чтобы они, исчерпав во всю себя, и создали почву для развития языка во всем мире, *не русского*, а международного языка. …

---

[10] *РГАСПИ*. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24805. Л. 1об. Опубл.: Ленин В.И. 1970. Полное собрание сочинений. Издание 5. Т. 45. Москва. С. 212.

[11] *РГАСПИ*. Ф. 50. Оп. 1. Д. 45. Л. 433об.-437. Опубл.: *Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет.* 1968. Москва. С. 691-697.

Мы хотим подготовить элементы международной социалистической культуры путём предельного развития национальной культуры»[12].

Эти высказывания Сталина свидетельствуют, что в ту пору он ещё не избавился от идеи мировой революции.

Реальная же жизнь требовала сочетать трудносовместимое: с одной стороны, объективную необходимость унификации экономики и законодательства во имя укрепления Союза, а с другой – коренизацию кадров, изъятие ресурсов «русского пролетариата» для подъёма экономики, науки и культуры союзных республик. Решать дилемму большевистским вождям всякий раз приходилось, исходя из складывавшейся ситуации или даже конъюнктурных соображений. И решения эти зачастую были противоречивыми, компромиссными, ущемлявшими интересы великороссов и России. Кстати, напомню, что первая национальная операция большевиков была проведена по отношению к русскому казачеству – в 1920–1921 гг. в принудительном порядке выселением населения станиц Терского казачьего войска.

История советской Украины – яркое тому свидетельство. Приведем некоторые примеры в хронологической последовательности.

Судьба Донецко-Криворожской республики теперь широко известна. IV съезд Советов Донецкого и Криворожского бассейнов в Харькове конце января 1918 г. постановил создать республику, отдельную от Советской Украины. Но в Москве Ленин и Свердлов с этим не согласились во имя укрепления на Украине «пролетарской косточки» (в Донбассе было много большевиков, а в Киеве мало). В феврале 1919 г. Сталину было поручено провести «уничтожение Кривдонбасса», что и было реализовано.

Назначенный в апреле 1925 г. руководителем парторганизации Украины Лазарь Каганович в рамках политики коренизации кадров резко взвинтил темпы украинизации: при Политбюро ЦК КП(б)У была создана специальная комиссия по украинизации, заметно выросло число украинцев в партийных и советских органах, то же касалось изданий на украинском языке и перевода на украинский преподавания и делопроизводства. Однако часть украинских национал-коммунистов усилия сталинского выдвиженца полагали недостаточными. Оппозицию возглавил нарком просвещения Украины Александр Шумский, считавший, что Каганович саботирует принудительную украинизацию пролетариата, в массе своей русскоязычного. 20 апреля 1926 г. Сталин принял делегацию западноукраинских коммунистов, в составе которой был Шумский. В ходе беседы последний предложил снять Кагановича с поста генсека ЦК КП(б)У и изложил свои претензии. Ответом на этот разговор явилось письмо Сталина, где вождь партии и государства, признав правоту Шумского в необходимости украинизации руководящей верхушки республики, раскритиковал его в глав-

[12] *РГАСПИ*. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4490. Л. 8 -17, 19-31.

ном: «нельзя украинизировать сверху пролетариат» и заставлять «русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком украинский»[13].

В 1927 г. позицию Шумского официально осудил ЦК КП(б)У, он был снят с должности, позднее репрессирован.

В последующем курс на украинизацию подвергся корректировке, но полного отказа от неё не произошло. Новые партийные руководители Украины С.В. Косиор, П.П. Постышев продолжали линию на украинизацию школы и печати, выдвижение украинцев на руководящие посты. Проведённые в соответствии с постановлением Политбюро ЦК КП(б)У от 29 августа 1935 г. обследования Днепропетровской, Донецкой и Одесской областей показали слабую работу по украинизации, преобладание русского языка в делопроизводстве в Донецкой области и «полное отсутствие украинского языка в деловом общении, работе и жизни» Одессы и Николаева.

Вообще *роль Сталина в создании и формировании Советской Украины* заслуживает отдельного разговора. Мало кто знает, что инициатива переноса столицы Украины в январе 1934 г. из Харькова в Киев принадлежала Сталину. Сталин настойчиво отстаивал западную границу СССР по т.н. линии Керзона сначала в переговорах с Рузвельтом и Черчиллем в Тегеране поздней осенью 1943 г., затем во время визита летом 1944 г. в Москву С. Миколайчика, премьера польского эмигрантского правительства в Лондоне. Полякам было отказано в их претензиях на Львов, даже в порядке исключения.

Процитируем в этой связи письмо предстоятеля Украинской грекокатолической (униатской) церкви, митрополита Галицкого и архиепископа Львовского, человека антикоммунистических убеждений Андрея Шептицкого, доложенное Сталину в октябре 1944 г.: «Вы снова присоединили западные украинские земли к Великой Украине. За осуществление заветных желаний и стремлений украинцев, которые веками считали себя одним народом и хотели быть соединёнными в одном государстве, приносит Вам украинский народ искреннюю благодарность. /…/ За всё это следует Вам, Верховный Вождь, глубокая благодарность от всех нас. Благодарность у христиан, прежде всего у духовенства – это христианская добродетель, вытекающая из нашей веры и являющаяся частью надежды и любви. Этот долг благодарности мы выплачиваем как можем и умеем, молитвами и проявлением христианской любви к ближнему. Эта любовь говорит нам в первую очередь принести Вам пожелания всякого блага и воздать надлежащую честь, по словам Христа, “кесарево кесарю”»[14].

---

[13] *РГАСПИ*. Ф. 558. Оп. 11. Д.738. Л. 23–27. Опубл.: *ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос*. 2005. Кн. 1. 1918 – 1933 гг. Москва. С. 382-385.

[14] *РГАНИ*. Ф. 3. Оп. 60. Д .9. Л. 94-95.

По настоянию Сталина среди существовавших тогда 16 союзных республик (в их число входила Карело-финская республика) именно Украина и Белоруссия оказались среди учредителей ООН. Как писал советский лидер в своем послании Рузвельту от 7 сентября 1944 г.: «Украина и Белоруссия … по количеству населения и по их политическому значению превосходят некоторые государства, в отношении которых все мы согласны, что они должны быть отнесены к числу инициаторов создания Международной организации»[15].

Но Сталин, конечно, не принял бы идею Никиты Хрущёва передать Крым Украине. Вернувшись из Киева в Москву после юбилейных торжеств по случаю 300-летия Переяславской Рады (8 января 1954 г.), Хрущёв, долгие годы возглавлявший украинскую парторганизацию, в узком кругу высшего руководства страны заявил, что передача Крыма поспособствовала бы упрочению дружбы русского и украинского народов. 25 января 1954 г. на заседании Президиума ЦК был утверждён проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР.

Вопрос о причинах, которыми руководствовался Хрущёв, остаётся дискуссионным. Наиболее обоснованными представляются политические мотивы, связанные с тем, что в развернувшейся после смерти Сталина борьбе за власть Хрущёв нуждался в поддержке секретарей ЦК и обкомов крупнейшей республиканской компартии.

Проблема юридической состоятельности акта передачи рассматривалась в 1992 г. Верховным Советом Российской Федерации, который указал на допущенные тогда нарушения. Так, вопрос о передаче Крыма, согласно Конституции СССР 1936 г., должен был рассматривать непосредственно Верховный Совет СССР с участием двух его палат, а не подотчётный ему Президиум. На деле Верховный Совет СССР лишь утвердил ранее принятый неконституционный акт. Не была использована возможность проведения всенародного опроса (референдума).

Учитывая политический и экономический вес Украины, её руководители пользовались огромным влиянием в Москве. Два выходца из республики – Хрущёв и Брежнев – возглавляли СССР без малого 30 лет. Молодой Брежнев графу «национальность» в анкетах всегда заполнял словом «украинец». Он перестал это делать не тогда, когда переехал в Москву, а когда в качестве начальника политуправления Прикарпатского военного округа (это 1945–1946 гг.) своими глазами увидел преступные действия бандеровцев из организации украинских националистов (ОУН).

Сменивший на посту первого лица Украины уехавшего в Москву Николая Подгорного Пётр Шелест, видимо, осознавая своё значение руководителя круп-

[15] *РГАСПИ*. Ф. 558. Оп. 11. Д. 369. Л. 6. Опубл.: *Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.* 1958. Москва. Т. 2. С. 157-158.

нейшей республики и активного участника смещения Хрущёва, в августе 1965 г. решился на беспрецедентный шаг – внёс в ЦК КПСС нарушавшее ленинскую традицию монополии союзного центра официальное предложение предоставить республике право самостоятельно вести внешнюю торговлю. Предложение, конечно, не было поддержано. Но когда через семь лет Шелеста снимали за потакание украинизации, излишний либерализм в работе с украинской творческой интеллигенцией, вспомнили и об этом факте.

Приведённые примеры (которые можно множить) подтверждают основополагающий тезис В.В. Путина о том, что «современная Украина – целиком и полностью детище советской эпохи». Этот тезис верен и с точки зрения географии (с учётом тех границ, которые Украина получила в составе СССР и с которыми его покинула[16]), и с точки зрения внутренних политико-экономических, демографических, этнических и иных проблем, оставшихся Украине от предшествующего периода истории.

Современная власть в Киеве тотально отвергает и имперское, и советское прошлое. Власть эта, организуя массовый снос памятников прошлых эпох, переименовывая мешающие ей названия городов, улиц и иных объектов, ведёт себя словно захватчик, оказавшийся на чужой территории. Киевский режим категорически не устраивает правдивое объективное освещение исторических событий, не устраивает советская модель национальной политики с основополагающим принципом братских народов – русских, украинцев и белорусов.

Говоря о единстве русского народа, включающего в себя великороссов, малороссов и белорусов, В.В. Путин ещё крепче объединяет восточных славян и возвращает нас в добольшевистский, дореволюционный дискурс. В этой связи важно подчеркнуть, что и дореволюционная, и советская (если убрать утопическую идею мировой революции) модели национальной политики не так уж далеко ушли друг от друга. Обе они признают многонациональный характер государства Российского и его преемника – Советского Союза. Обе противостоят реализуемой нынешним киевским режимом социальной инженерии, политике «Украина – это антиРоссия», составной частью которой являются попытки, используя всю мощь репрессивного аппарата, переформатировать русскоязычных граждан Украины по лекалам этнонационального сознания, исповедуемого жителями Галичины.

Что из этого сегодня получается и получится ли в таком сложносочинённом государстве, каковым является Украина, – тема отдельного самостоятельного разговора.

[16] Как известно, сразу после распада СССР в январе 1992 г. А.А. Собчак, профессиональный юрист, говорил об обоснованности с правовой точки зрения тезиса о том, что Украина должна покинуть Союз с тем, с чем пришла в СССР.

Об авторе:

Андрей Николаевич Артизов – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства, 115035, г. Москва, Софийская наб., д. 34, стр. 1, E-mail: rosarchiv@gov.ru

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 323.1
Received: December 10, 2022
Accepted: December 21, 2022

Historical Origins of the Current Ukrainian Crisis

A.N. Artizov
DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-7-25

Federal Archival Agency

Abstract: Historical origins of the current Ukrainian crisis is a complex topic since it covers a thousand-year history and includes the main issues of the past and present of the people living on the East European Plain. The preparation of an anthology of archival documents in support of Vladimir Putin's well-known article «On the historical unity of Russians and Ukrainians» is being completed. Andrei Artizov, Head of the Federal Archival Agency, shares some of the results of the joint work of scientists and historians-archivists in this article.

Keywords: history of Russia, history of Ukraine, national policy, USSR, historical unity of Russians and Ukrainians.

About the author:

Andrei N. Artizov – Doctor of Historical Sciences, Head of the Federal Archival Agency, Sofiyskaya nab., 34, p. 1, Moscow, 115035, E-mail: rosarchiv@gov.ru

Conflict of interest:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Karamzin N.M. 1819. *Istoriya gosudarstva Rossijskogo* [History of the Russian State]. Vol. VII. Saint Petersburg. (In Russian).

Kharlampovich K.V. 1914. *Malorossijskoe vliyanie na velikorusskuyu cerkovnuyu zhizn'* [Little Russian influence on Great Russian Church Life]. Vol. 1. P. 484-487. (In Russian).

Kornilov V.V. 2011. *Donecko-Krivorozhskaya respublika* [Donetsk-Krivoy Rog Republic]. Kharkov (In Russian).

Kripyakevich P. 1990. *Bogdan Hmel'nic'kij* [Bogdan Khmelnitsky]. Lviv. (In Ukrainian).

Miller A.I. 2022. Nacional'naya identichnost' na Ukraine: istoriya i politika [National Identity in Ukraine: History and Politics]. *Russia in global politics.* 20(4). DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-4-46-65 (In Russian).

Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [The Novgorod First Chronicle of the Elder and Younger Izvodov]. 1950. Moscow. (In Russian).

Vysotsky S.A. 1966. *Drevnerusskie nadpisi Sofii Kievskoj XI – XIV vv*. [Ancient Russian Inscriptions of St. Sophia of Kiev 11–14 Centuries]. Kyiv. (In Russian).

Yanin V.L., Zaliznyak A.A. 1986. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977 – 1983 gg.). Kommentarii i slovoukazatel' k berestyanym gramotam (iz raskopok 1951 – 1983 gg.)* [Novgorod Letters on Birch Bark (from Excavations 1977 – 1983). Comments and Word Indicator To Birch Bark Letters (from Excavations 1951 – 1983)]. Moscow. (In Russian).

Zaliznyak A.A. 1995. *Drevnenovgorodskij dialekt* [The Ancient Novgorod Dialect]. Moscow. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Высоцкий С.А. 1966. *Древнерусские надписи Софии Киевской XI – XIV вв.* Киев.

Зализняк А.А. 1995. *Древненовгородский диалект.* Москва.

Карамзин Н.М. 1819. *История государства Российского. T.VII.* Санкт-Петербург. С. 70.

Корнилов В.В. 2011. *Донецко-Криворожская республика.* Харьков

Крипякевич П. 1990. *Богдан Хмельницький.* Львів.

Миллер А.И. 2022. Национальная идентичность на Украине: история и политика. *Россия в глобальной политике.* 20(4). DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-4-46-65

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. 1950. Москва.

Харлампович К.В. 1914. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Том 1. С. 484–487.

Янин В.Л., Зализняк А.А. 1986. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.).* Москва.

Вестник МГИМО-Университета. 2022. 15(6). С. 26–35
DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-26-35

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

Антироссийские санкции в глобальной экономической войне

А.С. Лебедев

Министерство иностранных дел Российской Федерации

В статье анализируется расхождение между декларируемыми целями санкций против России и их практическими эффектами. Автор выдвигает гипотезу, согласно которой действительной целью антироссийских санкций, введённых после начала специальной военной операции России на Украине, является не изменение внешней политики РФ, а максимальное ослабление страны посредством нанесения ей экономического ущерба и дестабилизации внутриполитической ситуации. В этих условиях обоснованно рассматривать санкции как «экономическую войну», в связи с чем встаёт вопрос о целях такой войны, выборе оптимальных методов её ведения и определении путей минимизации ущерба национальной экономике. Автор разграничивает «оборонительные» и «наступательные» методы ведения экономической войны, относя к последним и весь спектр санкционных мер. В статье утверждается, что страна, ставшая объектом масштабных санкций, в долгосрочной перспективе неспособна успешно противостоять им с опорой исключительно на «оборонительные» механизмы (например, меры поддержки экономики), что обусловливает необходимость обращения к «наступательному» инструментарию, в частности, к эмбарго на экспорт товаров, имеющих ключевое значение для стабильности хозяйственной модели стран – инициаторов санкций.

Ключевые слова: санкции, экономическая война, внешнеполитическая стратегия, стратегическое целеполагание, устойчивость экономики

Начиная с 2014 г. США и их союзники ввели беспрецедентное число санкционных мер в отношении Российской Федерации. Рестрикции вводятся в обход легитимных международных институтов, прежде всего СБ ООН, в нарушение Устава ООН, как правило, узкой группой государств либо решением одного государства (в случае с ЕС – союза государств). Торговые ограничения применяются в нарушение правил ВТО, международное право игнорируется и подменяется размытым и не имеющим юридической основы

УДК 339.98, 327.8, 339.54
Поступила в редакцию: 25.09.2022
Принята к печати: 20.12.2022

понятием «порядок, основанный на правилах». В данном контексте санкции прочно заняли своё место в арсенале средств экономической политики западных стран, прежде всего США и ЕС, превратившись в нерыночный, не регулируемый международным правом и торговыми соглашениями инструмент экономического и политического давления, продвижения собственных экономических интересов, недобросовестной конкуренции, протекционизма.

Санкции в отношении России вводились под надуманными предлогами, порой даже «превентивно». Масштабное применение таких санкций разрушает систему международного права, девальвирует значимость правил ВТО и вносит дисбаланс и фактор непредсказуемости в мировую торговлю.

Для всех участников противостояния давно очевидно, что в качестве инструмента давления с целью изменить политику Российской Федерации санкционные механизмы не работают. Декларируемые цели санкционной политики недостижимы, что позволяет сделать вывод, что истинные цели антироссийских рестрикций не соответствуют заявленным. Многие западные политики говорят о них открыто: «сдерживание» России, нанесение максимального ущерба экономике, дестабилизация внутриполитической ситуации и в конечном итоге смена политической системы в нашей стране. Раскручиваемый странами Запада санкционный маховик набирает обороты, всё больше приобретая черты экономической войны. В таких условиях встаёт вопрос о постановке целей экономической войны и выборе оптимальных методов её ведения, минимизации ущерба национальной экономике. В данной статье разбираются основные стратегии ведения экономической войны и их применимость в зависимости от выбранных целей.

Тема санкций как инструмента экономического и политического давления достаточно подробно изучена как российскими (Архипова 2017; Тимофеев 2018; Афонцев 2019; Белов, Котов 2022; Timofeev 2022), так и зарубежными учёными (Fischer 2015; Günther, Kristalova, Ludwig 2016; Pestova, Mamonov 2019; Flach et al. 2020). Тема экономических и торговых войн также не обойдена вниманием научной мысли (Титова 2006; Бобылов 2015; Pies 2022; Blum 2020).

Обзор антироссийских санкций в 2022 г.

Развязанная против Российской Федерации после признания независимости ЛНР и ДНР и начала специальной военной операции на Украине экономическая война носит беспрецедентный по масштабу характер. Страны Запада и ранее прибегали к глобальным экономическим ограничениям в отношении отдельных государств, по сути – к экономической блокаде таких стран, как Куба, КНДР, Иран и др. Особенность нынешней ситуации состоит в том, что степень вовлечённости российской экономики в мировые хозяйственные связи достигает таких масштабов, что не позволяет вводить рестрикции в отношении нашей страны без последствий для экономик стран, их применяющих.

Примером экономического противоборства сравнимых по силе соперников можно назвать инициированную президентом США Д. Трампом «торговую войну» между США и КНР, острая фаза которой пришлась на 2018–2020 гг. Данный конфликт принципиально отличается от нынешнего противостояния России и Запада как целями, так и методами противоборства. Стороны стремились добиться прежде всего торговых преимуществ и выгодных условий для собственных производителей. Не ставились явные задачи нанесения максимального ущерба экономике противника, его изоляции от остального мира. Основным инструментом противодействия было таможенно-тарифное администрирование. При этом власти США не скрывали, что будут преследовать также цели «сдерживания» Китая, ограничения его хозяйственных связей, прежде всего в странах ЕС. Об этом свидетельствует и серия санкций против Huawei и других высокотехнологичных компаний Поднебесной, давление на страны ЕС с целью не допустить китайские компании к участию в создании сетей связи нового поколения (5G, 6G). Но указанные действия предпринимались вне рамок «торговой войны».

В случае с Россией страны Запада используют весь возможный инструментарий, не считаясь ни с нормами международного права, ни с собственной деловой репутацией надёжного партнёра.

Первый пакет западных санкций был принят 21 февраля в ответ на признание Россией независимости Донецкой и Луганской народных республик. США запретили своим гражданам и компаниям инвестировать в ДНР и ЛНР и осуществлять торговые операции с республиками. Под санкции попали ВЭБ и Промсвязьбанк, их активы в США были заморожены, а сами компании отрезаны от долларовой системы. Минфин США запретил американским финансовым институтам любые сделки с российскими рублевыми облигациями федерального займа. Санкции наложены на компанию Nord Stream 2 AG и её руководство. Схожие меры ввели Великобритания, Канада, Австралия и Япония. ЕС запретил финансовым организациям предоставлять займы и инвестировать в Банк России и российское правительство. Германия остановила сертификацию газопровода «Северный поток – 2».

Во втором пакете, принятом после начала специальной военной операции на Украине, санкционный список существенно расширился. В него вошли «Аэрофлот», ВТБ и «Ростех». Ограничена допустимая сумма на счетах граждан России в британских и европейских банках. США ограничили возможность российским предпринимателями проводить операции в долларах США, евро, фунтах стерлингов и иенах. Ряду крупных банков запрещены валютные операции, работа с американскими контрагентами, заблокированы активы, находящихся в юрисдикции США. Также оказались заблокированы корсчета Сбербанка в США. Под секторальные санкции попали Газпромбанк, Россельхозбанк, Альфа-Банк, Московский кредитный банк, «Газпром», «Газпром нефть», «Транснефть», «Ростелеком», «РусГидро», «АЛРОСА», «Совкомфлот», РЖД и др. Санкции

затронули сферы экономики, логистики, промышленности, энергетики, визового режима. Ограничения были распространены на несколько десятков преимущественно оборонной и машиностроительной отраслей.

Третий пакет санкций ударил по Банку России. Золотовалютные резервы, размещённые в банках стран «Группы семи», заморожены. По данным на 18 февраля, международные резервы Банка России составляли 643 млрд долл. США, из них 311 млрд хранилось в ценных бумагах, 152 млрд – в наличной валюте и на депозитах иностранных банков. $132 млрд – в золоте в России, $30 млрд — в резервах в Международном валютном фонде. Этим же пакетом банки ВТБ, «Открытие», Новикомбанк, Совкомбанк, Промсвязьбанк, Банк «Россия» и ВЭБ были отключены от системы межбанковских платежей SWIFT. К антироссийским санкциям присоединились Республика Корея и Сингапур. Великобритания и Канада закрыли свои порты для российских судов. ЕС ввел запрет на вывоз на территорию России наличных евро. Ограничение распространяется не только на государственные структуры, но и на всех физических и юридических лиц.

Всемирный банк объявил об остановке всех своих проектов в России и Беларуси. Свою работу в обеих странах прекратил и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций.

В период с 25 февраля по 1 марта 2022 г. своё небо для российских самолётов закрыли США, Великобритания, страны ЕС, Швейцария и Черногория.

Далее с небольшим временным интервалом последовали четвёртый, пятый и шестой санкционные пакеты, расширяющие списки подсанкционных физических и юридических лиц, товарных групп, вводящие новые ограничения на торговлю с Россией, инвестиции, банковские операции, операции с долговыми инструментами и др. На момент завершения данной статьи принят восьмой пакет и находится в разработке девятый.

Особенная опасность ситуации заключается в том, что в ходе эскалации конфликта вместе с грубым нарушением Западом норм международного права (наиболее ярким примером чему стала «заморозка» валютных резервов России) перестали работать механизмы урегулирования противоречий как на уровне государств, так и на уровне хозяйствующих субъектов. Вследствие санкций (а порой под их предлогом) не выполняются торговые контракты, при этом утрачивают своё значение арбитражные суды как органы разрешения споров, решения которых заведомо не будут выполняться. Выход конфликта за рамки правового поля чрезвычайно затрудняет его деэскалацию в будущем и дальнейшую нормализацию отношений.

Стратегии ведения экономической войны

Возникает вопрос о постановке целей экономической войны и выборе оптимальных методов её ведения. Здесь, как и в вооружённом конфликте, суще-

ствуют средства, которые условно можно назвать оборонительными или наступательными.

К первым относятся меры, направленные на поддержание устойчивости собственной экономики и снижение негативного эффекта зарубежных рестрикций. К ним относятся программы импортозамещения, создание условий для автономного функционирования финансовой системы, формирование стратегических резервов критически важных материалов, компонентов, комплектующих, переориентация на другие рынки.

Ключевое значение имеют принимаемые на государственном уровне меры поддержки бизнеса, вынужденного приспосабливаться к новым условиям деятельности. К таким мерам относятся мораторий на плановые проверки малых и средних предприятий и IT-компаний, возможность автоматического продления лицензий и разрешительных документов, упрощение процедуры госзакупок, «кредитные каникулы», программы льготного кредитования, налоговые льготы. Для обеспечения промышленности и населения подсанкционными товарами, а также продукцией фирм, прекративших официальные поставки на отечественный рынок, облегчаются условия ввоза такой продукции в нашу страну («параллельный импорт»).

К «наступательным» средствам противодействия относится весь арсенал санкционных механизмов, используемый странами Запада в отношении Российской Федерации, а также контрмеры, применяемые нашей страной. Поскольку любые ограничения в трансграничном движении товаров, услуг или капитала сказываются на обеих сторонах, выбор каждого такого инструмента должен быть тщательно взвешен на предмет последствий не только для экономики противника, но и для собственной экономики страны, его применяющей.

Изначально санкционные меры США и ЕС были направлены в большей степени не на нанесение прямого ущерба, а на ограничение доступа к технологиям, высокотехнологичному оборудованию и комплектующим, ограничение инвестиционных возможностей, то есть на сдерживание развития в долгосрочной перспективе. В наибольшей степени рестрикции нацелены против таких отраслей, как ТЭК, ВПК, банковский сектор, машиностроение. Применительно к нефтегазовому сегменту речь идёт о сокращении возможностей геологоразведки и освоения новых месторождений, что в будущем может привести к снижению объёмов добычи и, соответственно, доходов государственного бюджета.

С серьёзными трудностями из-за ограничения доступа к импортным комплектующим сталкиваются военно-промышленный комплекс, авиационно-космическая отрасль, судостроение, автомобилестроение и другие сегменты российской промышленности, в том числе при производстве сугубо гражданской продукции.

На фоне укрепления курса рубля весной 2022 г. было бы ошибочным предположить, что западные санкции не оказали существенного воздействия на российскую экономику. Первичный моментальный эффект после введения

санкций – обвал биржевых индексов, курса акций подсанкционных компаний и падение национальной валюты. Последующее выравнивание рублевого курса связано как с предпринятыми правительством мерами (обязательная продажа валютной выручки, ограничения на валютные операции и др.), так и с вызванным санкциями серьёзным дисбалансом во внешней торговле, когда экспорт энергоносителей из России продолжился практически в прежних физических объёмах (но по существенно более высоким ценам), а импорт продукции западных стран значительно сократился. Это привело к переизбытку предложения иностранной валюты на внутреннем рынке при сократившемся спросе.

На конец 2022 г. можно уже с уверенностью утверждать, что российская экономика выдержала основной санкционный «удар» и приспособилась к функционированию в новых условиях. Накопительный или отложенный негативный эффект вводимых санкций, безусловно, проявляется и будет проявляться в различных отраслях экономики. В то же время, как показал 2022 год, хозяйственная модель Российской Федерации обладает определённым запасом инерции в несколько месяцев, в течение которых большинство компаний продолжало выпускать продукцию. Это время было использовано для поиска альтернативных поставщиков в странах, не пораженных «вирусом русофобии», организации соответствующего производства отечественными компаниями, других решений, которые обеспечили бы бесперебойную деятельность базовых отраслей.

Мы подошли к ключевому фактору в экономической войне – устойчивости экономической и политической системы государства. Как представляется, решение западных стран ввести беспрецедентные меры против России обусловлено уверенностью в том, что для нашей страны рестрикции окажутся намного более болезненными, чем для государств, их принявших. Уверенность эта основана, прежде всего, на огромной разнице в экономической мощи Запада и России. Действительно, совокупный ВВП стран ЕС в 2021 г. составил 15,7 трлн долл. США, ВВП США – 22,7 трлн долл. США, в то время как ВВП России – лишь около 1,7 трлн долл. США. Такая колоссальная диспропорция вполне могла создать ложную иллюзию относительной безболезненности для стран Запада принимаемых мер по экономической изоляции России. Но устойчивость национальной экономики не зависит напрямую от объёма ВВП и других численных показателей. Важнейшую роль играет обеспеченность ресурсами, обладание необходимыми технологическими компетенциями для функционирования хозяйства в условиях жёстких ограничений импорта.

При этом налицо недооценка степени вовлечённости России в мировые цепочки поставок. Помимо нефти и газа, наша страна является важнейшим игроком на рынках зерновых, растительного масла, чёрных, цветных и редкоземельных металлов, минеральных удобрений, инертных газов, обогащённого урана. Даже частичное ограничение доступа России к указанным рынкам приводит в глобальном масштабе к снижению стабильности мировой экономики, ещё не

оправившейся от последствий кризиса 2020–2021 гг., вызванного пандемией коронавируса.

Ещё одним важным фактором устойчивости экономики является оптимизация производственного цикла и логистических маршрутов. В условиях экономической стабильности оптимизированные с целью минимизации издержек бизнес-модели наиболее конкурентоспособны, но делают систему «жёсткой», когда не предусмотренное отклонение от заложенной модели может привести к краху. Глобализация увеличила масштаб оптимизируемых систем. Остановка или замедление одного отдельно взятого производственного процесса может вызвать цепную реакцию технологических и логистических проблем с труднопредсказуемыми последствиями. Таким образом, страны Запада, достигнувшие наибольших успехов в оптимизации производственно-логистических цепочек, оказываются в данном аспекте чрезвычайно уязвимыми к глобальным потрясениям, что весьма наглядно продемонстрировал «коронакризис».

Немаловажную роль играет социально-политическая стабильность и степень доверия населения высшему руководству страны. В странах Запада весьма весомый процент населения живёт в съёмном жилье (в ФРГ – около 50%, во Франции и Великобритании – 35%, в США – 39%). В условиях низких процентных ставок по кредитам и предсказуемой ситуации в экономике как предприятия, так и население стран Запада в значительной степени связаны кредитными обязательствами. В случае же экономических потрясений потенциальная потеря работы, да и просто снижение покупательской способности граждан вследствие растущей инфляции может привести к неспособности обслуживать кредиты, оплачивать съёмное жилье, что чревато социальными взрывами и массовыми протестами.

Следует отметить, что при сугубо «оборонительной» стратегии в экономической войне, когда упор делается на минимизации и компенсации последствий применения противником «наступательных» санкционных мер, инициатор экономической войны будет определять её ход, вводя новые рестрикции таким образом, чтобы нанести урон противнику при минимальных собственных издержках. Ущерб собственной экономике от вводимых санкций просчитывается и, очевидно, признаётся приемлемым. В такой ситуации позиция подвергшейся экономическим рестрикциям стороны заведомо проигрышная, поскольку противник, завладев инициативой, контролирует ситуацию, может усиливать санкционное давление, выбирая такие меры, которые в меньшей степени затронули бы его собственную экономику.

Последствия своей санкционной политики страны Запада уже ощущают. Рост цен на энергоносители и рекордные показатели инфляции в условиях, когда мир ещё не оправился от «коронакризиса» и сохраняющихся нарушениях цепочек поставок, приводят к падению уровня доходов и, соответственно, качества жизни населения этих государств. При этом у них есть «болевые точки», удар по которым имел бы критические последствия для функционирования хо-

зяйственной модели указанных стран. Какие именно – видно, в частности, из перечня товарных позиций, для поставок которых в санкциях предусматривались изъятия. Помимо природного газа, сырой нефти и нефтепродуктов, страны ЕС нуждаются в российском титане, алюминии, никеле, палладии, железной руде. Торговля углеводородами имеет критическое значение как для Евросоюза, использующего их в качестве топлива и сырья для химической промышленности, так и для России, где продажа нефти и газа в условиях эмбарго на другие экспортные позиции становится основным источником поступления в страну иностранной валюты, а соответствующие налоговые и таможенные отчисления составляют значительную долю государственного бюджета.

При этом страны Запада предпринимают последовательные меры для постепенного отказа от российских углеводородов. Превентивное прекращение поставок со стороны России до того, как удастся полностью заместить российское сырьё, привело бы к серьёзным экономическим и социальным последствиям, прежде всего, для стран Евросоюза. В условиях тотальной экономической войны, когда Запад вводит антироссийские санкции с целью нанесения максимального ущерба нашей экономике без оглядки на социальные последствия, оправданными представляются тщательно выверенные ответные меры, направленные на «болевые точки» западных стран, которые возымели бы ощутимое воздействие на стабильность их хозяйственных моделей.

* * *

На начальном этапе санкционного противодействия адекватной представляется практика принятия дозированных ответных мер, в целом соответствующих вводимым против нашей страны рестрикциям, но при этом достаточно чувствительных для противника. При понимании, что ни один недружественный шаг не должен оставаться без ответа, на данном этапе важно оставлять открытыми пути к деэскалации и нормализации отношений. При исчерпании противником точечных мер и переходе к масштабным действиям с целью нанесения максимального экономического ущерба нашей стране, ответные меры также должны носить подрывной характер для экономики противника, вести к её дестабилизации, усилению протестных настроений в обществе.

Об авторе:

Алексей Сергеевич Лебедев – старший советник, руководитель группы экономики посольства России в ФРГ, Министерство иностранных дел Российской Федерации.

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 339.98, 327.8, 339.54
Received: September 25, 2022
Accepted: December 20, 2022

Anti-Russian Sanctions in Global Economic Warfare

A.S. Lebedev
DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-26-35

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Abstract: The article analyzes the discrepancy between the declared goals of sanctions against Russia and their practical effects. The author puts forward a hypothesis according to which the real purpose of the anti-Russian sanctions imposed after the start of Russia's special military operation in Ukraine is not to change the foreign policy of the Russian Federation but to weaken the country as much as possible by causing economic damage to it and destabilizing the domestic political situation. Under these conditions, it is reasonable to consider sanctions as an "economic war," which raises the question of the goals of such a war, the choice of optimal methods for its conduct, and ways to minimize damage to the national economy. The author distinguishes between "defensive" and "offensive" methods of economic warfare. The article argues that a country that has become the object of large-scale sanctions is unable to successfully resist them in the long term, relying solely on "defensive" mechanisms (for example, measures to support the economy). It must resort to "offensive" tools as well, for instance to the embargo for the export of goods that are of key importance for the stability of the economic model of the countries that initiated the sanctions.

Keywords: sanctions, economic warfare, foreign policy strategy, strategic goal setting, economic stability.

About the authors:

Alexey S. Lebedev – Senior Counsellor, Head of the Economics Section of the Russian Embassy in Germany, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Conflict of interests:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Blum U. 2020. *Wirtschaftskrieg: Rivalität ökonomisch zu Ende denken.* Springer Gabler. 1068 p. (In Russian).

Fischer S. 2015. EU-Sanktionen gegen Russland: Ziele, Wirkung und weiterer Umgang. *SWP-Aktuell,* 26/2015. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik. 8 p. (In Russian).

Flach L. et al. 2020. *Die volkswirtschaftlichen Kosten der Sanktionen in Bezug auf Russland.* München: ifo Institut. 76 p. (In Russian).

Günther J., Kristalova M., Ludwig U. 2016. Folgen der Sanktionen zwischen der EU und Russland für die deutsche Wirtschaft. *Wirtschaftsdienst: Zeitschrift für Wirtschaftspolitik.* 96(7). P. 524-526. (In Russian).

Pestova A., Mamonov M. 2019. Should we Care? The Economic Effects of Financial Sanctions on the Russian Economy. *BOFIT Discussion Papers.* №13. Helsinki: Bank of Finland, Institute for Economies in Transition (BOFIT). 48 p.

Pies I. 2022. Moralische Verpflichtung zum Wirtschaftskrieg? *ifo Schnelldienst,* 75. Jahrgang. S. 19-22. (In Russian).

Timofeev I.N. 2022. Sanctions on Russia: A New Chapter. *Russia in Global Affairs.* 20(4). P. 103-119. DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-4-103-119.

Arkhipova V.V. 2017. Sovremennyi sanktsionnyi rezhim v otnoshenii Rossii: kharakteristika i global'nyi aspekt [Current Sanctions Regime Against Russia: Characteristics and Global Aspect]. *Mir novoi ekonomiki* [The World of New Economy]. 11(2). P. 13-19. (In Russian).

Afontsev S.A. 2019. Sanktsii i mezhdunarodnye instituty: perspektivy snizheniia sanktsionnykh riskov dlia Rossii [Sanctions and International Institutions: The Prospects of Russia Mitigating Sanctions Risks]. *International Organisations Research Journal.* 14(3). P. 48-68. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-03. (In Russian).

Bobylov Y.A. 2015. Ekonomicheskie voiny v svete ekonomicheskoi teorii [Economic Warfare from the Perspective of Economic Theory]. *Izvestiia Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie* [The Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management]. №2. P. 104-116. (In Russian).

Belov V.B., Kotov A.V. 2022. Antirossiiskaia sanktsionnaia politika FRG: promezhutochnye itogi i otvetnye mery [Germany's anti-Russia Sanctions Policy: Intermediate Results and Countermeasures]. *Analytical papers of IE RAS.* 4(27). P. 37-42. DOI: 10.15211/analytics42720223742. (In Russian).

Timofeev I.N. 2018. Ekonomicheskie sanktsii kak politicheskoe poniatie [Economic Sanctions as a Concept of Power Politics]. *MGIMO Review of International Relations.* 11(2). P. 26-42. (In Russian).

Titova E.O. 2006. Ekonomicheskaia voina: proiskhozhdenie, sushchnost', strategii [Economic Warfare: Origins, Essence, Strategies]. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia.* Vol. 64. P. 114-124.

Список литературы на русском языке:

Архипова В.В. 2017. Современный санкционный режим в отношении России: характеристика и глобальный аспект. *Мир новой экономики.* 11(2). С. 13–19.

Афонцев С.А. 2019. Санкции и международные институты: перспективы снижения санкционных рисков для России. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика.* 14(3). С. 48-68. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-03.

Белов В.Б., Котов А.В. 2022. Антироссийская санкционная политика ФРГ: промежуточные итоги и ответные меры. *Аналитические записки Института Европы РАН.* 4(27). С. 37-42. DOI: 10.15211/analytics42720223742.

Бобылов Ю.А. 2015. Экономические войны в свете экономической теории. *Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление,* №2. С. 104-116.

Тимофеев И.Н. 2018. Экономические санкции как политическое понятие. *Вестник МГИМО-Университета.* 2(59). С. 26-42. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42.

Титова Е. О. 2006. Экономическая война: происхождение, сущность, стратегии. *Научные труды Вольного экономического общества России.* Т. 64. С. 114-124.

Вестник МГИМО-Университета. 2022. 15(6). С. 36–54
DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-36-54

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

Новая стратегия «мягкой силы» Китая

О.В. Зиневич, Н.В. Селезнева

Новосибирский государственный технический университет

В фокусе статьи – китайская концепция и стратегия применения «мягкой силы» для создания привлекательного образа страны. В условиях острой борьбы за глобальное и региональное лидерство одним из ключевых инструментов внешней политики Китая стала «мягкая сила», основанная, прежде всего на привлекательности национального языка и культуры. Распространяя свой язык и культурные коды в культурное пространство других стран, Китай стремится укрепить свой позитивный образ. Западный по происхождению концепт «мягкой силы» в Китае был переосмыслен. С опорой на контекстно-ориентированный подход в статье показано, каким образом китайские учёные выстроили специфически китайскую теорию *«мягкой силы культуры»* (中国文化软实力), которая использовалась во внешней и внутренней политике государства и послужила основой наблюдаемых изменений в стратегии применения «мягкой силы». На основе анализа китайских источников авторы статьи приходят к выводу о том, что в начале XXI в. наращивание «мягкой силы» через создание сети Институтов Конфуция представлялась Китаем как политика взаимного выигрыша на международной арене. После прихода к власти Си Цзиньпина «мягкая сила культуры» в качестве ресурса и инструмента внешнего влияния Китая уходит с фронтира политической повестки. Внешнеполитический вектор «мягкой силы культуры» перенаправляется вовнутрь, а культура, которая ещё недавно открыто действовала как драйвер «мягкой силы» во внешней политике, переходит на внутренний трек и вписывается в концепцию «четырёх уверенностей» и «двойной циркуляции», делая акцент на качественной составляющей, при этом сохраняя свою высокую внешнеполитическую значимость для китайского руководства.

Ключевые слова: «мягкая сила», «мягкая сила культуры», Китай, двойная циркуляция

Стратегии государств по достижению лидерства в глобальном / региональном пространстве осуществляются различными средствами, в том числе с помощью политики «*мягкой силы*». Стратегии и практики «мягкой силы» получили широкое распространение в западных и незападных странах, а само понятие активно обсуждается на протяжении более 30 лет в политических науках, однако и по сей день остаётся дискуссионным (Юдин 2018). Это

УДК: 327.8, 37.035.4
Поступила в редакцию: 19.05.2022
Принята к публикации: 28.11.2022

связано как с различными идеологическими и методологическими подходами к изучению «мягкой силы», так и со спецификой её концептуализации и применения во внешней политике государств, претендующих на ведущие роли в глобальном управлении.

В идеологическом багаже национальных государств содержатся собственные концепции «мягкой силы», адаптированные к целям внешней и внутренней политики. Так, в современной политике Китая «мягкая сила» занимает одно из значимых мест, являясь частью нарратива о совокупной мощи государств и китайской мечте о великом возрождении китайской нации. Теоретической разработке концепции «мягкой силы» в Китае уделялось самое серьёзное внимание академического и экспертного сообщества. Различные аспекты изучения «мягкой силы» нашли отражение в многочисленных публикациях на китайском языке, суммарное количество которых, по данным CNKI[1], составляет более тридцати восьми тысяч за период с 2003 по 2022 гг. Кейс Китая особенно интересен для изучения, поскольку демонстрирует своеобразие теоретического и экспертного оформления идеологии «мягкой силы» в национальном (незападном) контексте и её значение для реализации глобальных, региональных и национальных внешнеполитических целей.

В условиях обострения международной обстановки, ориентации глобальных игроков на применение методов принуждения (*жёсткой силы*), правомерно высказать сомнение в актуальности изучения этой формы силового взаимодействия. Эскалация жёстких методов вызывает ряд вопросов, среди которых главным является вопрос о существовании «мягкой силы» как самостоятельного явления, понимание которого не исчерпывается лишь указанием на отсутствие жёстких методов влияния. Ещё более дискуссионной становится проблема демаркации жёсткой и «мягкой» сил: является ли «мягкая сила» вариантом силы жёсткой, или «мягкая сила» имеет собственную качественную определённость и не может быть редуцирована к другим формам силовой внешней политики? Кроме того, не менее значим вопрос о двойных стандартах Запада, когда представители неолиберальных кругов признают наличие «мягкой силы» только у «демократических» стран и не признают «мягкую» силу так называемых «авторитарных» стран, применяя для них отдельный термин – «острая сила» (Кузнецов 2021: 160). В этом контексте важно обсудить, является ли «мягкая сила» преимущественно заметным внешнеполитическим трендом или государство как источник «мягкой силы» делает ставку на опосредованное влияние – транслирует политические и идеологические установки по различным культурным и образовательным каналам.

[1] CNKI: soft power of culture. *CNKI*: *文化软实力*. URL: https://kns.cnki.net/kns8/defaultresult/index (accessed 10.12.2022) (In Chinese).

Понятие «*мягкая сила*» было введено в научный и политический дискурс Дж. Наем, который предложил рассматривать «мягкую силу» как силу убеждения, сотрудничества, привлекательности для достижения желаемых целей в противовес жёсткой силе принуждения и давления (Най 2013). Термин получил множество различных интерпретаций в мировой и отечественной науке, но консенсус по вопросу о его специфике так и не был достигнут. В России под «мягкой силой» часто понимается отсутствие «жёстких» (военных) методов воздействия, что приводит к отождествлению «мягкой силы» с экономическим и политическим принуждением, пропагандой и редуцированию «мягкой» силы к жёсткой (Лебедева 2017). Вслед за М.В. Харкевичем отметим, что понятия «мягкой» и жёсткой силы не могут быть абсолютными противоположностями, но вместе с тем «мягкую силу» необходимо выделять и изучать как «новую форму власти в мировой политике» (Харкевич 2014).

В отечественных исследованиях достаточно широко представлена концепция «мягкой силы», центрированная на значении культуры и образования как её ресурса и инструмента. Разработкой этого вопроса занимаются М.М. Лебедева, Е.П. Панова, А.В. Торкунов, А.В. Шестопал и М.В. Силантьева, Е.А. Антюхова, И.Д. Тузовский и др. Приоритет культуры как ресурса «мягкой силы» неоднократно подчёркивался самим автором этой идеи. «"Мягкая сила" во многом опирается на три основных ресурса: культуру (там, где он нравится другим), политические ценности (когда есть соответствие им внутри страны и за рубежом) и её внешнюю политику (когда другие считают её законной и имеющий моральный авторитет)» (Nye 2012: 153). В этой триаде культура является ключевым ресурсом, который придаёт смысл двум другим – политическим ценностям и внешней политике, усиливая привлекательность последних за счёт лояльного отношения к культуре страны–субъекта влияния. «Ресурсное» определение «мягкой силы культуры» не противоречит возможности представлять культуру не только как ресурс (потенциал), но и как политический инструмент влияния через различные формы культурной экспансии. В качестве инструмента «мягкой силы» рассматривается целенаправленное, поддерживаемое государством распространение культуры на территории другого государства (обучение языку, проведение кинофестивалей, выставок, издательская деятельность и др.). Эти действия направлены на то, чтобы охватить как можно большее число людей в других странах и сделать свою культуру и свою страну привлекательной для жителей всей планеты.

Среди отечественных исследователей серьёзное внимание «мягкой силе» Китая уделено в работах О.Н. Борох, Т.Н. Кучинской, А.В. Ломанова, С.В. Михневича, Е.И. Сафроновой, К.А. Тарабарко, М.Л. Титаренко и др. Обосновывается культуроцентричность китайской концепции «мягкой силы» в противовес приоритету политической ориентации в американской концепции (Борох, Ломанов 2012). Акцентируется значение культурно-цивилизационного подхода к изучению «мягкой силы» в китайских исследованиях (Журавлева 2016: 22).

Исследователи также отмечают высокую степень инкорпорированности ценностей традиционной культуры в современные концепции развития КНР, что находит отражение в трактовке «мягкой силы» (Тарабарко 2016).

В китайской научной среде доминирует культуроцентричное понимание «мягкой силы», выкристаллизовавшееся в термине «*мягкая сила культуры Китая*» (中国文化软实力). Упомянем лишь некоторых китайских авторов, которые в своих работах рассматривали проблематику «мягкой силы культуры»: Ван Хунин, Лю Цзайци, У Гуйхань, Ян Шэнпин, Чжан Гоцзо, Е Цзычэн, Сюн Лэпин, У Миньянь, Сюй Юаньсяо, Сюй Фансюн, Чжан Шуанси и многие другие. Несмотря на большое количество публикаций о «мягкой силе», остаётся открытым вопрос об инклюзивности содержания этой концепции, о тех трансформациях, которые претерпевает концепция «мягкой силы», а вместе с ней и практики её использования Китаем.

Цель исследования, поставленная авторами статьи, заключается в том, чтобы проследить развитие концепции «мягкой силы», обозначить тенденции пересмотра её ресурсов и инструментов в соответствии с новыми задачами внешней и внутренней политики государства. Обосновывается гипотеза о том, что наблюдаемое снижение значения нарратива «мягкой силы», реформирование и деполитизация Институтов Конфуция, а также продвижение концепций «четырёх уверенностей» и «двойной циркуляции» свидетельствуют о переформатировании подходов к использованию «мягкой силы» как «выигрышной стратегии» на международной арене, но не об отказе от её применения.

В статье используется определение «мягкой силы», предложенное Н.В. Юдиным: «“мягкая сила” – это особая форма взаимодействия, отличительной чертой которой становится направленность на достижение долгосрочных стратегических целей путём косвенного, неявного воздействия на объект» (Юдин 2015: 101). В отличие от «мягкой силы», жёсткая сила направлена на решение кратко- и среднесрочных тактических задач путём прямого («силового») воздействия на объект. Авторы статьи считают уместным использование контекстно-ориентированного подхода, согласно которому «мягкая сила» не является атрибутом (неотъемлемым свойством) государства или иных субъектов, «а возникает только в процессе конкретного взаимодействия и только его и характеризует» (Юдин 2015: 101). Контекстно-ориентированный подход применим к анализу использования ресурсного потенциала для осуществления внешнеполитических целей мягкими средствами. На наш взгляд, подход, учитывающий политику наращивания внутренних ресурсов для внешнеполитических целей, является релевантным для исследования наблюдаемых изменений в применении Китаем «мягкой силы». Не менее важной методологической установкой, позволяющей объяснить происходящие изменения в концепции и практиках применения «мягкой силы» Китаем, является разработанная С. Льюксом теория о трёх лицах (ликах) власти (Льюкс 2010), которая используется Н.В. Юдиным для уточнения понятия «мягкая сила». «Мягкую силу» нельзя свести к явным, рационально обоснованным и

конфликтующим отношениям субъекта и реципиента власти, а также игнорировать не всегда осознанные мотивы и модели поведения, влияющие на реализацию интересов субъекта силового воздействия. Речь идёт «о способности субъекта силового взаимодействия заставить объект желать того же, что и он сам» (Юдин 2015: 90). Так, Китай отказывается от применения очевидно политизированных инструментов влияния (в частности, это касается Институтов Конфуция, которые считались в Китае главным инструментом «мягкой силы») и прибегает к иным способам распространения знаний о Китае, китайской культуре и языке, способствующих тому, чтобы как можно больше людей полюбили Китай и китайскую культуру, усилив тем самым привлекательность самой страны.

Китайская концепция «мягкой силы культуры»

Китайские учёные проводят последовательное отмежевание концепции «мягкой силы» Китая от первоначальной концепции, предложенной Дж. Наем, и отмечают, что последняя получила развитие в период расцвета американского унилатерализма и была создана для того, чтобы опрокинуть теорию «упадка Америки». Китайская концепция «мягкой силы», хоть и была сформирована под влиянием американской, имела иной бэкграунд, который был связан с повышением роли культуры в социалистическом строительстве (Shu 2017: 33). Рассуждая о заимствовании концепций и терминов, главный редактор издательства Столичного педагогического университета (Пекин) Ян Шэнпин говорит, что необходимо понимать смыслы и содержание того дискурса, который породил эти концепции и термины, в особенности в гуманитарной и политологической областях. Кроме того, нужно учитывать разницу их интерпретации в различных языках и культурах. Ян Шэнпин также делает акцент на том, что концепцию «мягкой силы» необходимо переосмыслить с позиций марксизма (Yang 2012: 23). Профессор партийной школы ЦК КПК Дэн Сяньчао в своём труде отмечает, что Китаю удалось избежать слепого следования и повторения теории Дж. Ная о «мягкой силе» – в китайском дискурсе концепция «мягкой силы» трансформировалась под воздействием местных условий и явилась результатом интеграции понимания «мягкой силы» в международных отношениях, китайской политической обстановки и культурных практик, сформировав тем самым в китайском дискурсе понятие «мягкая сила культуры Китая» (Deng 2015: 41).

Китайские эксперты, противопоставляя китайскую концепцию «мягкой силы культуры» концепции Дж. Ная, уделяют основное внимание собственно культурному строительству, которое является одной из составляющих совокупной мощи государства и международной конкурентоспособности[2]. Существен-

[2] Interpretation of the report of the 17th National Congress of the Communist Party of China to improve the soft power of national culture [党的十七大的报告解读提高国家文化软实力]. 2007. *The Central People's Government of Republic of China*. 28 December. URL: http://www.gov.cn/jrzg/2007-12/28/content_845741.htm (accessed 10.12.2022) (In Chinese).

ные расхождения с концепцией Дж. Ная китайские исследователи видят в вопросе ценностей, отмечая, что вопрос ценностей – это по сути вопрос культуры и идеологии. Поскольку США и Китай стоят на разных культурных и идеологических позициях, то вопрос базовых ценностей всегда будет тем, что отличает китайский и американский подходы к «мягкой силе»[3].

С китайской идеологической точки зрения концепция «мягкой силы» Дж. Ная является продолжением и развитием идеологии холодной войны, а её целью является завоевание всемирного господства через проникновение в другие страны культуры, ценностей, внешней политики и других ресурсов «мягкой силы» (Deng 2015: 41). Провозглашаемая цель наращивания «мягкой силы» Китаем совсем иная. С момента начала проведения политики реформ и открытости Китай постепенно движется в направлении «мирного возвышения», обещая при этом никогда не претендовать на гегемонию. Именно поэтому в идеологии Китая наращивание «мягкой силы» не может нанести вред другим странам, а может быть использовано для взаимного выигрыша. Китай принимает на себя роль ответственного государства и именно с этой позиции участвует в международных делах, активно рассказывает другим странам о выдающихся продуктах культуры, культурных символах, ценностях и не имеет намерений через идеологию достичь гегемонии, а наоборот, надеется, что через культуру лучше узнают Китай, примут Китай, полюбят Китай, что Китай сможет лучше и активнее проявлять себя на международной арене, сможет внести ещё больший вклад в дело мира, процветания и гармонии.

После обнародования концепции «мягкой силы» Дж. Наем китайские исследователи, как и их зарубежные коллеги, отмечали, что Дж. Най, обрисовав концепцию в целом, не уделил внимания детальной проработке отдельных моментов. Так, Ян Шэнпин полагает, что Дж. Най, выдвигая концепцию «мягкой силы», исходил из того, что американские ценности являются всеобщими ценностями, он не подвергал их сомнению. При этом исследователь отмечает, что американские ценности уже выкристаллизовались, являются ясными и понятными и не требуют повторного привития народным массам внутри страны. В то время как в Китае этого ещё не произошло, поскольку Китай находится в переходном периоде социализма и ему ещё необходимо проводить интенсивную работу по собиранию и выплавке своих ядерных ценностей, которые использовались бы для сплочения населения (Yang 2012).

Чжан Гоцзо, директор научно-исследовательского центра изучения «мягкой силы культуры» Китая, отмечал, что размытость понятия soft power привела к тому, что после распространения концепции в Китае, существовало несколько

[3] Wang Xinyan. 2019. Socialist Core Values and the Construction of Contemporary Chinese Cultural Soft Power [社会主义核心价值观与当代中国文化软实力建设] *Xinmin wanbao*. 3 April. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1627065953496949349&wfr=spider&for=pc (accessed 10.12.2022) (In Chinese).

вариантов перевода и только после доклада на 17-м съезде КПК формулировка «мягкая сила культуры» (文化软实力) вошла в китайский политический нарратив в статусе «важной составной части совокупной мощи государства»[4]. Аналогичных позиций придерживаются и другие китайские идеологи «мягкой силы». Е Цзычэн, декан Факультета международных отношений Пекинского университета, отмечает, что «мягкая сила» в подаче Дж. Ная является политическим понятием, а не научным термином в строгом смысле, поэтому сохраняется терминологическая неопределённость, размытость понятий, неточность формулировок в таких вопросах как разграничение жёсткой и «мягкой силы», содержании понятия «мягкой силы», характеристике её ресурсов и т.д.[5].

Среди прочего Е Цзычэн отмечает, что концепция Ная не даёт ясных ответов на следующие вопросы: 1) ресурсность «мягкой силы» – это исключительно ресурсы самой «мягкой силы» или же и жёсткой силы тоже? 2) если подкуп – это жёсткая сила, а притягательность – «мягкая», то в чем разница между первым и вторым, чем в таком случае считать помощь? 3) есть ли этические и нормативные границы у «мягкой силы»? 4) какая популярная культура способна породить «мягкую силу»? 5) на кого направлено влияние «мягкой силы»? 6) «мягкая сила» – это международная политика или внутренняя политика? 7) цели «мягкой силы» – это, в конечном итоге, цели государства или личности, внешние или внутренние? 8) «мягкая сила» сознательна или бессознательна?»[6].

Ян Шэнпин также пишет, что в концепции Дж. Ная наблюдается нечёткость в разграничении «мягкой» и жёсткой силы. Несмотря на то, что «мягкая сила» может быть опосредовано или непосредственно связана с жесткой силой, в концепции Ная «мягкая сила» не имеет непосредственных связей с жесткой силой, поскольку сферой её применения являются международные отношения. В Китае же несколько иная ситуация. По мнению исследователя, «мягкая сила» в Китае должна быть трансформирована внутри страны в силы национальной экономики, политики и культуры (Yang 2012: 22).

Сочетание слов «культура» и «мягкая сила» и образование на их основе сочетания «мягкая сила культуры», по мнению китайских исследователей, является показателем высокого места и особого значения культуры в вопросах идеологии, ценностей и государственного устройства, а также имеет ключевое значение в усилении дискурсивности (права голоса) Китая (Zhang 2015). Кроме того, трансформация концепции «мягкой силы» в «мягкую силу культуры» на китайской почве изменила и цели изучения данного феномена.

---

[4] Zhang Guozuo. 2014. Talk about the development of "soft power" in China [谈谈"软实力"在中国的发展] *Renmin ribao: Theory*. 6 June. URL: http://theory.people.com.cn/n/2014/0605/c168825-25109895.html (accessed 10.12.2022) (In Chinese).

[5] Ye Zicheng. 2015. From "Soft Power" to "Soft Power": An Analysis of Joseph Nye's Soft Power Theory. *从"软实力"到"柔实力": 约瑟夫-奈软实力理论评析*. URL: http://opinion.hexun.com/2015-12-17/181243370.html (accessed 10.12.2022) (In Chinese).

[6] Там же.

Говоря о взаимосвязях культуры и мягкой силы, китайские исследователи придерживаются следующих позиций. Во-первых, одни исследователи считают, что культура по своей природе и есть «мягкая сила» (Wang 1993: 78). Во-вторых, под воздействием идей Дж. Ная часть китайских исследователей полагают, что культура – это один из важнейших источников «мягкой силы»: «“мягкая сила” – это сила культурных факторов, способных проявить внутри страны консолидирующие, мобилизующие и духовные силы и сформировать в международном сообществе силу проникновения, притягательности и убеждения» (Wei, Zhang 2009: 10-12). Третьи стоят на позициях, что «мягкую силу культуры» необходимо рассматривать как сумму «силы культуры» и «мягкой силы» (Jia 2011: 45-46). Чжан Гоцзо прямо говорит, что культура является ядром «мягкой силы», культура занимает неотъемлемое и особое место в «мягкой силе», являясь её душой и ключевой координатой (Zhang 2015: 60). Чжан Шуанси понимает под «мягкой силой культуры» «проявленные сплочённость, привлекательность и влиятельность культуры» (Zhang 2021: 30), а Сюй Юаньсяо и Сюй Фансюн, считают, что «мягкая сила культуры» – это «несиловое влияние страны на другие страны» (Xu, Xu 2021: 9). Другие же эксперты считают, что «мягкая сила культуры» является одной из разновидностей силы культуры и проявляется в «притягательности, влиятельности и привлекательности культуры какой-либо страны» (Luo 2009: 79).

Как отмечают И Сяомин и Хэ Лигуан, в большинстве определений «мягкой силы культуры» акцент сделан на том, как культура проявляется вовне, что, по сути, является лишь результатом проявления внутренней силы культуры, но ничего не говорит о внутренних причинах, почему эта сила стала проявляться вовне? и о качестве этой силы. Между тем, говоря о «мягкой силе культуры», должно уделять внимание не только её внешней привлекательности, но в ещё большей степени акцентироваться на её внутренней структуре и функциях культуры, потому как именно внутренняя составляющая, по мнению авторов, является причиной внешней привлекательности (Yi, He 2020). Внутренний вектор применения «мягкой силы культуры» интерпретируется китайскими авторами как внутренняя сплочённость культуры, как накопление и аккумулирование выдающихся достижений культуры страны и в то же время привлечение выдающихся достижений других культур и создание на их основе такой сплочённости и коллективизма, которые бы соответствовали времени (Liu 2009: 191; Han 2014: 49 и др.). И Сяомин и Хэ Лигуан считают, что, говоря о мерах, направленных на усиление «мягкой силы культуры», необходимо произвести «исправление имён», избавиться от перекоса в сторону того, что основной исследовательский акцент направлен на изучение проявления «мягкой силы культуры» вовне. Необходимо сосредоточиться на внутренней составляющей «мягкой силы культуры», на её качествах и структуре. «Говоря о “мягкой силе культуры”, мы должны всегда иметь в виду, что необходимо говорить о форме и содержании силы культуры (文化力). “Мягкая сила культуры” – это единство

внутренней силы и силы, проявленной вовне. “Мягкая сила культуры”, базируется на внутренней структуре и функциях культуры, а проявляется в способности к сплочению, привлекательности и влиятельности» (Yi, He 2020). Такой разворот к внутреннему содержанию «мягкой силы культуры» был отнюдь не случаен. Развитие внутреннего вектора можно напрямую связать с тем, что Китай обратил свой взгляд на себя, на повышение качества своего внутреннего потенциала – на один из способов нивелирования своей чрезмерной зависимости от внешних факторов. Это вылилось в такую концепцию развития страны, как «двойная циркуляция» (双循环), поставившая задачу перейти на самообеспечение основных потребностей государства.

В то же время нельзя сказать, что Китай полностью переориентировал свою политику с внешнего вектора на внутренний. И.Е. Денисов справедливо отмечает, что «зависимость Китая от внешних условий очевидна. Однако внутренняя нестабильность не может компенсироваться никакими дипломатическими успехами и самой благоприятной внешней средой, и в этом смысле в Китае мало что изменилось со времён Дэн Сяопина» (Денисов 2017: 87). Данное утверждение правомерно не только относительно итогов первого срока председательства Си Цзиньпина, но и относительно второго срока его нахождения у власти. Стабильная внутриполитическая обстановка в приоритете у китайского руководства, именно поэтому потенциал «мягкой силы» начинает применяться во внутриполитической повестке Китая с целью усиления сплочённости народа, создания национальных культурных скреп и повышения уверенности в своих силах.

«Мягкая сила» и стратегия «двойной циркуляции»

За прошедшие десятилетия китайскими политиками, экспертами и учёными был создан политический, идеологический и научный символический тезаурус, описывающий «мягкую силу» Китая как «мягкую силу культуры».

Вокруг концепции «мягкой силы культуры» в Китае сформировалось отдельное научное направление, которое получает институциональное оформление в виде научных и мозговых центров по изучению «мягкой силы культуры». Так, в 2009 г. на базе Хунаньского университета состоялось открытие первого и на то время единственного научно-исследовательского центра, занимающегося проблемами «мягкой силы» Китая (кит. 中国文化软实力研究中心), в 2012 г. состоялась церемония открытия Гуандунского института исследования «мягкой силы» (кит. 广东南方软实力研究院). В 2013 г. на базе Уханьского университета был создан Государственный инновационный центр совместных исследований «мягкой силы» культуры (кит. 国家文化软实力协同创新中心), в 2014 г. при Пекинском университете, на базе Института международных отношений, был основан Государственный центр исследований «мягкой силы культуры» (кит. 国家文化软实力研究中心). В 2016 г. в Хунаньском университете начинает из-

даваться периодический журнал «*Мягкая сила культуры*»[7], который курируется непосредственно Министерством образования КНР. Изучение вопросов, касающихся «мягкой силы», стало своеобразным научным трендом в Китае, о чём свидетельствует кратное увеличение количества публикаций (Рис. 1).

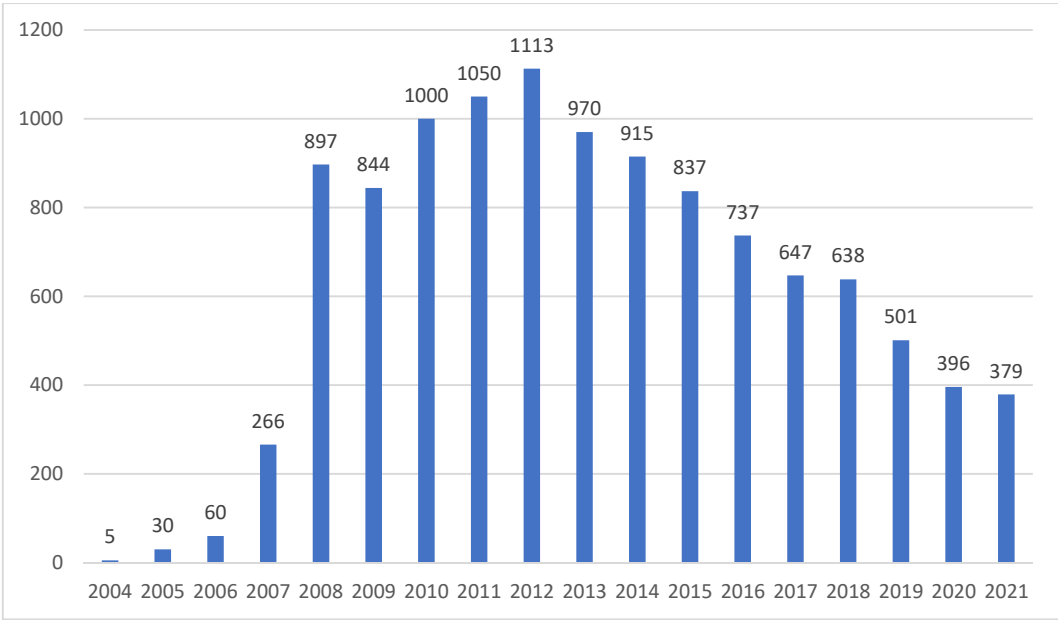

Рис. 1. Количество публикаций по ключевому слову «мягкая сила культуры» (文化软实力) в китайской научной сети CNKI[8].
Fig. 1. The number of publications on the keyword "soft power of culture" in the Chinese scientific network CNKI

Анализ публикационной активности с ключевым словом «мягкая сила культуры» демонстрирует тенденцию роста на протяжении восьми лет – в период с 2004 по 2012 гг. Максимальный пик количества публикаций по данной тематике приходится на период пребывания Ху Цзиньтао на посту генерального секретаря ЦК КПК, а данные по последующим годам (после избрания Си Цзиньпина) наглядно свидетельствуют о постепенном снижении количества академических публикаций, посвящённых «мягкой силе культуры». Это обусловлено тем, что с приходом Си Цзиньпина китайский политический нарратив наполнился множеством новых идей и смыслов. На внешнеполитическом треке на первое

[7] *Journal "Soft Power of Culture"* [文化软实力] URL: http://tougao.csyzm.cn/index.php?c=content&a=show&id=14584 (accessed 10.12.2022) (In Chinese).

[8] Отметим, что количественные показатели незначительно варьируются, однако общая тенденция сохраняется. Приведенные в диаграмме данные были релевантными на 29.03.2022 URL: https://kns.cnki.net/kns8/defaultresult/index (accessed 10.12.2022) (In Chinese).

место выходят инициативы «Нового шёлкового пути» и «Морского шёлкового пути XXI века», зарубежные страны приглашаются не только присоединиться к инициативе, но и принять участие в построении «сообщества единой судьбы человечества». В то же время руководство КНР говорит и о мечте «великого возрождения китайской нации». Именно для этой цели и начинает использоваться концепция «мягкой силы культуры» Китая, постепенно оттесняя на второй план внешнеполитический вектор её приложения.

На практике изменение вектора «мягкой силы культуры» Китая с внешнего на внутренний наглядно видно по тематике соответствующих публикаций. Так, с 2016 г. ключевое слово «мягкая сила культуры» всё чаще используется в темах, касающихся развития традиционной культуры, спорта, туризма, университетских кампусов, культуры предприятий, транспортной инфраструктуры, отдельных городов и регионов, т.е. во внутриполитической повестке.

Доминирование внутриполитической повестки обусловлено несколькими факторами. Во-первых, происходит осознания того, о чём пишут, например, И Сяомин и Хэ Лигуан. По их мнению, действие «мягкой силы культуры» вовне должно базироваться не только на внешнем проявлении «мягкой силы», но и подкрепляться внутренним содержанием: «*если вино хорошее, то его аромат проникнет и в самые глухие закоулки*» (Yi, He 2020: 3). Китай, активно продвигая традиционные ценности китайской культуры, облачённые в политический дискурс глобальных общечеловеческих ценностей, в стремлении к созданию положительного международного культурного имиджа сталкивается с проблемой транслируемого вовне качества содержания, которое на поверку оказалось не самым высоким.

Во-вторых, к малой привлекательности китайской культуры добавилась её очевидная отягощённость идеологическими и политически окрашенными факторами. Достаточно указать на то, что открытия Институтов Конфуция за рубежом сопровождались визитами высокопоставленных государственных чиновников, включая членов Госсовета и самого председателя КНР, а одной из претензий к данной организации со стороны стран Запада является насаждение китайского взгляда на мир и ограничение академических свобод[9].

После прихода к власти Си Цзиньпина происходит расстановка новых приоритетов в культурной политике Китая. Безусловным приоритетом становится внутреннее развитие, реализация китайской мечты, а культура в практике социалистического строительства становится важнейшим инструментом. Руководство Китая провозглашает концепцию «четырёх уверенностей»[10], которая

[9] China's Confucius Institutes and the Soft War. With the closing of Confucius Institutes, China may be heading for a "soft power" war with the West. *The Diplomat*. URL: https://thediplomat.com/2015/07/chinas-confucius-institutes-and-the-soft-war/ html (accessed 10.12.2022)

[10] Xi Jinping delivered an important speech at the celebration of the 95th anniversary of the founding of the Communist Party of China in Beijing [庆祝中国共产党成立95周年大会在京隆重举行 习近平发表重要讲话]. 2016. *CCP News Network*. URL: http://cpc.people.com.cn/n1/2016/0702/c64093-28517654.html (accessed 10.12.2022) (In Chinese).

подразумевает формирование у народа Китая уверенности в пути социализма с китайской спецификой, уверенности в теории, строе и культуре. Впервые данная формулировка прозвучала в речи Си Цзиньпина на 95-й годовщине КПК в 2016 г. В то же время нельзя сказать, что концепция «четырёх уверенностей» была чем-то принципиально новым для китайского политического нарратива. Ещё в 2012 г. Ху Цзиньтао сформулировал концепцию «трёх уверенностей», куда вошли уверенность в пути, теории и строе социализма с китайской спецификой. Си Цзиньпин лишь расширил идею Ху Цзиньтао и добавил к «трём уверенностям» четвёртую – культуру. Уверенность в культуре в концепции Си Цзиньпина – это уверенность в передовой культуре социализма с китайской спецификой. «Уверенность в культуре – это ещё более базовая, более широкая, более глубокая уверенность. В ходе более чем 5000-летнего развития цивилизации возникла выдающаяся традиционная культура Китая, в ходе великой борьбы партии и народа возникли революционная культура и передовая социалистическая культура, в которых накоплены самые глубинные душевные стремления китайской нации и представлены духовные символы национальной китайской самобытности. Мы должны развивать ядерные социалистические ценности, развивать национальный дух, ядром которого выступает патриотизм, и дух эпохи, основой которого являются реформы и инновации, чтобы непрестанно укреплять духовную мощь всей партии, всей страны и всего народа»[11].

Можно констатировать, что Си Цзиньпин не только не отрицает наработки своего предшественника, но и умело их трансформирует, сообразно с насущными целями. С определённой долей уверенности можно утверждать, что внешнеполитический вектор «мягкой силы культуры» Китая перенаправляется вовнутрь, а культура, которая ещё недавно являлась важным драйвером «мягкой силы культуры» Китая на внешнем треке, переходит на внутренний трек и вписывается в концепцию «четырёх уверенностей», при этом сохраняя свою высокую значимость для китайского руководства. Китай диверсифицирует свой подход к использованию культуры в рамках концепции «мягкой силы», оставляя для внешнего вектора продвижение традиционной китайской культуры, а для внутреннего – революционной и передовой социалистической культуры, объективно понимая, что сфера применения последних двух составляющих культуры социализма с китайской спецификой ограничена внутренним рынком, что это не будет принято за рубежом (Zhang, Liu 2020: 86). Происходит отход от модели, когда китайское правительство в качестве главного инструмента «мягкой силы» рассматривало Институты Конфуция. Теперь же ставка делается не столько на них, сколько на работу с зарубежными СМИ, средства и возмож-

[11] Xi Jinping: Speech at the celebration of the 95th anniversary of the founding of the Communist Party of China (full text) [习近平：在庆祝中国共产党成立95周年大会的讲话（全文）] 2016. *Baijiahao*. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1697091454230648708&wfr=spider&for=pc (accessed 10.12.2022) (In Chinese).

ности дипломатии, коммерциализацию культурной продукции и другие модели экспорта «мягкой силы» (Xu, Xu 2021: 11).

Новый импульс к использованию культуры в качестве ресурса и инструмента «мягкой силы» на международной арене придаёт стратегия «двойной циркуляции», о которой было объявлено на сессии Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК в мае 2020 г.[12]. Как отмечено в отечественных исследованиях, концепция «двойной циркуляции» «подразумевает смещение основного драйвера устойчивого роста Китая с глобальной интеграции к большей опоре на внутренний рынок» (Кулинцев 2021: 242). Вместе с тем в рамках концепции «двойной циркуляции» ключевое значение придаётся не только экономическим, но и культурным факторам развития, вплоть до того, что развитие индустрии культуры и культурной продукции должны стать факторами экономического роста. Так, на международные культурные обмены и сотрудничество возлагаются надежды успешного продвижения китайской культуры в мире, повышения совокупной мощи Китая, более успешного культурного экспорта и импорта (Zhang 2021: 78). С другой стороны, подчёркивается, что новая конфигурация культурного обмена с другими странами «способствует одновременному наращиванию "мягкой силы культуры" и развитию жёсткой экономической силы. Культурные обмены с другими странами есть проявление важного канала "мягкой силы культуры", который может помочь китайской культуре выйти вовне, укрепить знание и понимание Китая другими странами и народами, для того, чтобы мир ещё на шаг продвинулся в знании и понимании длительной китайской истории и стремительного развития современного Китая, чтобы добавить китайский культурный фактор в глобальную культуру и реконструировать образ Китая как государства восточной цивилизации» (Zhang 2021:79).

Чжан Яси предлагает следующие пути продвижения китайской культуры за рубежом в рамках концепции «двойной циркуляции»:

1) Необходимо провести качественное улучшение культурных ресурсов с учётом «потребностей рынка», чтобы продвигать более позитивные культурные продукты. Для реализации данного положения, во-первых, предполагается провести расширенные социологические опросы в различных странах, чтобы установить, к какой культурной продукции Китая есть интерес у потребителей из различных уголков мира. Во-вторых, планируется провести обновление традиционной китайской культуры, чтобы традиционные символы, понятия, концепции соответствовали времени и были вписаны в современный контекст, в том числе и через заимствование инокультурных компонентов. В-третьих,

[12] Hong Junjie. "Dual circulation" promotes each other and high-quality development can be expected [洪俊杰"双循环"相互促进，高质量发展可期]. 2020. *Renmin ribao*. 9 July. URL: http://theory.people.com.cn/n1/2020/0709/c40531-31776604.html (accessed 10.12.2022) (In Chinese).

предлагается провести упорядочивание и инвентаризацию культурных продуктов – экспортируемых и импортируемых.

2) Необходимо усилить популяризацию китайской культуры за рубежом, выстроить новую многомерную архитектонику зарубежной пропаганды. В рамках данного пункта говорится о необходимости расширения пропагандистской команды, которая не должна состоять только из правительственных и официальных СМИ. Необходимо привлекать силы предприятий и компаний, общества и отдельных личностей, чтобы выстроить команду по популяризации китайской культуры с широким охватом аудитории, многоязычным богатым и разнообразным контентом. Необходимо обновить способы пропаганды и искать в других странах компании и людей, горячо любящих Китай и китайскую культуру, чтобы они посредством телевидения, радио, блогов, коротких видео, социальных групп и групповых чатов, рекламы осуществляли всестороннюю популяризацию знаний о Китае. При этом необходимо учитывать различную информированность реципиентов, чтобы избежать ошибочного или неточного понимания подаваемой информации.

3) Необходимо углублять культурные обмены и контакты по линии инициативы «Пояса и пути» и привлекать к участию ещё больше субъектов. Во-первых, необходимо использовать многосторонние международные площадки для расширения культурных обменов за границей, расширять народную дипломатию, объединять двусторонние и многосторонние культурные обмены, уделять внимание и усиливать многосторонние контакты в области искусства, неустанно добиваться права быть организатором международных мероприятий и завоёвывать право голоса («дискурсивную силу»), активно принимать участие и самим проводить разнообразные крупномасштабные международные мероприятия, самостоятельно вывозить за рубеж коммерческие гастроли и выставки. Во-вторых, необходимо усилить взращивание субъектов рынка культуры. Всеми средствами способствовать тому, чтобы как можно больше компаний культурной индустрии и отдельных представителей принимали участие в конкурентной борьбе на международном рынке культуры. Необходимо стимулировать и поддерживать при помощи различных финансовых механизмов становление и продвижение перспективных культурных брендов и культурных организаций. В-третьих, необходимо, чтобы правительство стало организатором, а не командиром в культурном обмене и диалоге.

4) Необходимо способствовать интеграционному развитию индустрии культуры по модели «Культура +», чтобы ещё больше культурной продукции вышло за пределы Китая. Необходимо проводить интеграционное развитие всех отраслей экономики и развивать такие направления, как «Культура + туризм», «Культура + коммерция», «Культура + помощь нуждающимся», «Культура + предприятия», «Культура + интернет», «Культура + Big Data», «Культура + промышленность». Необходимо продвигать кластерное развитие индустрии

культуры и расширять производственные цепочки культурной продукции (Zhang 2021: 80-81).

Таким образом, в рамках стратегии «двойной циркуляции» культура как «мягкая сила» начинает использоваться Китаем на двух треках – внешнем и внутреннем. При этом на внешнем треке Китай переходит от использования моноинструмента (в частности, Институтов Конфуция) к многовекторной культурной экспансии, включающей в себя разнообразные каналы распространения информации, тщательный отбор экспортируемой информации и подбор информационного контента под конкретного потребителя. Китай не только не отказывается от применения культуры как инструмента «мягкой силы», но и стремится укрепить внешнюю культурную экспансию путём наращивания полинаправленного распространения китайской культуры в мире, поддерживаемого экономической и технологической экспансией. В то же время на внутреннем треке потенциал «мягкой силы культуры» прорабатывается на предмет повышения качества, богатства и разнообразия содержания, формирования национальной уверенности в своей культуре, которая выступала бы не только фактором сплочения нации, но и одним из драйверов экономического развития Китая и повышения его политической роли на международной арене.

В заключение следует подчеркнуть, что использование «мягкой силы культуры» политическим руководством Китая в формате активного её продвижения под явным патронажем государства далеко не всеми странами были воспринято с радостью и воодушевлением. Китай столкнулся с противодействием западных стран, которые начали ограничивать культурную экспансию Китая. Результатом ответа Китая на действия Запада стала переориентация вектора приложения «мягкой силы» на внутреннее развитие культурного потенциала китайского государства и наращивание ресурсного потенциала «мягкой силы». Повышение качества китайской культуры, формирование у населения Китая гордости за свою культуру рассматривается правительством в качестве условия наращивания совокупной мощи государства для усиления его привлекательности. Курс на внутреннее развитие культуры модифицирует использование культуры как инструмента влияния на внешнеполитической арене, что выражается в деполитизации программ распространения китайского языка и китайской культуры, диверсификации каналов распространения, а также видимой деполитизации деятельности используемых инструментов «мягкой силы». Вместе с тем «мягкая сила культуры» сопрягается с гораздо более жёсткой экономической и технологической внешней экспансией этой страны на основе стратегии «двойной циркуляции».

Об авторах:

Ольга Владимировна Зиневич — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета. 630073, г. Новосибирск, пр-т Карла Маркса, д. 20. E-mail: ozinevich@gmail.com

Наталья Викторовна Селезнева — кандидат филологических наук, доцент кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета. 630073, г. Новосибирск, пр-т Карла Маркса, д. 20. E-mail: xie-ling@yandex.ru

Конфликт интересов:
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

UDC: 327.8, 37.035.4
Received: 19.05.2022
Accepted: 28.11.2022

China's New Soft Power Strategy

O.V. Zinevich, N.V. Selezneva
DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-36-54

Novosibirsk State Technical University

Abstract: The article focuses on the Chinese concept and strategy of using soft power to create an attractive image of the country. In the age of fierce competition for global/regional leadership, the concept of soft power has become the mainstream in China's foreign policy and was considered by Chinese politicians and experts as a tool to strengthen the influence through the introduction into the cultural space of other countries, the dissemination of language and cultural codes in order to create a positive image of China. The Western-based concept of soft power in China has been thoroughly analyzed and specified. Supported by a context-based approach, the article shows how, having previously criticized the concept of Joseph Nye, Chinese scientists and experts developed a specifically Chinese theory of soft power of culture (中国文化软实力), which was used in the foreign and domestic policy of the state and served as the basis for the observed changes in the strategy of using soft power. Based on the analysis of Chinese sources, the authors of the article conclude that at the beginning of the XXI century, the buildup of soft power through the creation of a network of Confucius Institutes was presented by China as a policy for mutual gain in the international arena. With the ascendance of Xi Jinping, the soft power of culture as a resource and tool of China's external influence is leaving the frontier of the political agenda. The foreign policy vector of the soft power of culture is redirected inward, and culture, which until recently openly acted as a driver of soft power in foreign policy, moves to the internal track and fits into the concept of "four self-confidences" and "double circulation", focusing on the qualitative component, while maintaining its high foreign policy significance for the Chinese policymakers.

Keywords: soft power, soft power of culture, China, double circulation

About the authors:

Olga V. Zinevich – Doctor of philosophy, Professor at Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University. K. Marx, 20, Novosibirsk, Russian Federation, 630073. E-mail: ozinevich@gmail.com

Natalia V. Selezneva – Candidate of Philology, Associate Professor at Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University. K. Marx, 20, Novosibirsk, Russian Federation, 630073. E-mail: xie-ling@yandex.ru

Conflict of interests:
Authors declare absence of conflict of interests.

References:

Nye J.S. 2012. China and Soft Power: Kennedy School of Government, Harvard University, Cambridge, Massachusetts, USA. *South African Journal of International Affairs.* 19(2). P. 151-155.

Lukes S. 2010. *Power: A Radical View.* Moscow: Published by Higher School of Economics. 240 p.

Deng X. 2015. *International Experience and China's Choice in Developing Cultural Soft Power* [发展文化软实力的国际经验与中国选择]. China University of Political Science and Law Press. 279 p. (In Chinese).

Han L. 2014. *On Improving My Country's Cultural Soft Power* [论提高我国文化软实力]. Central Party School. 149 p. (In Chinese).

Jia H. 2011. The Composition and Evaluation Formula of Cultural Soft Power [文化软实力的构成及测评公式]. *Academic Research.* Vol. 3. P. 45-46. (In Chinese).

Liu X. 2009. *On the Promotion of Cultural Soft Power* [文化软实力提升浅论]. Hunan People's Publishing House. 240 p. (In Chinese).

Luo Y. 2009. The Development Strategy of My Country's Cultural Soft Power [我国文化软实力的发展战略]. *Marxist Studies.* Vol. 5. P. 79-87.

Shu J. 2017. Review and Reflection on Chinese Cultural Soft Power Research [中国文化软实力研究的回顾与思考]. *Cultural Soft Power.* 2(2). P. 32-39. DOI: 10.19377/j.cnki.43-1531/g0.2017.02.006 (In Chinese).

Wang H. 1993. Culture as National Power: Soft Power [作为国家实力的文化：软实力]. *Fudan Journal (Social Science Edition).* Vol. 3. P. 91-96. (In Chinese).

Wei E., Zhang J. 2009. Some Understandings and Reflections on Cultural Soft Power [关于文化软实力的几点认识和思考]. *Theoretical Journal.* Vol. 3. P. 10-12. (In Chinese).

Xu Y., Xu F. 2021. Research on the Concept, Essence and Constituent Elements of Cultural Soft Power [文化软实力的概念、实质及构成要素探究]. *Comparative Study of Cultural Innovation.* Vol. 10. P. 8-11. (In Chinese).

Yang S. 2012. Three Levels of the Construction of China's International Cultural Soft Power at Present——From the Thought of Joseph Nye's Soft Power [当前中国国际文化软实力构建的三个层面——从约瑟夫·奈软实力思想谈起]. *Red Flag Manuscript.* Vol. 14. P. 23-25. (In Chinese).

Yi X., He L. 2020. From the Outside to the Inside: the Focus of Cultural Soft Power Construction [从外在到内在：文化软实力建设之重心转移]. *Journal of Henan Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition).* 47(4). P. 1-7. DOI: 10.16366/j.cnki.1000-2359.2020.04.001 (In Chinese).

Zhang G. 2015. *Outline of Chinese Cultural Soft Power Research* [中国文化软实力研究论纲]. Beijing: Social Science Literature Press. 196 p. (In Chinese).

Zhang G., Liu C. 2020. The Promotion of Cultural Soft Power in the Context of the New Era [新时代背静下的文化软实力提升]. *Research on Marxist Culture.* Vol. 9. P. 82-90. (In Chinese).

Zhang S. 2021. To Improve Cultural Soft Power, it is Necessary to Do a Good Job of "Both form and Spirit" [提高文化软实力，需做好"形神兼备"大文章]. *Qinghai party life.* Vol. 3. P. 30-33. (In Chinese).

Zhang Y. 2021 China's Foreign Cultural Exchanges and Cooperation under the New Development Pattern "Dual Circulation": Significance, Predicament and Advancement Path ["双循环"新发展格局下的中国对外文化交流与合作：意义、困境与推进路径]. *Chine development.* Vol. 21. P. 78-81. (In Chinese).

Borokh O.N., Lomanov A.V. 2012. Ot «myagkoi sily» k «kul'turnomu mogushchestvu» [From "Soft Power" to "Global Power"]. *Russia in Global Affairs.* 10(4). P. 54-67. (In Russian).

Denisov I.E. 2017. Vneshnyaya politika Kitaya pri Si Tszin'pine: preemstvennost' i novatorstvo [Chinese Foreign Policy under Xi Jinping: Continuity and Innivation]. *Outlines of Global Transformations.* 10(5). P. 83-98. (In Russian).

Kharkevich M.V. 2014. «Myagkaya sila»: politicheskoe ispol'zovanie nauchnoi kontseptsii [Soft Power: Political Use of Scientific Concept]. *MGIMO Review of International Relations.* 2(35). P. 22-29. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-2-35-22-29 (In Russian).

Kulintsev Y.V. 2021. Strategiya «dvoinoi tsirkulyatsii» i ee vliyanie na rossiisko-kitaiskie otnosheniya ["Dual Circulation" Strategy and its Influence on Russian-Chinese Relations]. *China in World and Regional Politics (History and Modernity).* Issue XXVI. IFES RAS. 463 p.

Kuznetsov D.V. 2021. «Ostraya sila» v sovremennom politicheskom diskurse stran Zapada i vneshnyaya politika Rossii i Kitaya ["Sharp Power": in the Modern Political Discourse of Western Countries and the Foreign Policy of Russia and China]. *Far Eastern Affairs.* № 3. P. 145-159. DOI: 10.31857/S013128120015384-3 (In Russian).

Lebedeva M.M. 2017. «Myagkaya sila»: ponyatie i podkhody. [Soft Power: The Concept and Approaches] *MGIMO Review of International Relations.* 3(54). P. 212-223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223 (In Russian).

Nye J.S. 2013. *Budushchee vlasti* [The Future of Power]. Moscow. 444 p. (In Russian).

Tarabarko K.A. 2016. «Myagkaya sila kul'tury»: evolyutsiya kontseptsii v trudakh kitaiskikh uchenykh. ["Soft Power" of Culture: Evolution of the Conception in the Works of Chinese Scientists]. *Historical, philosophy, political and law sciences, culturology and art. Questions of theory and practice.* 7(69). Ch. 2. P. 181-184. (In Russian).

Yudin N.V. 2015. Sistemnoe prochtenie fenomena myagkoi sily [A Sistemic Approach to "Soft Power"]. *International Trends.* 13(2(41)). P. 96-105. DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.41.7 (In Russian).

Yudin N.V. 2018. Diskussiya ob obrazakh sily v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii (povorot ne tuda?) [Faces of Power Debate in International Relation Theory (A Wrong Turn?)]. *International Trends.* 16(3(54)). P. 84-99. DOI: 10.17994/IT.2018.16.3.54.4 (In Russian).

Zhuravleva E.V. 2016. Stratagema krasotki: teorii «myagkoi sily» s kitaiskoi spetsifikoi [The Beauty Trap: Chinese Theories of "Soft Power"]. *Vestnik RUDN. International Relations.* 16(1). P. 17-31. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Борох О.Н., Ломанов А.В. 2012. От «мягкой силы» к «культурному могуществу». *Россия в глобальной политике.* 10(4). С. 54-67.

Денисов И.Е. 2017. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 10(5). С. 83-98.

Журавлева Е.В. 2016. Стратагема красотки: теории «мягкой силы» с китайской спецификой. *Вестник РУДН. Серия «Международные отношения».* (16)1. С. 17-31.

Кузнецов Д.В. 2021. «Острая сила» в современном политическом дискурсе стран Запада и внешняя политика России и Китая. *Проблемы Дальнего Востока.* №3. С. 145-159. DOI: 10.31857/S013128120015384-3

Кулинцев Ю.В. 2021. Стратегия «двойной циркуляции» и ее влияние на российско-китайские отношения. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность.* №26. С. 242-255.

Лебедева М.М. 2017. «Мягкая сила»: понятие и подходы. *Вестник МГИМО-Университета.* 3(54). С. 212-223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223

Льюкс С. 2010. *Власть: радикальный взгляд.* Москва: Издательский дом ВШЭ. 240 с.

Най Дж. С. 2013. *Будущее власти.* Москва: АСТ. 444 с.

Тарабарко К.А. 2016. «Мягкая сила культуры»: эволюция концепции в трудах китайских ученых. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 7(69). Ч. 2. С. 181-184.

Харкевич М.В. 2014. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции. *Вестник МГИМО-Университета.* 2(35). С. 22-29. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-2-35-22-29

Юдин Н.В. 2018. Дискуссия об образах силы в теории международных отношений (поворот не туда?). *Международные процессы.* 16(3(54)). С. 84-99. DOI: 10.17994/IT.2018.16.3.54.4

Юдин Н.В. 2015. Системное прочтение феномена «мягкой силы». *Международные процессы.* 13(2(41)). С. 96-105. DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.41.7

Вестник МГИМО-Университета. 2022. 15(6). С. 55–85
DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-55-85

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

Внешнеполитическая ориентация как фактор электорального поведения: результаты социологических опросов в Беларуси, Грузии и Казахстане

И.Ю. Окунев, М.Н. Шестакова

Московский государственный институт международных отношений (университет)

В постпандемийные 2021–2022 годы постсоветское пространство вступило в стадию решающей трансформации, которая станет тестом для стран региона на предмет зрелости их государственных институтов, сформированных 30 лет назад. В исследовании зафиксирован слепок общественных настроений в данных странах накануне этой волны трансформации – оно основано на серии масштабных социологических опросов в Беларуси, Грузии и Казахстане, проведённых сразу после последних выборов в нижние палаты парламентов этих стран в ещё докризисную эпоху. Главный исследовательский вопрос социологического исследования состоял в выявлении демографических и географических закономерностей в определении отношения избирателей к перспективам отношений с Россией. Были взяты страны с традиционно разными стратегиями отношений с Россией: стратегический союзник Республика Беларусь, дружественный, но проводящий многовекторную политику Казахстан и в целом враждебная на уровне политического класса Грузия. Анализ показал, что в вопросах ориентации на положительные отношения с Россией у избирателей этих стран было больше общего, чем различий. По итогам анализа можно выделить несколько линий размежеваний: во-первых, «макрорегиональная, геополитическая» между Беларусью и Казахстаном, с одной стороны, и Грузией – с другой. Второй раскол по линии «центр – периферия» проходит внутри государств, такое размежевание выделяли многие исследователи, выделяли применительно к России, однако такие же размежевания мы обнаружили в Беларуси («Минск и вся остальная страна»), отчасти в Грузии и в Казахстане. Наконец, авторы допускают вероятные размежевания по линиям север – юг в Грузии (и в какой-то степени в Казахстане как результат территориальной дифференциации в проживании русских в северных областях республики, где более чётко проявляются симпатии к России, нежели в отдалённых от неё южных регионах) и немного в Беларуси – в регионах, пограничных с Россией и Украиной.

Ключевые слова: электоральная география, постсоветское пространство, Беларусь, Грузия, Казахстан, социологический опрос, внешнеполитическая ориентация

УДК: 327.83
Поступила в редакцию: 05.10.2022 г.
Принята к публикации: 10.12.2022 г.

На протяжении трёх лет исследовательский коллектив авторов занимался реализацией проекта[1] по изучению электорального поведения жителей государств, пограничных с Российской Федерацией. Среди прочего, перед авторами стояли задачи сравнить отношение жителей соседних государств к России и её гражданам, а также выбрать формат этих взаимоотношений.

В работе над проектом применялись разные методы исследования, позволяющие ответить на главный вопрос: существуют ли внутритерриториальные различия в электоральном поведении жителей соседних с Российской Федерацией стран, и есть ли различия в отношении к России у жителей этих государств.

Авторы использовали качественные и количественные методы эмпирических исследований: экспертные опросы, включённое наблюдение на территории, а также массовое телефонное анкетирование. Благодаря последнему методу авторы смогли сопоставить результаты исследования по трём странам: Беларуси, Грузии и Казахстану.

Выбранный авторами исследовательский дизайн позволил затронуть ряд вопросов, важных не только для изучения электоральных предпочтений, но и в широком теоретическом контексте социальных наук. Основная зависимая переменная – отношение к соседней стране – региональному лидеру – важна для целого ряда направлений в рамках международных исследований. Следует признать, что, несмотря на широкое употребление в политическом дискурсе термина «отношение» применительно к образу одной страны в общественном сознании другой, набор теорий, который концептуализирует данное явление, ограничен.

Принято считать, что отношение к государству как к предпочтительно дружественному или враждебному тесно связано с показателями его «мягкой силы», и в связи с этим настоящее исследование продолжает работу по накоплению эмпирического материала по российской «мягкой силе» на постсоветском пространстве (Казанцев, Меркушев 2008; Лебедева, Харкевич 2014; Савчук, Франц, Сайдмагомедова 2022).

Образ зарубежных государств выступает объектом исследования в работах по популярной критической геополитике, в рамках когнитивной теории внешней политики и при изучении национальных брендов. Популярная критическая геополитика фиксируется на рассмотрении географически определённых когнитивных конструкций (образов, стереотипов, ментальных карт и их взаимоотношений) в массовом сознании (Окунев 2009). Раскрываются вопросы формирования таких когнитивных конструкций в отдельных странах (Sharp 2011) и регионах, а также происходящие в них события (Strüver 2007; Hazbun 2011).

[1] Проект получил поддержку Российского научного фонда: Проект № 19-78-10004 «Трансформация электорального поведения в регионах зарубежных стран, приграничных с Российской Федерацией: сравнительный пространственный анализ».

Особо следует отметить работы В.А. Колосова, в которых акцент сделан на фиксировании образов по линиям Россия – Запад, Россия – Восток (Kolossov 2003) и Запад – не Запад (Kolossov 2013).

Существующая на стыке политической психологии и неоклассического реализма в рамках теории международных отношений когнитивная теория внешней политики также уделяет большое внимание формированию образов иностранных государств и тому, как это влияет на внешнюю политику. Ещё в 1959 г. понятие «образ государства» и матрицу «дружелюбности – враждебности» ввёл в научный оборот один из основателей общей теории систем Кеннет Боулдинг (Boulding 1959). Вопреки его утверждениям о том, что образы как в сознании элит, так и в массовом сознании в конечном итоге влияют на процесс принятия политических решений, ранние работы ограничивались анализом лиц, принимающих решения. В их центре было изучение того, как различные сигналы формируют, например, «советский образ американской решимости» (Jervis 1970: 247)[2]. Постепенно в рамках когнитивной теории внешней политики исследователи начали интегрировать образы в сознании рядовых граждан в теоретический анализ (Schweller 2004; O'Reilly 2007) и даже фокусироваться исключительно на широких слоях населения (Kunczik 1996; Alexander, Levin, Henry 2005; Castano, Bonacossa, Gries 2015).

Наконец, в отдельное направление на стыке теории международных отношений и связей с общественностью выделяется литература по «национальным брендам». В ней уделяется большое внимание технологиям формирования образа государства за рубежом с акцентом на деятельность разных типов акторов, включая государства, ТНК, международные организации и неправительственные организации (Dinnie 2014; Sriramesh, Verčič 2003: 399, 522). Вопросы, заданные в настоящем исследовании, отходят от традиционной фиксации образов сущего в сторону образов желаемого, открывая возможности для постановки новых исследовательских вопросов в рамках трёх описанных выше исследовательских направлений.

Массовые социологические опросы в виде формализованных, структурированных интервью – один из популярных инструментов социологических исследований. Данный инструмент востребован, когда необходимо за короткий срок получить срез общественного мнения, а стандартизированные закрытые вопросы пригодны для сбора большого массива «однотипных данных» (Белановский 2019), поддающегося классификации и интерпретации с помощью статистических и математических методов.

Слабым местом количественных методов можно считать тот факт, что они «могут использоваться для получения ответов на некоторые стандартные вопросы и для изучения стационарных процессов» (Белановский 2019).

[2] В более поздних работах в том же значении используется термин «восприятие».

Существенные недостатки метода заключаются в его высокой стоимости в прямом смысле этого слова, а также в том, что при данном виде опроса сложно скорректировать выборку по полу, возрасту, профессии, образованию и т.д. (вернее, это возможно, но не имеет смысла из-за увеличивающихся временных, человеческих и материальных затрат).

Среди достоинств можно отметить, что ключевым элементом научного метода в социологии является возможность сопоставить ответы при использовании одних и тех же вопросов (Венкатеш 2017). Именно эта идея и легла в основу нашего исследования: провести предельно схожее анкетирование жителей соседних с Россией государств для того, чтобы иметь возможность максимально операционализировать и сопоставить ответы респондентов. К тому же, если, как в нашем случае, выборка географически разрознена, этот метод подходит лучше других (Браймен, Белл 2012). Среди существенных ограничений телефонного опроса можно отметить ограниченность по времени и, соответственно, краткий перечень вопросов.

Одним из важных критериев отбора стран-соседей для проведения данного исследования был выбор государства, чья политика на протяжении постсоветского времени была максимально дружеской по отношению к российскому государству, и чьи жители вероятнее всего чувствуют себя комфортно при общении с жителями соседнего государства (Беларусь); государства относительно «нейтрального» (Казахстан), а также государства, отношения с которым у России после распада СССР имели отрицательную динамику (Грузия).

Другим важным условием сравнимости соцопросов в разных странах была возможность приурочить их проведение к парламентским выборам в них. Все опросы проводились сразу после выборов в национальные парламенты: ноябрь 2019 г. в Беларуси, ноябрь 2020 г. в Грузии и январь 2021 г. в Казахстане. В Казахстане и Беларуси массовые телефонные опросы были в дальнейшем дополнены экспертным интервьюированием.

Как свидетельствуют сроки опросов, ответы респондентов были даны до существенных геополитических трансформаций, которые произошли в настоящее время. Зафиксированные «температура и градус общественного мнения» приурочены к электоральному циклу в каждой из стран, что позволяет сопоставлять результаты анкетирования, несмотря на разные годы проведения.

Основным требованием к телефонным опросам со стороны исследователей была контролируемая, равномерная (по возможности) выборка во всех регионах государств. Это важно для установления наличия / отсутствия внутрирегиональной дифференциации. Интервьюеры фиксировали пол, возраст, национальную принадлежность респондентов (с их слов). Социальные и экономические характеристики опрашиваемых (образование, профессия, доход и т.д.) остались за рамками данного анкетирования. Все вопросы были закрытыми, использовался метод случайной выборки.

Объективным ограничением проводимых соцопросов можно назвать звонки только на стационарные устройства, что в ряде случаев сокращало потенциальную базу опрашиваемых в малонаселённых или труднодоступных регионах (например, в ряде горных областей в Грузии), а также тот факт, что опросы проводились на русском языке. Последнее ограничение совсем не сыграло роли в Беларуси и почти в Казахстане, но повлияло на состав респондентов и, соответственно, на их ответы в Грузии. Интересно, что согласно исследованию А.Г. Манакова, в ряде стран постсоветского пространства распространение русского языка даже увеличилось, хотя очевидно, в этих странах «статус русского языка… также связан с долей русскоговорящего населения, но при этом сильно зависит от политической конъюнктуры» (Манаков 2021: 345). И это как раз касается государств, в которых были проведены соцопросы.

В анкете были представлены максимально унифицированные вопросы, относящиеся, в первую очередь, к социальным и культурно-бытовым практикам, связанным с взаимодействием жителей стран-соседей с Россией, а также с оценкой особенностей электорального поведения жителей.

Наиболее важными при анализе представлялись поиск территориальной дифференциации ответов на вопросы анкеты внутри изучаемых стран, попытка ответить на вопрос, есть ли какие-то отличия и закономерность в ответах между жителями приграничных с Россией регионов и остальных частей государств.

Это, собственно, и была первоначальная цель проекта – «изучить электоральную специфику пограничья в силу его особого положения» (Шестакова 2019: 444), тем более что в отечественной научной литературе наблюдается нехватка такого рода исследований. В качестве примера можно привести работы А.С. Зиновьева (Зиновьев 2015), А.Г. Манакова (Манаков 2016), И.Н. Тарасова и Е.С. Фидри (Тарасов, Фидри 2016).

Протяжённость границ исследуемых стран с Российской Федерацией различается от 561 км (де-факто) с Грузией[3], 1239 км – с Беларусью, до 7598,6 км – самой протяжённой с Казахстаном. Число регионов, граничащих с РФ, в сопредельных странах также разнится: в Республике Беларусь – три области; в Грузии – четыре, причём данная граница из всех вышеперечисленных самая сложная с точки зрения физической доступности (в качестве барьера выступает Северо-Кавказский хребет); в Казахстане – семь областей.

В ходе исследования в дополнение к основной гипотезе (наличие специфического электорального поведения жителей пограничных с Россией регионов) возникла дополнительная, согласно которой существует территориальная дифференциация между «центром» (столицей) и «периферией» в исследуемых государствах по отношению к своему большому соседу.

[3] Протяжённость границ с Грузией де-факто и де-юре отличается.

Верификацией этих гипотез и послужили эмпирические исследования в виде проведённых социологических опросов. В общей сложности количество звонков по трём странам насчитывает почти 20 тысяч, получено 1577 полноценных анкет.

В 2020 г. авторы опубликовали результаты аналогичного исследования по Беларуси (Okunev, Shestakova, Bibina 2020). Авторам представлялся тогда релевантным формат тестирования нескольких рабочих гипотез, поэтому при сопоставлении результатов опросов по трём странам авторы сочли допустимыми аналогичное тестирование и представление результатов.

В ходе анализа ответов было проверено несколько рабочих гипотез, рассмотрим их по порядку.

Согласно первой гипотезе старшее поколение настроено дружелюбнее по отношению к России и больше выступает за союзнические / партнёрские отношения между странами, чем более молодые граждане.

Авторы исходили из предположения, что старшее поколение помнит жизнь в Советском Союзе, возможно, идеализирует её, и, соответственно, может сработать эффект ностальгии по лучшим молодым годам жизни, и ответы на вопросы будут иными, чем у других возрастных групп. Феномен ностальгии по Советскому Союзу на постсоветском пространстве широко изучен в зарубежной и эмигрантской литературе по русистике и постсоветским исследованиям (White 2010; Lee 2011; Mazur 2015; Kalinina, Menke 2016). Наличие такой ностальгии подтверждается, особенно среди представителей старшего поколения[4].

Хотя во всех исследуемых странах официальная планка пенсионного возраста поднята[5], мы выделили «старшее поколение» более традиционно – от 55 лет. Остальные две возрастные группы: «молодёжь» – интервьюируемые до 35 лет и «среднее поколение» – от 35 до 55 лет.

Больше всего молодых людей среди опрошенных было в Казахстане (41,8%), в остальных странах эта доля не превышала четверти от всей совокупности респондентов (Беларусь – 24%, Грузия – 19,6%). Удельный вес средней возрастной группы составлял примерно половину от всех опрошенных во всех исследуемых государствах. Старшая возрастная группа оказалась самой малочисленной в Казахстане (13,2%). Вероятно, различия удельного веса респондентов по возрасту могли повлиять и на различия в ответах интервьюируемых, однако мы постарались сравнить в рамках нашей гипотезы ответы возрастных групп именно внутри самих государств, а потом, соответственно, их доли между самими государствами.

---

[4] Почему молодые тоскуют по СССР. *Ведомости*. 26.12.2017. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/12/26/746513-rossiya-skuchaet-po-sssr (дата обращения: 25.12.2022).

[5] В 2022 г. в Грузии пенсионный возраст составлял 65 лет для мужчин, 60 лет для женщин; в Беларуси – 63 года для мужчин и 58 лет для женщин; в Казахстане – 63 года для мужчин и 60 лет для женщин.

В ходе телефонного опроса всем респондентам был задан вопрос: какой формат взаимоотношений с Россией как страной-соседом они предпочитают. Варианты ответа: союзнический, партнёрский, нейтральный или враждебный. Вполне ожидаемо жители Беларуси и Казахстана в большей степени выбрали союзнический формат: более половины опрашиваемых выступили за такой тип взаимоотношений (57,6 и 58,9% соответственно). Если учитывать данные по выбору ответов союзнического и партнёрского формата отношений суммарно, то данные будут весьма впечатляющие: 89,4% в Беларуси и 86,3% в Казахстане. Другие цифры наблюдаем в Грузии, что естественно, учитывая сложные отношения с Россией на протяжении всего постсоветского периода. Тем не менее в Грузии более 40% респондентов выступали за союзнические отношения между странами. Если суммировать данный ответ с выбором партнёрских отношений, то для Грузии их доля составляла почти ¾, что достаточно велико. Разброс по выбору варианта ответа за нейтральные отношения значителен: каждый десятый респондент в Беларуси и каждый пятый в Грузии. Очень мала доля тех, кто хотел бы видеть между нашими государствами враждебные отношения: это 0,2 и 0,3% в РБ и Казахстане, и 3,2% в Грузии. На рисунках 1 и 2 продемонстрировано сопоставление ответов респондентов по всем странам, где интервьюеры выступали за союзнические и нейтральные отношения между своим государством и Россией.

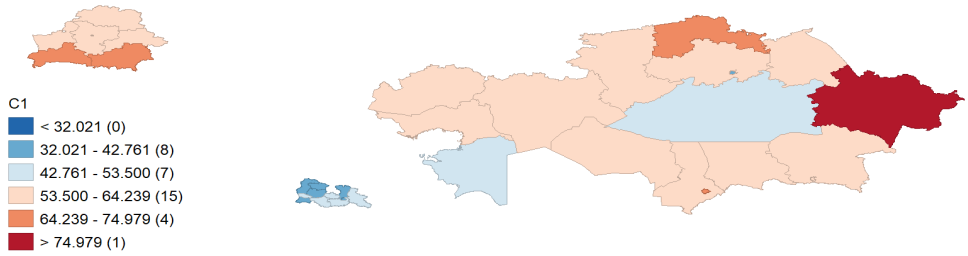

Рисунок 1. Картограмма стандартных отклонений по выбору союзнического формата отношений между государствами и Россией[6]
Figure 1. Cartogram of standard deviations on the choice of the allied format of relations between states and Russia

[6] Картограмма среднеквадратического отклонения разбивает наблюдения на шесть групп: три оттенками синего отображают данные ниже среднего, три оттенками красного – выше среднего. При этом более насыщенный цвет обозначает степень отклонения от среднего (в один и два среднеквадратических отклонения, соответственно, а значит поэтому можно судить об отклонениях в распределении явления от нормального (по Гауссу-Лапласу).

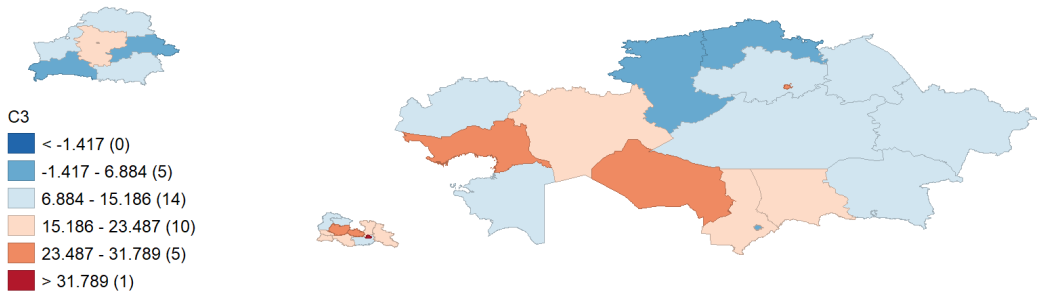

Рисунок 2. Картограмма стандартных отклонений по выбору нейтрального формата отношений между государствами и Россией
Figure 2. Cartogram of standard deviations for choosing a neutral format of relations between states and Russia

Как показывают данные, в Беларуси и Казахстане больше всего выступают за союзнические отношения все группы независимо от возраста. При этом между группами практически нет никакой дифференциации не только в РБ и РК (до 1,1 раза), но и в Грузии разница между «поколениями» не столь существенна (1,5 раза) при более низких значениях в самом удельном весе (см. табл. 1) и при небольшом перевесе в старшей возрастной группе. Примечательно, что и при крайне низких абсолютных значениях тех, кто выступил за враждебные отношения, наблюдается больший удельный вес старшего поколения.

Таблица 1. Удельный вес возрастных категорий в изучаемых странах, выступающих за разные форматы отношений (в % от всей возрастной группы)
Table 1. The proportion of age categories in the studied countries that advocate different formats of relations (in % of the entire age group)

	Союзнические отношения	*Партнёрские*	*Нейтральные*	*Враждебные*
Беларусь				
Молодёжь	53,3	31,7	15	-
Среднее поколение	58,3	33,2	7,7	0,4
Старшее поколение	59,1	29,1	11,8	-
Грузия				
Молодёжь	29,6	33,7	34,7	2
Среднее поколение	45,6	30,9	20,8	2,7
Старшее поколение	46	31,7	18	4,3
Казахстан				
Молодёжь	59,3	26,1	14,1	0,5
Среднее поколение	58,3	26,6	15,1	-
Старшее поколение	59,2	34,2	5,3	1,3

Необходимо отметить, что аналогичное соотношение наблюдается при суммарном значении долей тех, кто выступает и за союзнические, и за партнёрские отношения. Более наглядно это продемонстрированно на рисунке 3.

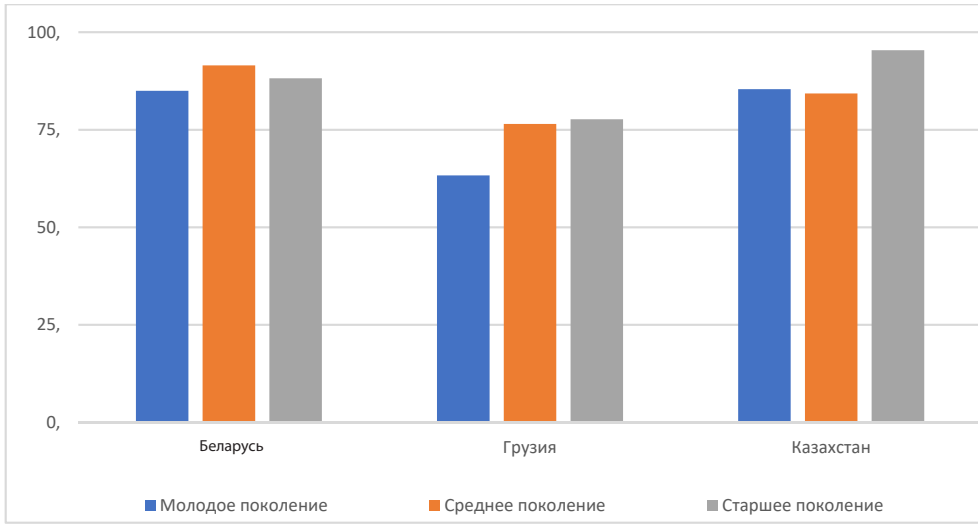

Рисунок 3. Удельный вес возрастных групп, выступающих за союзнические и партнёрские отношения с Россией
Figure 3. The proportion of age groups advocating allied and partnership relations with Russia

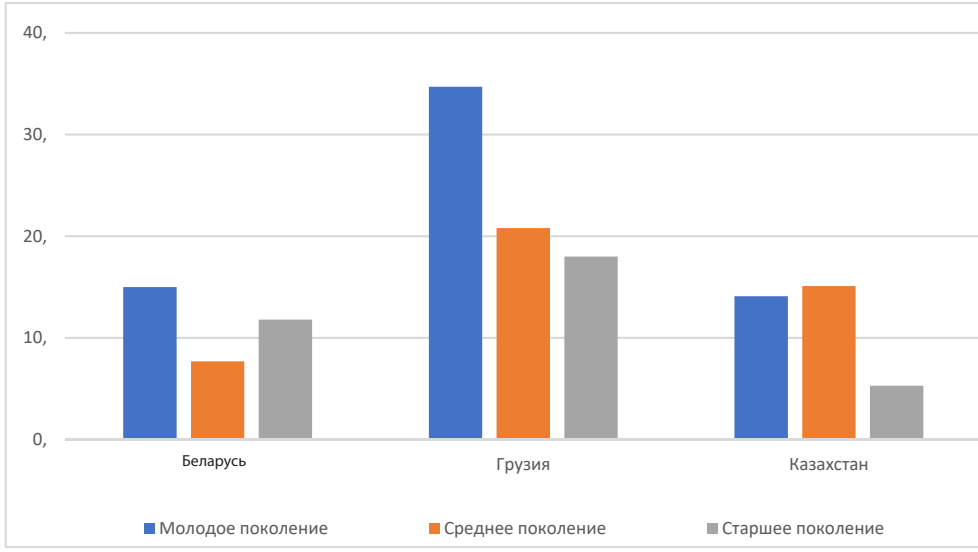

Рисунок 4. Удельный вес возрастных групп, выступающих за нейтральные отношения с Россией
Figure 4. The proportion of age groups advocating neutral relations with Russia

Если сравнивать ответы между поколениями, то видно, что старшее поколение в среднем по своим ответам на данный вопрос не сильно отличается от молодёжи, немного выделяются показатели в Грузии, но если брать только союзнический формат отношений (в 1,5 раза) и суммировать с партнёрским, данная дифференциация нивелируется. Больший поколенческий разрыв наблюдается,

если проанализировать ответы респондентов, выступающих за нейтральные отношения между странами. Здесь мы видим, что старшее поколение в меньшей степени предпочитает именно такой формат. Разница составляет от 1,3 раза в Беларуси (самая низкая дифференциация) до 2,7 раза в Казахстане (что неожиданно, поскольку по другим форматам жители разного возраста, проживающие в республике, довольно единодушны). Промежуточное место занимает Грузия (1,9 раза). Более чётко это видно на рисунке 4.

Несколько отличные цифры наблюдаем, сравнивая выборы вариантов ответов по каждой возрастной группе: например, в Беларуси молодёжь выбирает союзнический формат отношений в 3,5 раза чаще, чем нейтральный, а в возрастной категории старшего поколения это превышение составляет уже пять раз и достигает максимального превышения в 7,5 раз у среднего поколения. Нечто подобное прослеживается в Казахстане, однако здесь минимальный разрыв в выборе вариантов ответов между союзническим и нейтральным составляет у среднего поколения (3,8 раза), а максимальный – у старшего (11,2 раза). В Грузии данный разрыв меньше всего: максимальный у старшего поколения (2,5 раза), до 1,2 раза – у молодого поколения. Однако в последнем случае видим важное отличие: единственный раз, когда именно в данной возрастной группе есть превышение выбора ответа нейтрального формата взаимоотношений над союзническим, который, однако, нивелируется, если суммировать выбор союзнического и партнерского вариантов (см. табл. 1). Таким образом, данная гипотеза подтверждается частично. Второе предположение состояло в том, что население титульной нации в государствах, где проводились исследования, настроено менее «пророссийски» по сравнению с этническими русскими, проживающими на территории этих стран (то есть меньше выступает за формат союзнических и партнёрских взаимоотношений).

Рассматривая обратное прочтение данной гипотезы, можно проверить тезис об особом отношении русских соотечественников к развитию связей их страны проживания с Россией. Хотя русские жители постсоветских государств редко рассматриваются как диаспоры, ничто не мешает проверить, работает ли базовый тезис об особом отношении представителей национальности к государству, где данная национальность является титульной (Лошкарёв 2015), на примере ряда государств постсоветского пространства.

В опросах авторов в основном принимало участие титульное население. Полученные в ходе соцопроса данные по государствам несколько отличаются от официальной статистики, это связано, в том числе, и с особенностями самого жанра телефонного опроса, а также (отчасти) и с тем, что анкетирование шло на русском языке. Необходимо отметить общую тенденцию во всех изучаемых странах: в постсоветский период происходили процессы «этнизации», выражавшиеся в постепенном увеличении удельного веса титульной нации при уменьшении доли всех остальных этносов, и особенно русского. В разных странах данный процесс шёл с различной скоростью, но трек к увеличению моно-

этничности после распада Советского Союза очевиден. При этом существуют различные условия жизни русскоязычного населения: так, в Беларуси и Казахстане[7] русские и русскоязычные граждане чувствуют себя довольно комфортно, русский язык остаётся языком межнационального общения.

В Беларуси во время опроса 77,6% респондентов идентифицировали себя как представители коренной национальности: это меньше, чем по официальной статистике (83,7%[8]), 14,4% представились русскими (по данным переписи их в республике проживает 8,26%), на другие национальности пришлось 8%. К прочим национальностям в нашем опросе в первую очередь относятся поляки (2,8 против 3,1% государственной статистики), компактно проживающие в Гродненской области, и украинцы (2,4 вместо 1,7%[9]).

В Грузии подавляющее большинство опрашиваемых принадлежит к титульной нации, её доля последовательно увеличивалась в постсоветский период: 86% интервьюируемых ответили на вопрос о национальности, что они грузины, 4,5% – армяне, доля русских составила 3,7%, на прочие национальности пришлось менее 6%. При этом доля лиц грузинской и армянской национальности совпадает с официальной статистикой 2014 г.[10], но доля русских отличается. На территории страны можно отметить районы компактного проживания других национальностей: так, в Квемо-Картли традиционно высока доля азербайджанцев, а в Самцхе-Джавахети – армян, хотя в нашем соцопросе и среди анкетируемых оказалось меньше лиц вышеуказанных национальностей, чем зафиксировано в переписи. «В Квемо-Картли доля азербайджанцев составляет 41,8%, армян – 5,1%. В Самцхе-Джавахети 50,5% населения составляют армяне» (Мосаки 2018: 110). В нашем опросе приняли участие в Квемо-Картли 14% азербайджанцев и 4% армян; в Самцхе-Джавахети – 24% армян и 2% азербайджанцев. Некогда многонациональный Тбилиси за три десятилетия стал моноэтничным городом, что и отражено в нашем опросе (97% опрошенных грузины).

В Казахстане соотношение национальностей согласно официальной статистике и тем респондентам, которые принимали участие в опросе, существенно отличается. Так, согласно переписи 2009 г. доля казахов в стране составляет 63,1%, а русских – 23,7%[11], в то время как в анкетировании было задействовано

---

[7] Во втором пункте статьи 7 Конституции Казахстана сказано: «…наравне с казахским официально употребляется и русский язык». *Конституция Казахстана.* URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 25.12.2022).

[8] *Национальный статистический комитет Республики Беларусь.* URL: https://census.belstat.gov.by/saiku/?guest=true&lang=ru&default_view_state=edit#query/open//public/F501N_ru.saiku (дата обращения: 25.12.2022).

[9] Там же.

[10] Мосаки Н. Предварительные итоги переписи населения в Грузии: население Грузии составляет лишь 3,7 млн. человек. *Демоскоп weekly.* 2015. № 661–662. 02–15.11. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0661/analit05.php (дата обращения: 25.12.2022).

[11] *Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан.* URL: https://stat.gov.kz/ (дата обращения 25.12.2022).

53,1% казахов и 33,1% русских. Что касается остальных национальностей, то их доля приблизительно одинакова: по официальным цифрам – 13,2%, по опросу – 13,9%. В опросе в эту группу прежде всего входят узбеки – 3,3% и украинцы – 2,4%, что близко данным переписи (2,8 и 2,1% соответственно). Заметим, что в течение всего постсоветского периода государственная политика Казахстана направлена на «казахизацию» страны, поэтому даже после переписи 2009 г. некоторые источники дают другую информацию по национальному составу: казахи составляют 70%, русские – 20%, узбеки – 3%[12].

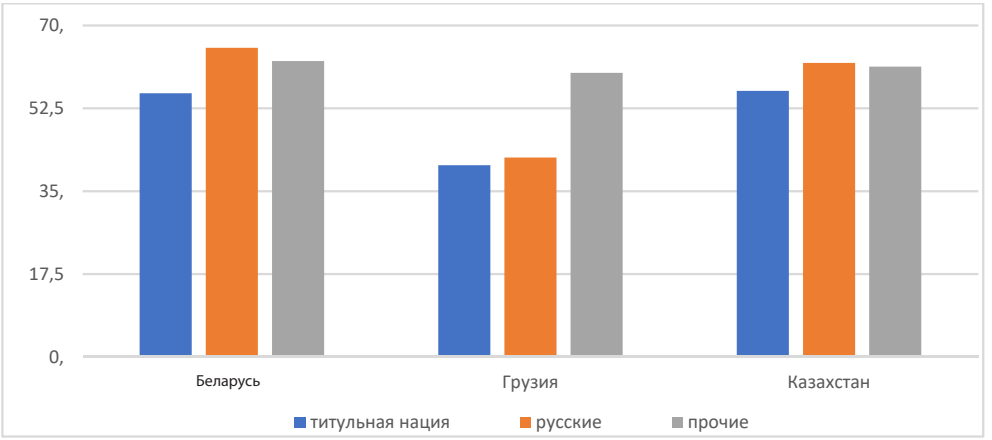

Рисунок 5. Удельный вес граждан разных национальностей, выступающих за союзнические отношения с Россией.
Figure 5. The proportion of citizens of different nationalities who advocate allied relations with Russia.

Согласно данным изучаемых государств, русское население в большей степени выступает за союзнические отношения, нежели титульная нация, но это различие невелико (в 1,2 раза в Беларуси), либо его совсем не наблюдается, как в Казахстане и Грузии (см. рис. 5). Такая же тенденция прослеживается, если суммировать выбор ответов за союзнические и партнёрские отношения. Больше различия в ответах титульной нации по сравнению с русскими и прочими национальностями при выборе нейтрального формата взаимоотношений. Здесь различия достигли существенных величин, особенно в Беларуси и Казахстане (см. рис. 6). Те немногие респонденты, которые выбирали при ответе вариант враждебного характера взаимоотношений (в Казахстане их вообще не было), принадлежали к титульной нации (Беларусь, Грузия) (см. табл. 2). Те, кто был отнесён в группу «прочие национальности», отвечали по-разному. Во всех государствах удельный вес выступающих за союзнические отношения оказался сопоставим с численностью титульного и русского населения.

[12] *Статистика и информация.* URL: https://rosinfostat.ru/naselenie-kazahstana-i-statisticheskaya-informatsiya/#i-6 (дата обращения: 25.12.2022).

Если сравнивать полученные ответы внутри выделенных «национальных» групп, то в РК и РБ превышение выбора союзнического формата отношений перед нейтральным для титульной нации составляет 3,4 и 4,9 раза соответственно, в то время как для респондентов, обозначивших себя русскими, такое превышение составляет 7,4 (Казахстан) и 11,9 (Беларусь). Эти цифры и для прочих национальностей выше, чем для титульной (4,9 раза в РК и 8,7 раза в РБ). Меньшая дифференциация между ответами по национальным группам в Грузии: 1,7 раза для титульной нации, два раза для русских и 3,3 раза для прочих национальностей (см. табл. 2).

Таким образом, «национальная» гипотеза подтверждается лишь отчасти.

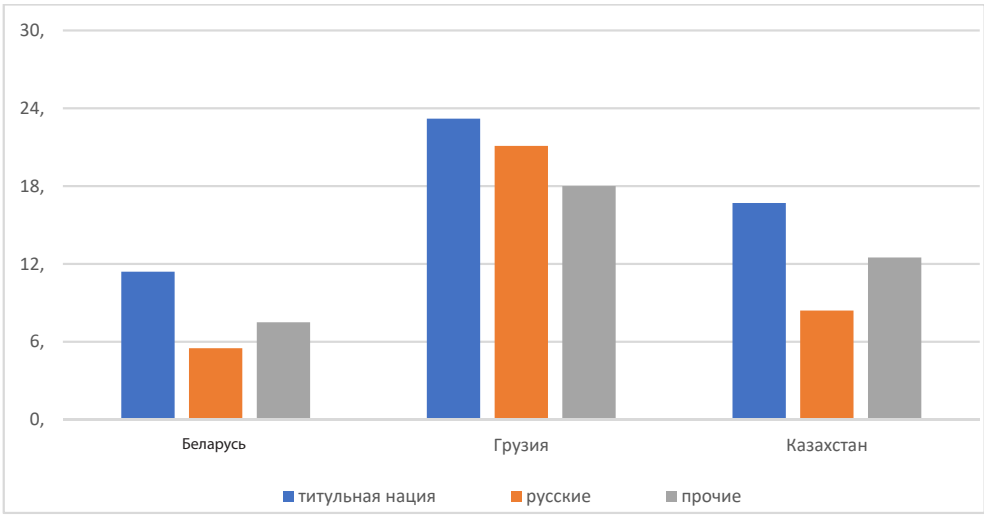

Рисунок 6. Удельный вес граждан разных национальностей, выступающих за нейтральные отношения с Россией.
Figure 6. The proportion of citizens of different nationalities who advocate neutral relations with Russia.

Таблица 2. Удельный вес национальностей в изучаемых странах, выступающих за разные форматы отношений (в % от национальности).
Table 2. The proportion of nationalities in the studied countries advocating different formats of relations (in % of nationality).

	Союзнические отношения	*Партнёрские*	*Нейтральные*	*Враждебные*
Беларусь				
Титульная нация	55,7	32,5	11,4	0,4
Русские	65,3	29,2	5,5	-
Прочие	62,5	30	7,5	-
Грузия				
Титульная нация	40,5	32,6	23,2	3,7
Русские	42,1	36,8	21,1	
Прочие	60	22	18	

	Союзнические отношения	*Партнёрские*	*Нейтральные*	*Враждебные*
Казахстан				
Титульная нация	56,2	26,5	16,7	0,6
Русские	62,1	29,5	8,4	
Прочие	61,25	26,25	12,5	

Третья гипотеза предполагала, что респонденты, которые чаще бывают в России, больше выступают за союзнические и партнёрские с ней отношения, нежели те, кто никогда не бывал в РФ.

Предположение о том, что развитые коммуникации способствуют интеграции, считается одним из базовых в теории трансакционализма (Deutsch et al. 1957: 36–37). Таким образом, у нас появилась возможность проверить справедливость этого тезиса на материале постсоветских государств, учитывая статус России как лидера региональной интеграционной группировки.

Мы разделили всех респондентов по ответу на данный вопрос на три группы:

- «часто ездят» – бывают в России несколько раз в год;
- «бывают эпизодически» – совершают поездки раз в год и реже;
- «никогда не бывали».

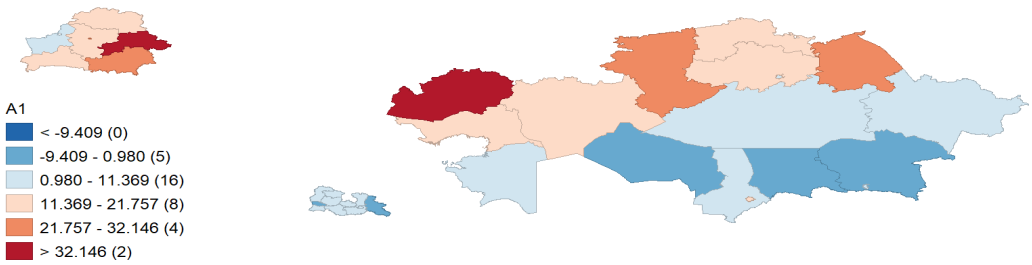

Рисунок 7. Картограмма стандартных отклонений по частоте поездок в Россию (респонденты, которые часто ездят).
Figure 7. Cartogram of standard deviations in the frequency of trips to Russia (respondents who travel frequently).

Разумеется, дифференциация ответов по странам весьма значительна. Очевидно, что самая высокая частота поездок в Россию у граждан Беларуси – каждый пятый респондент выбрал первый вариант ответа; здесь же самый низкий показатель тех, кто никогда не бывал в соседней стране, – 23%. Следующим идёт Казахстан – 13% жителей часто бывают в России, 34% никогда не бывали. В Грузии доля респондентов, которые часто бывают в РФ, совсем мала – 3%, и велика доля тех, кто в России никогда не бывал, – почти 1/3 опрошенных, что свидетельствует о сохраняющейся тенденции по отдалению государств друг от друга. На картограммах (рис. 7 и 8) представлены частота поездок в Россию респондентов стран-соседей.

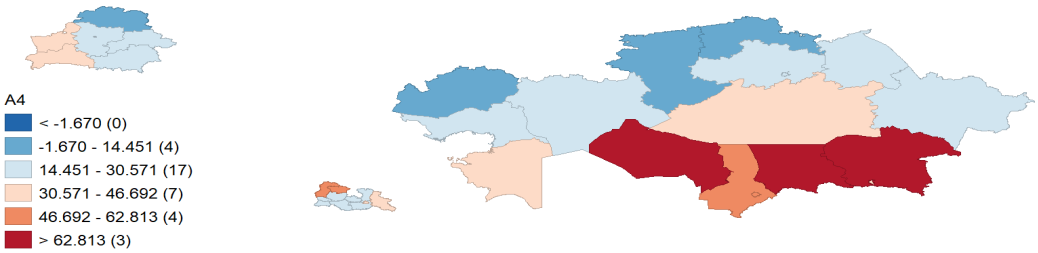

Рисунок 8. Картограмма стандартных отклонений по частоте поездок в Россию (респонденты, которые никогда не были в России).
Figure 8. Cartogram of standard deviations by frequency of trips to Russia (respondents who have never been to Russia).

Велики внутрирегиональные различия в странах, особенно в Беларуси и Казахстане: здесь больше всего ездят в Россию жители пограничных с областей, а меньше всего – отдалённые регионы. В РБ наиболее интенсивные связи у Гомельской и Могилевской областей (в РФ ездит каждый пятый и каждый третий из респондентов), а также Минска (каждый четвёртый из респондентов). Тех, кто никогда не бывал в РФ, больше всего в отдалённых Гродненской и Брестской областях (36,6 и 30,6% соответственно).

Похожая картина в Казахстане: самые активные респонденты проживают в приграничных областях республики: Западно-Казахстанской, Костанайской и Павлодарской (34,3, 28,6 и 25,7% соответственно) и других, которые одновременно включают места компактного проживания русских. Напротив, самое большое число респондентов, никогда не посещавших Россию, проживает в южных областях: Кызылординской, Жамбылской, Алматинской – 70,4, 69,8 и 63,9% соответственно. Связи с Россией опрошенных, проживающих в обеих столицах, нынешней – Астаны и прежней – Алматы, не слишком интенсивны – менее 10% жителей часто посещают РФ.

В Грузии совсем небольшое число респондентов часто бывают в России, поэтому здесь нет сильной дифференциации между административными единицами. Среди респондентов, которые никогда не бывали в России, также нет чётко выраженной территориальной дифференциации: это и соседняя к Абхазии Самегрело (более ½ всех респондентов) и отдалённая Кахети (32,5%), и Тбилиси – 42,4%.

Авторы отмечают разнонаправленные тенденции: во-первых, разрыв между теми, кто часто бывает в России и кто никогда не бывал, и при этом выступает и за союзнические, и за партнёрские отношения, нивелирован в Беларуси и Казахстане. Лишь в Грузии он достаточно велик: те, кто никогда не бывал в России, почти в два раза реже выступают за союзнические отношения по сравнению с респондентами, которые бывают в соседнем государстве несколько раз в год, и даже если суммировать ответы за союзнический и партнёрский форматы отношений, здесь наблюдается разрыв. Очевидно, это связано с тем, что при

сложных официальных отношениях между двумя государствами те, кто часто бывает в России, имеют социальные, родственные и бытовые связи, благодаря чему более дружелюбно относятся к государству-соседу. Авторы отмечают различие между исследуемыми группами, если те выбирали нейтральный формат взаимоотношений. Разница при выборе данного ответа весьма велика во всех странах: в Казахстане и Грузии этот показатель превышает два раза, в Беларуси – в 3,5 раза. При этом удельный вес респондентов, которые никогда не бывали в России и которые хотели бы нейтральных отношений между государствами, значительно выше, чем тех, кто часто бывает в нашей стране (или даже ездит эпизодически) (см. табл. 3).

Таблица 3. Удельный вес граждан, выступающих за различные форматы взаимоотношений с Россией, в зависимости от частоты поездок.
Table 3. The proportion of citizens who advocate various formats of relations with Russia, depending on the frequency of trips.

	Союзнические отношения	*Партнёрские*	*Нейтральные*	*Враждебные*
Беларусь				
Часто ездят	54.2	41,1	3,7	0,4
Бывают эпизодически	58,1	30	11,5	0
Никогда не бывали	59,5	27,6	12,9	
Грузия				
Часто ездят	61,5	23,1	15,4	0
Бывают эпизодически	46,2	33,7	16,9	3,2
Никогда не бывали	32,7	28	36	3,3
Казахстан				
Часто ездят	61,33	28	9,33	1,33
Бывают эпизодически	61,6	27,9	10,2	0,3
Никогда не бывали	53,6	26,5	19,9	0

Таким образом, если рассматривать только выбор ответов, касающихся союзнических и партнёрских отношений, то он почти не зависит от частоты поездок (за исключением Грузии), но если учитывать ответ о нейтральном формате взаимоотношений, то налицо превалирование в ответах той группы респондентов, которые никогда не посещали Россию (см. рис. 9).

Учитывая распределение ответов внутри групп в зависимости от частоты поездок, авторы констатируют: наименьшая дифференциация между ответами при выборе союзнического или нейтрального формата взаимоотношений в группе респондентов, которые никогда не бывали в России – от 2,7 раза в Казахстане до 4,6 раза в Беларуси. В Грузии в этой группе обнаруживается пусть небольшое, но превышение выбора нейтрального варианта перед союзническим

(в 1,1 раза), чего нет в других группах. В группе часто посещающих соседнее государство число опрашиваемых, выбравших союзнический вариант взаимоотношений, существенно: в четыре раза больше в Грузии, в 6,6 раза – в Казахстане, в 14,6 раза – в Беларуси (см. табл. 3). Таким образом, гипотеза частично подтверждается.

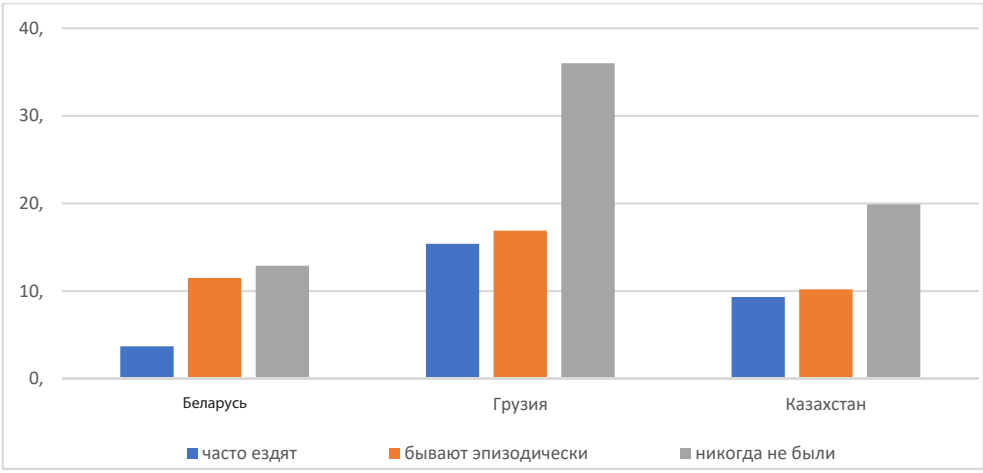

Рисунок 9. Удельный вес граждан, выступающих за нейтральный формат взаимоотношений с Россией, в зависимости от частоты поездок.
Figure 9. The proportion of citizens who advocate a neutral format of relations with Russia, depending on the frequency of trips.

Четвёртое предположение состояло в том, что респонденты, получающие информацию о России из российских СМИ, выступают за союзнические отношения.

В последнее время появилось много работ, которые концептуализируют иностранное вещание и СМИ как влиятельный инструмент международного влияния. Западные авторы фокусируются на влиянии российских СМИ (Fisher 2020), а российские – на влиянии западных (Зарубина 2018). Одно из базовых предположений этой литературы – тезис о том, что СМИ могут воздействовать на внешнеполитические предпочтения избирателей. Он и будет проверен.

В целом можно отметить, что везде большинство населения предпочитает новые источники информации традиционным СМИ: удельный вес респондентов, получающих новости из интернета, незначительно колеблется от 49,5% (Грузия) до 56,8% (Казахстан).

Доля граждан, интересующихся новостями о своём соседе и получающих информацию из российских СМИ, находится в диапазоне от 20,8% (Казахстан) до 31,7% (Грузия). Каждый десятый анкетируемый в Беларуси и Грузии не интересуется новостями о России: в Казахстане удельный вес таких граждан немногим выше и составляет 15,1%. Есть территориальные диспропорции по ответу на данный вопрос и внутри государств, за исключением, пожалуй, Беларуси.

Так, в Грузии меньше всего интересуются жители столицы и Кахети, в Казахстане – в Алматы и Шымкенте.

Авторы предположили, что граждане, получающие информацию о России из её СМИ, более пророссийски настроены и склонны выбирать союзнический формат отношений. Данная гипотеза подтвердилась в той или иной степени, поскольку во всех трёх странах доля смотрящих российские СМИ и выступающих при этом за союзнические отношения превышает долю не интересующихся новостями из РФ, но также выступающих за союзнические отношения в 1,3–1,6 раза (см. рис. 10). Если сравнивать доли тех, кто получает информацию из российских средств массовой информации и выбирает союзнические отношения, с теми, кто также смотрит российские СМИ, но выбирает нейтральный формат взаимоотношений, то разница представляется более существенной: в Грузии она составляет 3,5 раза, в Беларуси – 8,7, в Казахстане доходит до 12,4 раза (см. табл. 4).

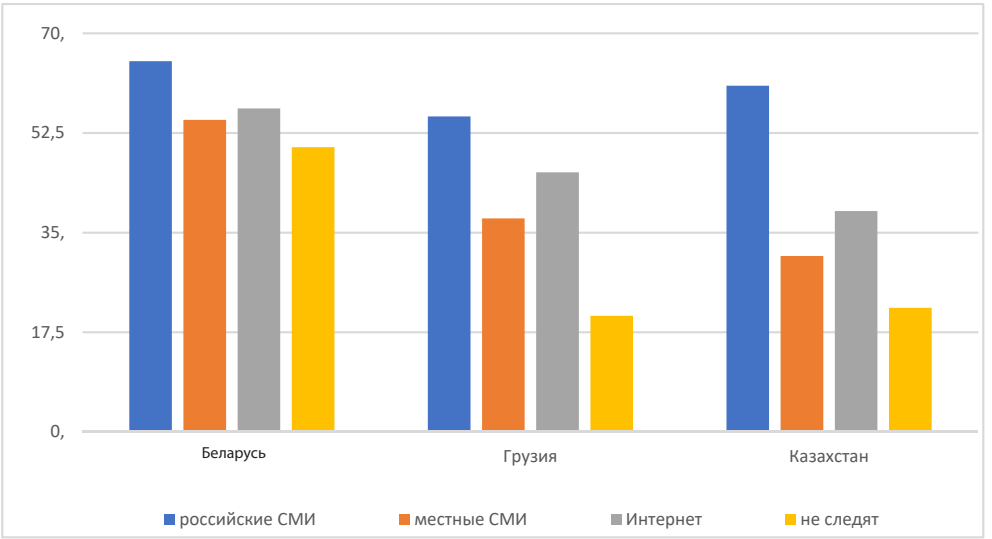

Рисунок 10. Удельный вес граждан, выбирающих разные источники получения информации о России и предпочитающих союзнический формат взаимоотношений
Figure 10. The proportion of citizens who choose different sources of information about Russia and prefer the allied format of relations

Отметим достаточно очевидный факт: доля респондентов, которые не интересуются новостями из России и при этом выступают за нейтральные отношения между странами, везде превышает долю тех, кто также хотел бы видеть взаимоотношения нейтральными, но при этом получают информацию о России из российских источников. Разница между ними составляет от 2,2 раза (Беларусь) до пяти раз (Казахстан) (см. табл. 4).

Таблица 4. Удельный вес граждан, которые получают информацию о России из разных источников и выбирающие разный формат взаимоотношений
Table 4. The proportion of citizens who receive information about Russia from different sources and choose a different format of relationships

	Союзнические отношения	*Партнёрские*	*Нейтральные*	*Враждебные*
Беларусь				
Получают информацию из российских СМИ	65,1	27,4	7,5	0
Получают информацию из местных СМИ	54,8	35,5	9,7	
Интернет	56,8	32,4	10,1	0,7
Не интересуются новостями из России	50	33,3	16,7	
Грузия				
Получают информацию из российских СМИ	50,9	34	14,5	0,6
Получают информацию из местных СМИ	37,5	37,5	17,5	7,5
Интернет	39,9	30,7	25,4	4
Не интересуются новостями из России	33,3	26	37	3,7
Казахстан				
Получают информацию из российских СМИ	71,7	22,5	5,8	0
Получают информацию из местных СМИ	52,4	30,9	14,3	2,4
Интернет	58,4	29,7	11,9	0
Не интересуются новостями из России	46	24,1	28,7	1,2

Пятая гипотеза авторов исходила из того, что респонденты, которые выступают за союзнические отношения между государствами, считают взаимоотношения с Россией важной политической повесткой.

Мы предположили, что граждане, выбравшие среди ответов союзнический формат взаимоотношений с Россией, должны считать эти отношения важной темой избирательной кампании. Данное суждение подтвердилось. Во всех государствах удельный вес респондентов, которые выбирали союзнические отношения и заявляли, что тема отношения с Россией должна быть актуальной во время избирательных кампаний, значительно выше, чем тех, для кого эта тема неважна и превышают половину (за исключением Казахстана – 45,1%). В Беларуси разница составляет 4,7 раза, в Грузии – четыре раза, в Казахстане – 3,5 раза (см. табл. 5). Соответственно, противоположная картина наблюдается среди тех, кто нацелен на нейтральные отношения между странами и считает, что отношения с Россией важны. Их существенно меньше, чем тех, кто считает не-

важной данную повестку дня. Здесь разрыв также достаточно высок, но в обратную сторону в Беларуси (3,2 раза), и не слишком существенен в Грузии и Казахстане. По-прежнему обращает на себя внимание достаточно высокий процент затруднившихся ответить, причём для всех групп, выбравших разные форматы взаимоотношений. Доля затруднившихся с ответом в группе предпочитающих союзнические и партнёрские отношения в Беларуси и Грузии чуть менее 1/3, в Казахстане – более 40%. Ещё выше эта доля среди выбравших нейтральные отношения опять же в Казахстане (59,7%) и Грузии (39,8%), что может свидетельствовать о некоторой индифферентности к данной проблематике. Лишь в Беларуси граждане, выбравшие нейтральный формат отношений, в большей степени определяют тему взаимоотношений с Россией как неважную – 62,7%, а считают важной темой или затруднились с ответом примерно одинаковое количество (19,6 и 17,7% соответственно) (см. табл. 5).

Таблица 5. Удельный вес респондентов, предпочитающих разные форматы взаимоотношений и считающих отношения с Россией важной / неважной темой повестки дня избирательный кампаний

Table 5. Proportion of respondents who prefer different formats of relations and consider relations with Russia an important/unimportant topic on the agenda of election campaigns

	Важная тема	*Неважная тема*	*Затрудняются ответить*
Беларусь			
Союзнические	58,3	12,5	29,2
Партнёрские	45,3	24,5	30,2
Нейтральные	19,6	62,7	17,7
Враждебные			
Грузия			
Союзнические	56,8	14,1	29,1
Партнёрские	39	31,4	29,6
Нейтральные	34,5	25,7	39,8
Враждебные	31,2	43,8	25
Казахстан			
Союзнические	45,1	13	41,9
Партнёрские	39,2	20,3	40,5
Нейтральные	22,1	18,2	59,7
Враждебные	0	0	100

Гипотеза шестая: граждане, которые проявляют больше симпатии к пророссийски настроенным кандидатам в депутаты, чаще других выступают за союзнические отношения.

Респондентам был задан вопрос о пророссийски настроенных кандидатах в депутаты национальных парламентов. Интервьюеров интересовало, какое отношение может быть к кандидату, если он в ходе своей предвыборной кампании

делал акцент на взаимоотношениях с Россией, обращали ли респонденты на это внимание, и если обращали, то это повышало или, наоборот, понижало симпатии к кандидату. Отметим, что в целом по странам удельный вес опрашиваемых, испытывавших симпатию к такому кандидату, не слишком велик и колеблется в диапазоне от 25,5% (Казахстан) до 38,5% (Грузия), в Беларуси – чуть более 30% (см. рис. 11). При этом доля респондентов, которым безразлично, обращает ли кандидат в депутаты внимание на отношения с Россией, весьма велика: менее «аполитичны» в Грузии (53,7%), самый большой удельный вес «равнодушных» в Казахстане (74%) и в Беларуси (65,2%).

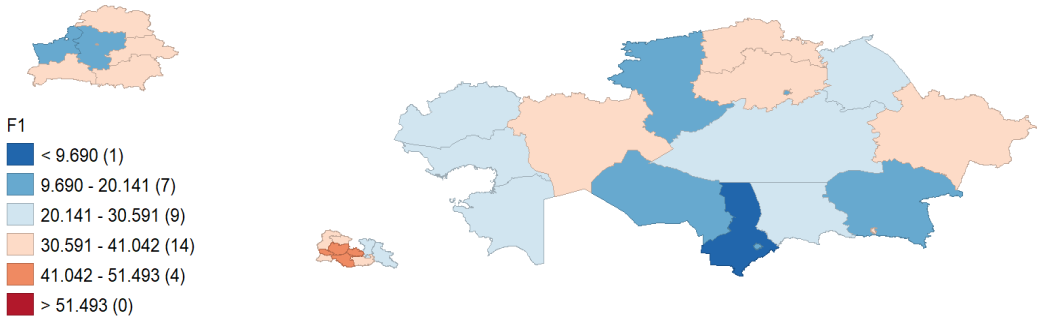

Рисунок 11. Картограмма стандартных отклонений по всем странам по вопросу повышения симпатии, если кандидат во время предвыборной кампании делал акцент на взаимоотношения с Россией

Figure 11. Cartogram of standard deviations for all countries on the issue of increasing sympathy, if the candidate during the election campaign focused on relations with Russia

Мы наблюдаем весьма существенную территориальную дифференциацию внутри государств. Так, в Витебской области РБ отмечаем наибольший процент граждан, ответивших положительно на данный вопрос (40,8%), в то время как в Гродненской и Минской областях этот показатель чуть выше 18%. При этом в данных регионах на большую часть респондентов никак не повлияли взгляды кандидатов на отношения с Россией – 81,7 и 73,6% соответственно.

Похожая картина наблюдается и в других странах: как правило, в регионах с самым низким процентом респондентов, которые чувствуют симпатию к пророссийски настроенным кандидатам, велика доля тех, на кого позиция кандидатов никак не повлияла. К таким районам относятся Мцхета-Мтианети (29,6 и 65,9%) и Кахети (30 и 62,5%) в Грузии, Астана (15,4 и 84,6%) и Туркестанская область (8,1 и 91,9%) в Казахстане. В РК доля лиц, для которых акцент в предвыборной кампании понижал симпатии к кандидату, ничтожно мала, как, впрочем, и в Беларуси.

По нашей гипотезе, если кандидат делал акцент на взаимоотношениях с Россией, и это обстоятельство повышало к нему симпатию, то респондент, скорее всего, выбирал союзнический формат отношений с Россией, и, напро-

тив, если в предвыборной программе делался упор на соседнее государство, то респондент, выбирав ответ «понижало симпатию к кандидату», скорее всего, склонялся к нейтральном или даже враждебному формату. Гипотеза в полной мере подтвердилась. Разница между теми, кто выбрал ответ «повышало симпатию» и одновременно союзнические отношения, при таком же ответе на первый вопрос и при выборе нейтрального формата превышает в Грузии четыре раза, а в Казахстане и Беларуси – 20,8 и 35,9 раза (см. табл. 6). Превышение выбора нейтрального формата отношений над союзническими при ответе «понижало симпатию» менее значимо, что тоже очевидно: в Казахстане и Грузии – 2 и 2,7 раза соответственно, в Беларуси – в четыре раза.

Таблица 6. Удельный вес респондентов, по-разному относящихся к кандидатам избирательных кампании и выбирающих различный формат взаимоотношений с Россией
Table 6. Proportion of respondents who have different attitudes to election campaign candidates and choose a different format of relations with Russia

Отношения	*Союзнические*	*Партнёрские*	*Нейтральные*	*Враждебные*
Беларусь				
Повышало симпатию	71,7	26,3	2	0
Понижало симпатию	14,3	23,8	57,1	4,8
Никак не влияло	54	35	11	0
Грузия				
Повышало симпатию	55,4	30,1	14,5	0
Понижало симпатию	15,4	20,5	41	23,1
Никак не влияло	37,2	34,6	25,6	2,6
Казахстан				
Повышало симпатию	70,7	25,9	3,4	0
Понижало симпатию	33,3	0	66,7	0
Никак не влияло	54,9	28,2	16,4	0,5

Седьмое предположение гласило, что респонденты, которые считают, что в ходе последней избирательной кампании много обсуждался вопрос отношений с Россией, в основном живут в регионах, пограничных с РФ.

Мы предположили, что жители приграничных к России регионов соседних государств скорее всего обратят внимание на то, включена ли тема России в повестку избирательной кампании, потому что для этих граждан взаимоотношения с Россией актуальнее, нежели для жителей остальных регионов. Респондентам был задан вопрос: «Обсуждались ли в ходе последней избирательной кампании взаимоотношения с Россией?» и предложены варианты ответа: «да, много», «да, немного», «нет». Напомним, что в трёх странах опрос проводился сразу после завершения избирательной кампании в национальные парламенты,

следовательно, для респондентов такой вопрос не должен был вызвать затруднений. Итог распределения ответов по странам отображен в табл. 7.

Таблица 7. Удельный вес ответов респондентов о взаимоотношениях с РФ во время последних избирательных кампаний
Table 7. The proportion of respondents' responses about relations with the Russian Federation during the last election campaigns

Страны	Да, обсуждали много	Да, обсуждали немного	Нет, не обсуждали
Беларусь	10,8	21	68,2
Грузия	13,6	26,7	59,7
Казахстан	6,9	13,2	79,9

Как видно, во всех государствах удельный вес респондентов, которые считают, что взаимоотношения с Россией много обсуждались в ходе последней предвыборной кампании, весьма невелик. Самый незначительный он в Казахстане (менее 7%), самый высокий в Грузии, но тоже не слишком существенный. Даже если суммировать оба утвердительных ответа («да, много» и «да, немного»), на тему взаимоотношений с Россией в политической повестке обратили внимание лишь 1/5 анкетируемых в Казахстане, менее 1/3 в Беларуси, и лишь в Грузии эта цифра чуть превысила 40%. Это может свидетельствовать либо о небольшой вовлечённости респондентов в актуальную политическую повестку, либо о том, что для предвыборных парламентских кампаний тема взаимоотношений с РФ была маргинальной. Это вполне возможно в Беларуси и Казахстане (на момент проведения выборов и, соответственно, проведения соцопросов), но кажется маловероятным в Грузии.

Гипотеза о внутрирегиональной дифференциации подтверждается неполностью по всем странам. О её подтверждении мы можем говорить на территории Беларуси. Похожая, но более разнородная ситуация наблюдается в Казахстане, где в группу с большим количеством утвердительных ответов попали как регионы-соседи России, так и центральные области. Аналогично обстоит дело и в группе с минимальным удельным весом, здесь есть как удалённые от России, так и пограничные области. Что касается Грузии, то здесь диаметрально противоположная гипотезе картина: респонденты в регионах-соседях меньше всего выбирали утвердительный ответ, в отличие от отдалённых областей, и в том числе Тбилиси, жители которого, пожалуй, единственные из трёх столиц, максимально обращали внимание на то, обсуждались ли взаимоотношения с Россией во время избирательной кампании. Это может свидетельствовать о том, что в Грузии самые активные в политическом смысле граждане проживают именно в столице, а тема взаимоотношения с государством-соседом в первую очередь волнует именно столичных жителей.

Подводя итоги, мы пришли к выводу, что граждане рассмотренных трёх соседних стран настроены на хорошие отношения с Россией.

При этом в основной массе опрашиваемые жители настроены весьма аполитично: они не слишком заинтересованы, чтобы в ходе избирательных кампаний отношения с Россией были самой важной повесткой дня. В Казахстане такие настроения у 40,3% опрошенных, в Беларуси самый высокий удельный вес респондентов, считающих данную тему важной, но это всего ½ (рис. 12), и это один из вопросов, которые вызвали затруднения при ответе.

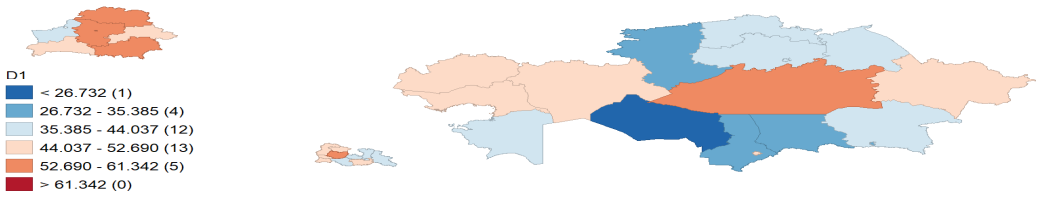

Рисунок 12. Картограмма стандартных отклонений по вопросу о важности темы взаимоотношений с РФ во время избирательной кампании по всем странам
Figure 12. Cartogram of standard deviations on the importance of the topic of relations with the Russian Federation during the election campaign in all countries

Вместе с тем респондентам важно, чтобы отношения между странами развивались в формате дружеского диалога. Возможно, этим объясняется столь высокая доля отдавших свои голоса за союзнические отношения с Россией (более половины в Беларуси и Казахстане и 42,5% в Грузии). Выбор партнёрского формата отношений во всех без исключения соседних государствах примерно одинаков: более 31,7% в Грузии, 31,8% в Беларуси, в Казахстане 27,4%. Возможно, участники опроса не до конца отдают себе отчёт в том, что может подразумеваться под «союзническими» отношениями. Может быть, только жители РБ (с властями которой в течение долгого периода происходит процесс институализации нового Союзного государства), отвечая на вопрос о формате отношений с Россией, подразумевали именно данный формат. Вполне вероятно, что для респондентов остальных стран это не отсылка к построению очередного союзнического государства, а в какой-то мере «ностальгия» по советским временам, весьма благополучным для многих жителей[13].

Отметим также общее для всех государств – равнодушие к вопросам, связанным с темой места взаимоотношений с Россией в ходе обсуждения в избирательных кампаниях в Казахстане (6,9%), в Беларуси (10,8%) и в Грузии (13,6%) (рис. 13).

[13] Примечательно, что никто из респондентов не просил пояснить, что подразумевается под форматом «союзнический».

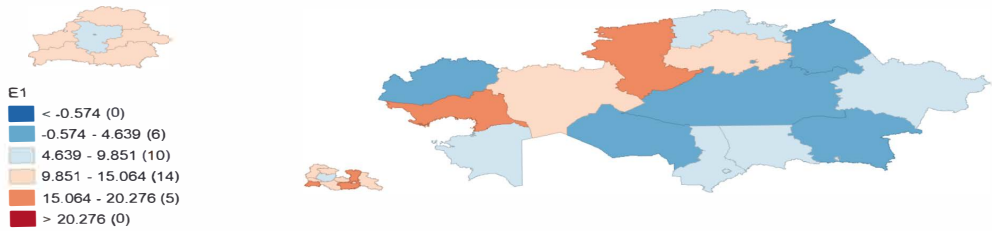

Рисунок 13. Картограмма стандартных отклонений по всем странам в ответах респондентов, которые считают, что тема взаимоотношений с Россией много обсуждалась в ходе последней избирательной кампании
Figure 13. Cartogram of standard deviations for all countries in the responses of respondents who believe that the topic of relations with Russia was discussed a lot during the last election campaign

По итогам проведённого исследования страны-соседи, в которых проходили социологические опросы, можно разделить на два типа: первый – Беларусь и Казахстан, второй – Грузия.

Выделенные типы отличаются между собой по ряду параметров, в частности, по отношению к формату взаимоотношений, по политической повестке, отношению к соседнему государству, социальным практикам, сложившимся в ходе взаимоотношений с Россией. Это вполне объяснимо, поскольку выбранные для исследования страны демонстрировали противоположно направленные треки в постсоветской эволюции взаимоотношений государств-соседей: добрососедские и направленные на разные формы интеграции с РФ (РБ и РК) и центробежные, часто принимающие высококонфликтный характер (Грузия). Тем не менее наши исследования, проведённые до 2022 г., зафиксировали потенциал для восстановления отношений, драйвером которых могут быть обычные граждане, которые ориентированы на конструктивные и дружественные связи.

Можно выделить несколько линий размежеваний: «макрорегиональная, геополитическая» – Беларусь и Казахстан, с одной стороны, Грузия – с другой.

Второй раскол по линии «центр – периферия» проходит внутри государств. Такое размежевание выделяли многие исследователи, в частности, А.С. Ахременко (Ахременко 2003), Р.Ф. Туровский (Туровский 2006). Они говорили о расколе применительно к России, однако такие же размежевания мы обнаружили в Беларуси («Минск и вся остальная страна»[14]), отчасти в Грузии и в Казахстане.

Мы допускаем вероятные размежевания по линиям север – юг в Грузии (Шестакова 2021: 156); в какой-то степени в Казахстане – по линии север – центр – юг (Виноградов: 2020: 177), как результат территориальной дифференциации в проживании русских в северных областях республики, где более чётко про-

[14] Окунев И., Шестакова М., Бибина Э. Минск и вся остальная страна: территориальная дифференциация электорального поведения жителей Белоруссии. *Россия в глобальной политике.* URL: https://globalaffairs.ru/articles/differencziacziya-belorussii/ (дата обращения: 25.12.2022).

являются симпатии к России, нежели в отдалённых от неё южных регионах; и немного в Беларуси – в регионах, пограничных с Россией и Украиной (Okunev, Shestakova, Bibina 2020).

При анализе электорального поведения населения метод массовых социологических опросов целесообразно дополнить другими инструментами, в частности качественными методами.

Об авторах:

Игорь Юрьевич Окунев – кандидат политических наук, доцент, директор Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: iokunev@mgimo.ru

Марианна Николаевна Шестакова – кандидат географических наук, ведущий эксперт Управления магистерской подготовки, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: marianna@rapn.ru.

Конфликт интересов:
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:
Финансирование РНФ, грант № 19-78-10004 (2019-2024) «Трансформации электорального поведения в регионах зарубежных стран, пограничных с Российской Федерацией: сравнительный пространственный анализ», реализуемый научным коллективом МГИМО МИД России.

UDC: 327.83
Received: October 05, 2022
Accepted: December 10, 2022

Foreign Policy Orientation and Electoral Behavior: Analyzing Opinion Polls in Belarus, Georgia, and Kazakhstan

I.Yu. Okunev, M.N. Shestakova
DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-55-85

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: In the post-pandemic years of 2021–2022, the post-Soviet space has entered a stage of decisive transformation, which will test the maturity of the state institutions formed 30 years ago for the region's countries. The study captures a snapshot of public sentiment

in these countries on the eve of this wave of transformation - it is based on a series of large-scale opinion polls in Belarus, Georgia and Kazakhstan, conducted immediately after the last elections to the lower houses of the parliaments of these countries in the pre-crisis era. The main research question of the sociological study was to identify demographic and geographical patterns in determining the attitude of voters toward the prospects for relations with Russia. Countries with traditionally different strategies of relations with Russia were taken: Belarus is a strategic ally, Kazakhstan is friendly but pursues a multi-vector policy, and Georgia is generally hostile at the level of the political class. The analysis showed that in matters of orientation towards positive relations with Russia, the voters of these countries nevertheless had more in common than differences. Based on the analysis results, several lines of delimitation can be distinguished. Firstly, the "macro-regional, geopolitical" line runs between Belarus and Kazakhstan, on the one hand, and Georgia, on the other. The second split along the "center-periphery" line takes place within states, i.e., Such a demarcation was singled out by many researchers, singled out concerning Russia; however, we found the same demarcations in Belarus ("Minsk and the rest of the country") partly in Georgia and Kazakhstan. Finally, the authors admit to it the possibility of delimitation along the north-south lines: in Georgia and, to some extent, in Kazakhstan, as a result of territorial differentiation in the residence of Russians in the northern regions of the republic, where sympathy for Russia is more clearly manifested than in the southern regions remote from it; and this demarcation is less pronounced in Belarus, where it refers to the regions bordering Russia and Ukraine.

Keywords: electoral geography, post-Soviet space, Belarus, Georgia, Kazakhstan, sociological survey, foreign policy orientation

About the authors:

Igor Yu. Okunev – Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Director, Center for Spatial Analysis in International Relations, Institute for International Studies, MGIMO University. Address. 119454, Moscow, Vernadsky Avenue, 76. E-mail: iokunev@mgimo.ru

Marianna N. Shestakova - Ph.D. in Geography, Leading Expert of the Department of Master's Training, Senior Lecturer at the Department of Comparative Political Science, MGIMO University. Address. 119454, Moscow, Vernadsky Avenue, 76. E-mail: marianna@rapn.ru

Conflict of interest:
The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgments:
RNF funding, grant No. 19-78-10004 (2019-2024) "Transformations of electoral behavior in the regions of foreign countries bordering the Russian Federation: a comparative spatial analysis", implemented by the MGIMO research team of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

References:

Alexander M.G., Levin S., Henry P.J. 2005. Image Theory, Social Identity, and Social Dominance: Structural Characteristics and Individual Motives Underlying International Images. *Political Psychology.* 26(1). P. 27–45. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2005.00408.x

Boulding K.E. 1959. National Images and International Systems. *Journal of conflict resolution.* 3(2). P. 120-131.

Castano E., Bonacossa A., Gries P. 2015. National Images as Integrated Schemas: Subliminal Primes of Image Attributes Shape Foreign Policy Preferences. *Political Psychology.* 37(3). P. 351–366. DOI: 10.1111/pops.12259

Deutsch K. et al. 1957. *Political Community and the North Atlantic Area: International organization in the light of historical experience.* Princeton: Princeton University Press. 228 p.

Fisher A. 2020. Demonizing the Enemy: the Influence of Russian State-Sponsored Media on American Audiences. *Post-Soviet Affairs.* 36(4). P. 281-296.

Jervis R. 1970. *The Logic of Images in International Relations.* Princeton: Princeton University Press. 281 p.

Hazbun W. 2011. The Middle East through the Lens of Critical Geopolitics: Globalization, terrorism, and the Iraq war. In Michael E. Bonine, Michael Gasper, and Abbas Amanat, eds. *Is There a Middle East? The Evolution of a Geopolitical Concept.* Stanford: Stanford University Press. P. 207-230.

Kalinina E., Menke M. 2016. Negotiating the Past in Hyperconnected Memory Cultures: Post-Soviet nostalgia and National Identity in Russian Online Communities. *International Journal of Media & Cultural Politics.* 12(1). P. 59-74. DOI: 10.1386/macp.12.1.59_1

Kunczik M. 1996. *Images of Nations and International Public Relations.* London and New York: Routledge. 337 p.

Kolossov V. 2003. 'High' and 'Low' Geopolitics: Images of Foreign Countries in the Eyes of Russian Citizens. *Geopolitics*. 8(1). P. 121-148. DOI: 10.1080/714001015

Kolossov V. 2013. The Vision of Europe and the World as Seen by Large Powers: The case of the BRIC countries. *Geographia Polonica.* 86(2). P. 89-98. DOI: GPol.2013.10

Lee M. 2011. Nostalgia as a Feature of "Glocalization": Use of the Past in Post-Soviet Russia. *Post-Soviet Affairs.* 27(2). P. 158-177. DOI: 10.2747/1060-586X.27.2.158

Mazur L. 2015. Golden Age Mythology and the Nostalgia of Catastrophes in post-Soviet Russia. *Canadian Slavonic Papers.* 57(3-4). P. 213-238. DOI: 10.1080/00085006.2015.1090731

Okunev I.Yu., Shestakova M.N., Bibina E.S. 2020 Neighborhood with Russia: Implications for Regional Differentiation of Public Opinion in Belarus. *Russia in Global Affairs.* 18(4(72)). P. 10–36.

O'Reilly K.P. 2007. Perceiving Rogue States: The Use of the "Rogue State" Concept by US Foreign Policy Elites. *Foreign Policy Analysis.* 3(4). P. 295-315. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2007.00052.x

Schweller R.L. 2004. Unanswered Threats: A Neoclassical Realist Theory of Underbalancing. *International Security.* 29(2). P. 159-201. DOI: 10.1162/0162288042879913

Sharp J. 2011. A subaltern Critical Geopolitics of the War on terror: Postcolonial Security in Tanzania. *Geoforum*. 42(3). P. 297-305. DOI: 10.1016/j.geoforum.2011.04.005

Sriramesh K., Verčič D. 2003. *The Global Public Relations Handbook Theory, Research, and Practice.* Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates. 564 p.

Strüver A. 2007. The Production of Geopolitical and Gendered Images through Global aid Organisations. *Geopolitics*. 12(4). P. 680-703. DOI: 10.1080/14650040701546111

White S. 2010. Soviet Nostalgia and Russian Politics. *Journal of Eurasian studies.* 1(1). P. 1-9. DOI: 10.1016/j.euras.2009.11.0

Akhremenko A.S. 2005. Strukturirovanie elektoral'nogo prostranstva v rossijskih regionah: faktornyj analiz parlamentskih vyborov 1995 [Structuring the Electoral Space in Russian Regions: Factor Analysis of the 1995 Parliamentary Elections]. *Polis*. №2. P. 26-46. (In Russian)

Belanovsky S.A. 2019. *Glubokoe interv'yu i fokus gruppy* [In-depth Interviews and Focus Groups]. Moscow. 371 p. (In Russian)

Bryman A., Bell E. 2012. *Metody social'nyh issledovanij. Gruppy, organizacii i biznes* [Methods of Social Research. Groups, Organizations and Businesses]. Publishing house of the Humanitarian Center. 776 p. (In Russian)

Kazantsev A.A., Merkushev V.N. 2008. Rossiya i postsovetskoe prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniya "myagkoj sily" [Russia and the post-Soviet Space: Prospects for the Use of "Soft Power"]. *Polis. Political studies.* №2. P. 122-135. (In Russian)

Kotlyarov I.V. 2013. Dinamika vzaimootnoshenij Rossijskoj Federacii i Respubliki Belarus': sociologicheskij analiz [Dynamics of Relations between the Russian Federation and the Republic of Belarus: Sociological Analysis]. *The Sociological Almanac.* №4. P. 107-119. (In Russian)

Lebedeva M.M., Kharkevich M.V. 2014. «Myagkaya sila» Rossii v razvitii integracionnyh processov na evrazijskom prostranstve [The Role of the Russian Soft Power in Eurasian Integration]. *MGIMO Review of International Relations.* 2(35). P. 10-13. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-2-35-10-13 (In Russian)

Loshkarev I.D. 2015. Rol' diaspor v sovremennoj mirovoj politike [The Role of Diasporas in the Current World Politics]. *MGIMO Review of International Relations*. 2(41). C. 120-126. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-2-41-120-126 (In Russian)

Manakov A.G. 2016. Faktor granicy v zhizni naseleniya zapadnyh rajonov Pskovskoj oblasti [The Border Factor in the Life of the Population of the Western Districts of the Pskov Region]. *Socio-economic, Geopolitical and Socio-Cultural Problems of the Development of the Border Regions of Russia Materials of the XXXII annual session of the Economic and Geographical Section of MARS.* P. 190-198. (In Russian)

Manakov A.G. 2021. Osnovnye trendy etnicheskoj i yazykovoj transformacii postsovetskogo prostranstva [The Main Trends of Ethnic and Linguistic Transformation of the post-Soviet Space]. *History, Theory, Methods, Practice. Collection of scientific articles of the VII All-Russian Scientific Conference with international participation.* Smolensk. P. 339-346. (In Russian)

Mosaki N.Z. 2018. Etnicheskaya kartina Gruzii po rezul'tatam perepisi 2014 g. [Ethnic Picture of Georgia according to the Results of the 2014]. *Ethnographic review.* №1. P. 104-120. (In Russian)

Okunev I.Yu. 2009. Geograficheskoe voobrazhenie kak predmet issledovaniya kriticheskoj geopolitiki (obzor) [Geographical Imagination as a Subject of Critical Geopolitics Research (Review)]. *Political science.* №4. P. 126-137. (In Russian)

Okunev I.Yu., Shmatkova L.P. 2021. Effekt sosedstva v Bol'shoj Evrazii: prostranstvennyj avtokorrelyacionnyj i klasternyj analiz. [Neighborhood Effect in Greater Eurasia: Spatial Autocorrelation and Cluster Analysis]. *News of Irkutsk State University. Political Science series. Religious Studies.* Vol. 37. P. 58-65. (In Russian)

Popova O.V. 2019. Gosudarstvennaya politika identichnosti kak teoreticheskij konstrukt i real'naya praktika: opyt ekspertnyh ocenok rossijskih issledovatelej [State Identity Policy as a Theoretical Construct and Real Practice: the Experience of Expert Assessments of Russian Researchers]. *South-Russian Journal of Social Sciences.* 20(4). P. 74-91. (In Russian)

Savchuk G.A., Frants V.A., Saidmagomedova D.S. 2022. Effekt strany proiskhozhdeniya v reputacii rossijskoj metallurgicheskoj produkcii na rynkah stran Central'noj Azii [The Country-of-Origin Effect on the Reputation of Russian Metallurgical Products in Central Asian Markets]. *MGIMO Review of International Relations.* 15(1). P. 207-229. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-207-229 (In Russian)

Shestakova M.N. 2019. Elektoral'nye processy v pogranich'e: k postanovke problemy [Electoral Processes in the Borderlands: towards the Formulation of the Problem]. *Trajectories of Russia's Political Development: institutions, projects, actors. Materials of the All-Russian scientific conference RAPN with international participation.* Moscow Pedagogical State University. Moscow. P. 443-444. (In Russian)

Shestakova M.N. 2021. Territorial'naya differenciaciya obshchestvennyh nastroenij v sovremennoj Gruzii (opyt sociologicheskogo oprosa) [Territorial Differentiation of Public Attitudes in Modern Georgia (the Experience of a Sociological Survey)]. *Social and humanitarian knowledge.* 7(2). P. 146-157. (In Russian)

Suzdaltsev A.I. 2020. Krizis soyuznogo gosudarstva Belorussii i Rossii [The Crisis of the Union state of Belarus and Russia]. *World Economy and International Relations.* 64(3). P. 56-67. (In Russian)

Tarasov I.N. Fidrya E.S. 2016. Geografiya elektoral'noj volatil'nosti v Varminsko-Mazurskom voevodstve Pol'shi [The Geography of Electoral Volatility in the Warmian-Masurian Voivodeship of Poland]. *The Baltic region.* 8(4). P. 78-89. (In Russian)

Turovsky R.F. 2006. Regional'noe izmerenie elektoral'nogo processa [Regional Dimension of the Electoral Process]. *Social sciences and modernity.* №5. P. 1-20. (In Russian)

Venkatesh S. 2017. *Glavar' bandy na den'. Izgoj-sociolog vyhodit na ulicy* [The Leader of the Gang for the Day. An Outcast Sociologist Takes to the Streets]. Moscow: Ripol Classic. 320 p. (In Russian)

Vinogradov V.V. 2020. Kazahstan kak chast' postsovetskogo prostranstva: osobennosti elektoral'nogo processa [Kazakhstan as a Part of the post-Soviet Space: Features of the Electoral Process]. T*he Eurasian Union: Issues of International Relations.* 9(3(33)). P. 166-180. (In Russian)

Zarubina N.E. 2018. Rol' ocenochnoj leksiki v formirovanii obraza Rossii v zapadnyh SMI. [The role of Evaluative Vocabulary in Shaping the Image of Russia in the Western media]. *Bulletin of Kostroma State University.* 24(2). P. 244-247. (In Russian)

Zinoviev A.S. 2015. Geopoliticheskij raskol v elektoral'noj geografii Litvy [The Geopolitical Split in the Electoral Geography of Lithuania]. *Regional studies.* 3(49). C. 48–56. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Браймен А., Белл Э. 2012. *Методы социальных исследований. Группы, организации и бизнес.* Изд-во Гуманитарный Центр. 776 с.

Ахременко А.С. 2005. Структурирование электорального пространства в российских регионах: факторный анализ парламентских выборов 1995. *Полис*. №2. С. 26-46.

Белановский С.А. 2019. *Глубокое интервью и фокус-группы*. Москва. 371 с.

Венкатеш С. 2017. *Главарь банды на день. Изгой-социолог выходит на улицы.* Москва: Рипол классик. 320 с.

Виноградов В.В. 2020. Казахстан как часть постсоветского пространства: особенности электорального процесса. *Евразийский союз: Вопросы международных отношений.* 9(3(33)). С.166-180.

Зарубина Н.Е. 2018. Роль оценочной лексики в формировании образа России в западных СМИ. *Вестник Костромского государственного университета.* 24(2). С. 244-247.

Зиновьев А.С. 2015. Геополитический раскол в электоральной географии Литвы. *Региональные исследования.* 3(49). С. 48–56.

Казанцев А.А., Меркушев В.Н. 2008. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования "мягкой силы". *Полис. Политические исследования.* №2. С. 122-135.

Котляров И.В. 2013. Динамика взаимоотношений Российской Федерации и Республики Беларусь: социологический анализ. *Социологический альманах.* №4. С. 107-119.

Лебедева М.М., Харкевич М.В. 2014. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве. *Вестник МГИМО-Университета.* 2(35). С. 10-13. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-2-35-10-13

Лошкарёв И.Д. 2015. Роль диаспор в современной мировой политике. *Вестник МГИМО-Университета.* 2(41). С. 120-126. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-2-41-120-126

Манаков А.Г. 2016. Фактор границы в жизни населения западных районов Псковской области. *Социально-экономические, геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных районов России. Материалы XXXII ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС.* С. 190-198.

Манаков А.Г. 2021. Основные тренды этнической и языковой трансформации постсоветского пространства. *Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сборник научных статей VII Всероссийской научной конференции с международным участием.* Смоленск. С. 339-346.

Мосаки Н.З. 2018. Этническая картина Грузии по результатам переписи 2014 г. *Этнографическое обозрение.* №1. С. 104–120.

Окунев И.Ю., Шматкова Л.П. 2021 Эффект соседства в Большой Евразии: пространственный автокорреляционный и кластерный анализ. *Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение.* Т. 37. С. 58-65.

Окунев И.Ю. 2009. Географическое воображение как предмет исследования критической геополитики (обзор). *Политическая наука.* №4. С. 126-137.

Попова О.В. 2019. Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей. *Южно-российский журнал социальных наук.* 20(4). С. 74-91.

Савчук Г.А., Франц В.А., Сайдмагомедова Д.С. 2022. Эффект страны происхождения в репутации российской металлургической продукции на рынках стран Центральной Азии. *Вестник МГИМО-Университета.* 15(1). С. 207-229. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-207-229

Суздальцев А.И. 2020. Кризис союзного государства Белоруссии и России. *Мировая экономика и международные отношения.* 64(3). С. 56-67.

Тарасов И.Н. Фидря Е.С. 2016. География электоральной волатильности в Варминско-Мазурском воеводстве Польши. *Балтийский регион.* 8(4). С. 78–89.

Туровский Р.Ф. 2006. Региональное измерение электорального процесса *Общественные науки и современность.* №5. С. 1–20.

Шестакова М.Н. 2019. Электоральные процессы в пограничье: к постановке проблемы. *Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы. Материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием. Московский педагогический государственный университет.* Москва. С. 443-444.

Шестакова М.Н. 2021. Территориальная дифференциация общественных настроений в современной Грузии (опыт социологического опроса). *Социальные и гуманитарные знания.* 7(2). С. 146-157.

Вестник МГИМО-Университета. 2022. 15(6). С. 86–111
DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-86-111

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

Теоретические основы моделирования системной бедности на примере Центральной Азии

Ф.И. Аржаев[1], В.Ю. Андрюхин[2], Д.В. Сапрынская[3]

[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
[2, 3] МГУ им. М.В. Ломоносова

Проблема бедности – одна из самых неоднозначных в научном дискурсе. Наличие многочисленных теорий и их различная интерпретация делают теоретические наработки в этом вопросе применимыми для достижения целей, отличных от его разрешения. Политический контекст и мотивированность тех или иных акторов, использующих тематику бедности в своей деятельности, накладывает значительные ограничения на объективную оценку ситуации. Центральная Азия столкнулась с проблемой бедности достаточно давно, однако до сих пор этот вопрос остаётся нерешённым. В странах региона ситуация различна, однако все они подвержены высоким рискам из-за того, что бедность в Центральной Азии приобрела характер системного явления, что обуславливает необходимость адаптации существующих научных наработок к региональным особенностям. В статье выдвигается гипотеза о том, что в рамках проблемы бедности в странах ЦА факторы сохранения бедности связаны друг с другом в порочные круги, разрыв которых возможен через системные решения в трёх общественных сферах – образования, рынка труда и институтов развития. Для её проверки проведён тест бедности на системность, выделены основные характеристики проблемы для каждой из рассмотренных стран. Проанализированы факторы сохранения бедности, выявлены наиболее значимые из них и доказана взаимосвязь выделенных факторов и трёх названных сфер. Последние оказались наиболее значимыми для регионального подхода к вопросам бедности.

Совмещение статистических данных, низкое качество которых формирует основное ограничение исследования, и результатов эмпирико-логических заключений позволило выделить и обосновать существование двух связанных порочных кругов бедности в регионе – порочного круга факторов сохранения бедности и порочного круга бедности и её последствий. На основе полученных в результате эконометрического моделирования данных выработан ряд рекомендаций, направленных на создание базы дальнейшего снижения остроты проблемы в центральноазиатских государствах. Предложенные рекомендации сформированы

УДК: 338, 316.334.2, 369.011.4
Поступила в редакцию: 28.09.2022 г.
Принята к публикации: 30.11.2022 г.

с учётом сложности и малореализуемости комплексных и одномоментных решений проблемы бедности и призваны запустить механизм оценки ситуации и её первоначального разрешения.

Ключевые слова: бедность, Центральная Азия, порочный круг, эконометрическая модель бедности, факторы сохранения бедности, системность бедности, решение проблемы бедности, экономическое развитие

Бедность в современном мире – сложная, неоднозначная и политизированная проблема. В основе большинства современных теорий, объясняющих её, лежит политическая мотивация. Ряд значимых международных институтов использует эти теории при разработке стратегий борьбы с бедностью (Wang, Guo 2022). Однако в условиях геополитической и экономической нестабильности полагаться на решения, имеющие под собой необъективную подоплеку, рискованно. Опора на политизированные решения особенно опасна при выработке рекомендаций для такого непростого региона, как Центральная Азия (далее: ЦА).

Авторы исследования обобщают основные положения существующих теорий, чтобы объяснить природу бедности в ЦА. Сопоставление различных теорий ведёт к экономически обоснованному выводу о системном характере проблемы бедности в регионе, объясняющем безуспешность ранее принятых мер по улучшению ситуации, несмотря на значимые усилия, как со стороны государств, так и международных акторов в ЦА. Большинство принимаемых ранее решений отличали несистемность и ориентация на устранение частных проявлений проблемы бедности. В итоге её остроту удавалось на время сгладить, однако при серьёзных внешних шоках бедственные явления в обществе возобновлялись.

В исследовании выдвигается и проверяется следующая гипотеза: в рамках проблемы бедности в странах ЦА факторы сохранения бедности связаны друг с другом в порочные круги, разрыв которых возможен через системные решения в трёх общественных сферах – образования, рынка труда и институтов развития. Для проверки гипотезы последовательно решался ряд исследовательских задач: систематизированы положения основных теоретических подходов к разрешению проблемы бедности; разработана максимально объективная экономическая модель системной бедности в Центральной Азии; проанализированы связи между факторами сохранения системной бедности в ЦА с использованием эконометрических методов; предложены актуальные и системные меры для стимулирования социально-экономического развития региона на основе внутренних факторов роста.

При оценке выбранной гипотезы использованы эмпирические методы исследования, методы статистического анализа и эконометрического моделирования. В ходе исследования выявлено серьёзное ограничение – низкие объём и качество

доступных статистических данных по странам ЦА. Это не позволило использовать модели с большим количеством независимых факторов. Такое ограничение было нивелировано через глубокое рассмотрение существующих теоретических подходов и практических действий стран в деле преодоления бедности.

Значимый результат исследования – формирование модели порочных кругов бедности и доказательство её состоятельности для большинства стран ЦА. Представленная модель в полном виде адекватна в Туркменистане и Таджикистане, в меньшей степени в Киргизии. При этом гипотеза о связи трёх факторов сохранения бедности доказана через эконометрические модели для всех стран ЦА, кроме Туркменистана. Другой значимый результат работы – представлен ряд рекомендаций по устранению проблемы бедности в ЦА.

Теории бедности в международном контексте

Международное научное сообщество осмысливало и решало проблему бедности на основе широкого перечня теорий и концептуальных подходов. Опишем основные из них и выделим свойственные им характеристики.

Наиболее широкий обзор современных теорий бедности представлен в критической статье, подготовленной А. Аддае-Коранки (Addae-Korankye 2019). В труде выделены следующие теории, объясняющие причины и модели развития бедности: теория индивидуальных недостатков; теория систем культурных убеждений; теория экономических, политических и социальных искажений; теория географического неравенства; теория кумулятивных и циклических взаимозависимостей (Addae-Korankye 2019: 56-57, 58-59]. Важность детального обзора основных теорий бедности подчёркивал в своей работе Т. Брэдшоу (Bradshaw 2007). По мнению учёного, современные теории бедности крайне политизированы, а потому анализ конкретной ситуации в выбранном государстве на основе отдельной теории может влиять на выбор конкретных мер по преодолению бедности среди населения (Bradshaw 2007: 8).

Теория индивидуальных недостатков воплощает политизированную природу современных теорий бедности. М. Рэнк (Rank 2004) и М. Самети (Sameti, Esfahani, Haghighi 2012) считали, что данная теория вдохновлена американской моделью индивидуализма, которая устанавливает личную ответственность гражданина за факт его пребывания в состоянии бедности. Она гласит, что лишь индивидуальные негативные качества личности следует принимать во внимание при изучении причин бедности в обществе. Данная теория привела к формированию концепции унаследованного интеллекта, которая обосновывала справедливость факта наличия бедного населения, приписывая данной категории населения некие негативные качества (Bradshaw 2007).

Теория систем культурных убеждений исходит из того, что бедность – результат воплощения ошибочных моделей поведения среди населения, которые воспроизводятся через поколения (Olufemi 2022). Она обосновывает понятие

«культуры бедности», как совокупность ценностных и поведенческих установок, ведущих к сохранению проблемы бедности в отдельных социальных группах (Jordan 2004). Культура бедности формируется среди непривилегированных социальных групп в отдельных географических зонах, что также связывает эту теорию с теорией географического неравенства. Исследователи исходили из гипотезы о том, что культурные установки общества могут меняться, и это должно привести к искоренению бедности (McIntyre 2013). Критики теории систем культурных убеждений исходили из того, что сама теория объясняет механизм сохранения бедности, но не причины её формирования (Olufemi 2022). Также приверженцев индивидуалистических теорий бедности критиковали за уход от анализа внешних факторов (Davis, Sanchez-Martinez 2014).

Чтобы исключить эту критику, была сформирована теория экономических, политических и социальных искажений. Её сторонники рассматривают социальные, экономические и политические условия в обществе как основной источник дисбалансов в распределении благ, ведущих к бедности (Abdulai, Shamshiry 2014). Неравные начальные позиции в распределении талантов, навыков и капитала среди населения признаны основным источником неравенства, ведущим к поражению части населения в конкурентной борьбе (Jordan 2004). Р. Дэвис (Davis, Sanchez-Martinez 2014) и С. Хёрст (Gibbon, Nurse, Hurst 2019) указывали, что выполнение определённых работ и занятие постов в обществе требует приобретения знаний и талантов, на выработку которых требуются время и ресурсы. Если часть общества лишена возможностей для обретения умений и знаний, она будет обречена на бедность.

Продолжением данной теории стала теория двойного рынка труда, критикующая неоклассический подход в описании современной капиталистической экономики и указывающая на неравные условия для развития меньшинств, становящихся жертвами дискриминации (Addae-Korankye 2019). М. Рэнк подчёркивал, что отдельные демографические характеристики гражданина, его семейный и социальный статус, а также зона проживания могут обусловить более высокий риск попадания в страту бедного населения (Rank 2004). Теория экономических, политических и социальных искажений стала ответом на либеральный рыночный дискурс при теоретическом осмыслении природы бедности.

Теория географического неравенства пытается совместить положения конфликтующих подходов, основанных на учёте индивидуальных и внешних факторов бедности. Данная теория исходит из того, что риск бедности обусловлен географической зоной расселения социальных групп (Bradshaw 2007). Так возникло понятие «географии бедности», увязывающее пространственное расселение бедных граждан с наличием или отсутствием определённых факторов среды. К основным причинам бедности в отдельных районах сторонники теории географического неравенства относили следующие факторы: недостаток инвестиций, удалённость от источников природных ресурсов, плотность населения, низкую диффузию инноваций (Abdulai, Shamshiry 2014).

Теория географического неравенства связана с рядом других концепций: теорией экономической агломерации, теорией центральных мест, концепцией выборочной эмиграции, теорией пространственного несоответствия (Addae-Korankye 2019). Указанные теории описывают единый механизм: в центрах накопления природных и человеческих ресурсов также накапливается потенциал экономического роста. В то же время удалённые территории не получают должного развития, а наиболее перспективная часть местного населения мигрирует в центры развития. В удалённых районах формируется долгосрочная бедность, трансформирующаяся в культуру бедности.

Теория кумулятивных и циклических взаимозависимостей (или циклическая теория бедности) объединила непротиворечивые положения ранее представленных теорий, стремясь представить проблему бедности как циклический процесс. Бедность как неспособность граждан обеспечить удовлетворение базовых потребностей становится результатом кумулятивных или циклических шоков (природный катаклизм, экономические и политические шоки, т.д.), что также запускает цикл ухудшения социально-экономической ситуации в обществе. Часть населения, лишённая базовых благ в силу внешних шоков, исключается из процесса воспроизводства общественных благ, что запускает новый цикл экономической рецессии: снижение спроса на блага – сокращение производства и спроса на труд – рост безработицы и увеличение доли бедного населения (Addae-Korankye 2019: 59). Задача государства и общества в данном случае – разорвать цикл расширения проблемы бедности среди населения, создав новые стимулы для социально-экономического развития.

Обратимся к интерпретации и синтезу описанных теорий применительно к Центральной Азии.

В рамках исследования важно определиться с тем, что подразумевается под системностью проблемы бедности в ЦА. Системность – свойство объектов, при котором они характеризуются связанностью друг с другом и взаимозависимостью. При этом сами объекты обособлены, обладают набором собственных количественных и качественных характеристик (Толпыкин 2011). Для системности характерно наличие активного взаимодействия между объектами.

Рассматривая гипотезу о системном характере бедности в Центральной Азии, следует обозначить основные факторы (объекты системы), способствующие сохранению бедности как интегрального результата. Для решения этой задачи проведён обзор академических исследований и аналитических публикаций на тему причин появления и сохранения бедности, выделены наиболее часто встречающиеся из факторов.

Второй шаг работы направлен на выявление связей между самими факторами и интегральным результатом. Проведён эмпирический анализ развития проблемы бедности в регионе, при котором выбранные факторы инкорпорированы в предложенную модель порочного круга бедности. Модель представляет собой замкнутый цикл, в рамках которого развитие предыдущего фактора

n-1 приводит к сохранению фактора *n,* который в свою очередь влияет на фактор *n+1*. При этом факторы *n-1* и *n+1* связаны аналогичной зависимостью через *t* факторов. Формирование такой модели и доказательство её состоятельности при описании реальной ситуации в странах ЦА позволяет количественно и качественно оценить конечное влияние каждого из названных факторов на бедность.

Для количественно-качественной оценки факторов бедности применяется регрессионный анализ, однако в рамках этого исследования есть специфика применяемого метода. Из-за низкого качества данных и их невысокой частотности для пропущенных данных применялся метод линейной интерполяции. Это позволило исключить проблему пропуска первых или последних значений в ряду данных для каждого из факторов. Длина ряда данных невелика – она составляет 11 периодов. В этой связи использование инструментария МНК с дальнейшей оценкой робастных ошибок видится неэффективным из-за исключительно низкой точности и широкого доверительного интервала. В то же время модель Бокса – Дженкинса (Магнус, Катышев, Пересецкий 2004) даёт двукратный разброс границ 95% доверительного интервала относительно прогнозируемого значения. Удовлетворительное качество модели в исследовании достигнуто при использовании взвешенного МНК (Грин 2016).

На основе трёх описанных выше шагов гипотеза исследования принимается, если факторы низкого качества образования, недостатка рабочих мест и неразвитости институтов развития применимы в рамках модели кругов бедности, а также фигурируют как значимые переменные сформированных регрессионных моделей.

По результатам исследования разработаны и предложены практические рекомендации, использование которых снизит остроту бедности в рассматриваемых странах и позволит реализовать экономические трансформации, направленные на разрыв порочных кругов бедности.

Проблемы системной бедности в современной Центральной Азии

Крайняя политизация проблемы бедности влияет на особенности разработки стратегий по преодолению данного состояния общества. Д. Джордан подчёркивал проблему дебатов между сторонниками концепций поведенческих/культурных и структурных (внешних) причин бедности, описанных ранее приведенными теориями (Jordan 2004: 18). Также он исходил из необходимости сопряжения личностных и структурных факторов при разработке политики по преодолению бедности. Необходимость многостороннего диалога при решении проблемы бедности также подчёркивал Д. Брэди, считая, что для успешного искоренения бедности важно применять концепцию междисциплинарного взаимодействия, привлекая экспертов из различных областей с разными точками зрения (Brady 2019).

Различные экспертные группы разрабатывали стратегии по преодолению бедности, определяя основные факторы бедности, объединяя их в объяснительные модели и предлагая решения. Е. Гарсия сформировал модель основных параметров бедности, включающую показатели уровня образования населения, благосостояния и качества здравоохранения (Cuenca García, Pabsdorf, Alvarez 2019). Исходя из представленной модели, им были сформированы решения по каждому из направлений.

В другом докладе, подготовленном Институтом Фрейзера, к основным причинам бедности относили факторы неудач и неверного выбора. Факторы неудач включали внешние обстоятельства, на которые бедный гражданин не мог повлиять, а параметры неверного выбора освещали те причины бедности, которые служили следствием безответственного поведения личности (Sarlo 2019). Авторы доклада попытались объединить позиции приверженцев поведенческого и структурного подходов в единой стратегии. Решение проблемы бедности авторы связывали со стимулированием разумного поведения граждан в сферах образования, трудовой деятельности и планирования семьи. Выступая против избыточных мер социальной поддержки, эксперты подчёркивали важность участия государства как актора, поощряющего разумное поведение граждан в избранных областях деятельности (Sarlo 2019).

Схожей позиции придерживались авторы из Брукингского института, которые также опирались на поиск решений в сферах планирования семьи, образования и трудоустройства, настаивая на важности смены моделей поведения среди граждан и недопущения долгосрочной бедности (Aber, Butler, Danziger 2015). Взамен мер по выплате социальных пособий авторы стратегии предлагали стимулировать трудовую деятельность бедного населения, выплачивая пособия трудоустроенным гражданам с низкими доходами. Авторы доклада также подчеркнули значимость проблемы растущих расходов на образование, призывая государство к активной поддержке программ доступного и качественного образования для граждан (Aber, Butler, Danziger 2015).

При подготовке циклической модели бедности в рамках данного исследования авторы также опирались на указанные принципы и ключевые положения основных теорий бедности. Было важно учесть противоречия и возможности для совмещения основных теорий бедности, чтобы сформировать реалистичную модель причин бедности в ЦА. При разработке решений были учтены международные стратегии, адаптированные к локальным условиям центральноазиатских стран.

В большинстве перечисленных выше теорий в том или ином виде фигурирует отсылка к образованию, рынку труда и низкому качеству жизни как причинам бедности. Однако необходимо отметить, что эти факторы бедности связаны друг с другом не только через индивидуальные поведенческие особенности, но и экономические механизмы. В Центральной Азии отследить конкретные количественные результаты достаточно сложно из-за низкого качества статисти-

ки, потому авторы исследовали их вне контекста количественного влияния – на уровне качественных взаимозависимостей.

Низкое качество образования неизбежно ведёт к тому, что характеристики рабочей силы ухудшаются. Подготовка квалифицированных кадров требует больших затрат и индивидуального подхода, обеспечить который в рамках системы «образование как услуга» трудно. Качество высшего образования в отдельных странах Центральной Азии значительно отличается. В общий рейтинг QS World Universities 2023 включено 16 казахстанских университетов (но только пять – в топ-500) и один киргизский университет (узбекские, таджикские и туркменские вузы не представлены вовсе[1]). Только Казахстан и, в меньшей степени, Киргизия имеют относительно качественную систему образования (в Казахстане на 2017 г. обучалось более 496 тыс. студентов) (Jonbekova 2020), однако казахстанские студенты зачастую отбывают на обучение за границу, в основном в Россию и Китай[2]. В Туркменистане доступ к высшему образованию ограничен, в Таджикистане и Узбекистане его качество, как показывает статистика выше, невысокое.

Описанная ситуация с образованием приводит к тому, что высококвалифицированные кадры – редкость для стран ЦА. Они обучаются преимущественно за рубежом, где шанс получить работу и лучшие условия труда выше, чем на родине. В странах ЦА эти специалисты имеют зарплату, незначительно отличающуюся от доходов на пороге бедности. Происходит утечка квалифицированных специалистов. Это провоцирует миграцию образованного населения, тогда как качество рабочей силы, остающейся в странах региона, остаётся исключительно низким. Это ведёт к тому, что экономическая система не в состоянии производить высокотехнологичные или хотя бы конкурентоспособные товары. Тут уместно вспомнить, что основа экспорта стран ЦА – сельскохозяйственная продукция по льготным механизмам ЕС (Прохоренко 2019), тогда как промышленные товары практически в полном объёме закупаются за рубежом.

Низкая эффективность сельского хозяйства и низкие зарплаты в данном секторе ведут к тому, что работать становится некомфортно с психологической точки зрения (фактически отличия в условиях жизни работающих от неработающих незначительные в Туркменистане, Таджикистане и Узбекистане)[3] и невыгодно с экономической (производимую низкоконкурентную продукцию затруднительно сбыть по цене выше себестоимости). Результатом становится высокая безработица, что ведёт к низкому качеству жизни, высокой вынужденной ми-

[1] QS World University Rankings 2023: Top global universities. *TopUniversities.* URL: https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2023 (accessed 14.08.2022).

[2] Education system profiles. *WENR*. URL: https://wenr.wes.org/2021/07/education-in-kazakhstan (accessed 07.08.2022).

[3] Мюллер К. 2003. Бедность и социальная политика в центральноазиатских государствах с переходной экономикой. *Отчёты и экспертные оценки 6/2003.* Бонн: Немецкий институт сотрудничества и развития. 123 с.

грации, нелегальным способам заработка[4]. В Казахстане и Киргизии проблемы с безработицей наросли после пандемии, что также указывает на то, что экономика этих стран зависит от внешней конъюнктуры рынка[5].

Высокая безработица и низкий уровень доходов наравне с низким качеством социальных услуг и защиты (Spoor 2013) определяют низкое качество жизни. В силу историко-культурных особенностей исследуемых стран это ведёт к формированию узких, закрытых групп, стремящихся к самообеспечению, что невозможно в крупных городах. По сути, низкий уровень жизни провоцирует возврат к клановости, развитие радикальных течений традиционализма, что неизбежно создает риски для стабильности государственной власти и подрывает доверие к её институтам. Все вышесказанное особенно ярко проявляется в сельской местности (Spoor 2013). При этом безработица возникает и при исключении фактора низкой конкурентоспособности продукции из-за того, что нетехнологичная экономика имеет ограниченные возможности интенсивного роста, тогда как экстенсивный рост требует исключительно высоких затрат.

Ещё одна особенность Центральной Азии заключается в том, что низкая урбанизация закрепляет разделение населения на городское и сельское и усложняет выход из указанных групп[6]. Традиционализм, особенно радикальный, затрудняет развитие инноваций, кристаллизует сформировавшееся положение. Экономически это выражается в низком количестве патентов в странах региона (Lemon 2020), низком финансировании науки и образования, использовании устаревшего технологического базиса производства. В свою очередь, отсутствие возможности и необходимости в развитии ведёт к отсутствию экономической целесообразности получения качественного образования.

Высокая политизированность и чувствительность проблемы бедности в ЦА выражается в ограниченном числе академических публикаций, подготовленных местными исследователями по данному вопросу. Одна из немногих работ, напрямую исследующая проблему бедности в регионе – публикация Дустмурадова и Гулмуродова, посвящённая причинам бедности в Узбекистане (Дустмурадов, Гулмуродов 2020). Эта работа осветила большой пласт идей, почерпнутых авторами из других исследований и на основе эмпирического анализа статистических данных. В частности, подчёркнута выраженная региональная специфика в распределении бедности в Узбекистане, с радикальным разделением между бедными и богатыми районами (Дустмурадов, Гулмуродов,

[4] Capannelli G., Efendiyev R. 2019. Good Jobs for Inclusive Growth in Central Asia and the South Caucasus: Regional Report. *Asian Development Bank*. 134 p.

[5] Безработица в Центральной Азии: есть ли решение? *IA-CENTR.RU*. URL: https://ia-centr.ru/publications/bezrabotitsa-v-tsentralnoy-azii-est-li-reshenie/ (дата обращения 15.08.2022).

[6] Dobrinsky R. 2017. *Promoting innovation in Central Asia – Shaping new markets*. UNECE background paper. Special economic forum "Innovation for the SDGs in the SPECA region". 37 p.

2020: 16). Более активную работу по исследованию проблемы бедности в ЦА ведут выходцы из региона, действующие в рамках зарубежных научных институтов. Пример – публикация Батсайхана и Дабровски (Batsaikhan, Dabrowski 2017), в которой авторы привели подробный анализ динамики развития центральноазиатских республик за период после распада СССР, уделив большое внимание вопросам бедности.

При высокой чувствительности темы бедности в ЦА местные исследователи вынуждены избегать комплексного рассмотрения проблемы, ориентируясь на частные факторы и проявления данного социального феномена. При этом стратегия решения частных исследовательских задач также не всегда приносит нужные результаты. К примеру, в работе Д. Джонбековой (Jonbekova 2018) подчёркнут феномен методологических и этических проблем, с которыми сталкиваются исследователи вопросы образования в ЦА. Другой пример частного исследования, затрагивающего проблему бедности, не называя её напрямую – работа А. Хамидова (Hamidov et al. 2022). Авторы исследуют проблему обеспеченности региона базовыми ресурсами, подчёркивая важность устойчивого развития ресурсных систем отдельных центральноазиатских государств. Наконец, яркий пример исследования, посвящённого проблемам на рынке труда в ЦА, что также связано с феноменом бедности – работа Т. Дадабаева и Ж. Соипова (Dadabaev, Soipov 2020). Авторы обращаются к феномену вынужденной образовательной и рабочей миграции из стран ЦА, при этом не обозначая роль этих факторов для динамики региональной бедности.

В задачи данной статьи не входил полный обзор взглядов исследователей из ЦА на проблему региональной бедности. Краткий обзор актуальных публикаций указал на чувствительность темы и отсутствие широкой дискуссии по данному вопросу в региональных академических кругах. В этих условиях актуальность исследований по данной теме, проводимых зарубежными авторами, резко возрастает.

«Порочный круг» факторов бедности (рисунок 1) объединяет все перечисленные выше проблемы. Отметим, что в данном случае рассмотрен полный порочный круг бедности, выход из которого за счёт внутренних факторов экономического развития невозможен. В исследуемых странах он существует в таком виде только в Туркменистане и Таджикистане. В Казахстане и Узбекистане он отсутствует в явном виде, однако значительная часть населения живёт на границе бедности, что ярко продемонстрировал рост социально-экономических проблем, вызванных пандемией. Таким образом, порочная модель в этих странах может сформироваться в результате любого значимого кризиса, а с учётом турбулентности мировой экономики риски этого сценария очень высоки. В Киргизии в рамках циклической модели отсутствует фактор конкурентоспособности продукции благодаря её членству в ЕАЭС, что не мешает существованию порочного круга.

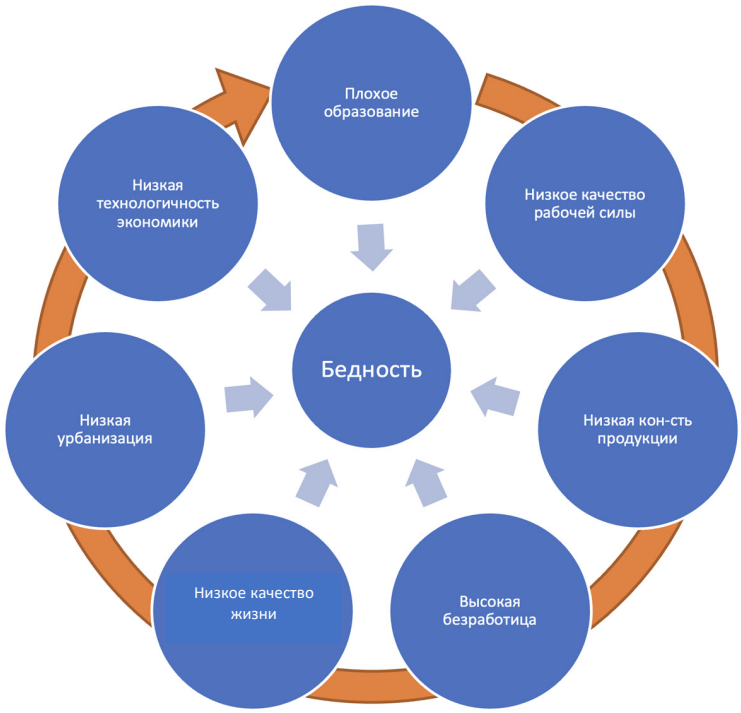

Рисунок 1. Порочный круг факторов сохранения бедности в Центральной Азии
Figure 1. The vicious circle of factors that perpetuate poverty in Central Asia
Источник: составлено авторами.

Факторы сохранения бедности, приведённые выше, не описывают все поведенческие предпосылки бедности. В условиях бедности и безработицы часть населения ищет источники доходов, мигрирует в другие регионы или страны. Другая часть населения готова обратиться в том числе и к нелегальным возможностям заработка, что ведёт к росту преступности. В обществе, живущем в закрытых группах и в условиях социального недовольства уровнем жизни (Конаровский 2017), проблема преступности тесно связана с афганским узлом терроризма и наркотрафика (Васнецова 2019), что стимулирует экспорт наркотиков из Афганистана по сложившимся маршрутам в Центральной Азии. Это создает условия для становления удобной бизнес-модели для наркоторговли и преступности, которая содействует дальнейшей радикализации общества или его отдельных групп.

В исламских странах, к которым относятся исследуемые государства, наиболее распространённой формой радикализации общества является религиозный радикализм (Matveeva, Giustozzi 2018). Политические акторы национально-религиозного (исламистского) толка пытаются воспользоваться социальным недовольством для достижения собственных целей. В то же время не стоит считать, что религиозному радикализму более подвержены только бедные слои:

молодёжь из относительно образованных слоёв населения также находится в зоне риска (Васнецова 2019). Парадоксальным образом это связано с порочным кругом последствий бедности (рисунок 2). При этом стремление разорвать порочные круги неконвенциональными методами порождают дополнительные риски, но не разрывают сам круг.

Большое значение для развития проблемы бедности имеет феномен коррупции. По мнению некоторых исследователей (Ildirar, Iscan 2015), коррупция не провоцирует бедность напрямую, но создаёт условия для разрушения социально-экономической системы государства, что ведёт к росту уровня бедности в обществе. Значимость фактора коррупции для развития стран ЦА после развала СССР также подчёркивали авторы региона (Batsaikhan, Dabrowski 2017), относя коррупцию к наиболее разрушительным факторам в современной истории центральноазиатских республик. Однако в рамках настоящего исследования коррупция не включена в модель порочных кругов факторов сохранения бедности в ЦА, поскольку оценка её влияния на формирование основных факторов бедности в ЦА количественно затруднена, что не позволило бы эффективно применить выбранные методы анализа к проблеме бедности. Изучение роли фактора коррупции в рамках созданной модели является задачей дальнейшего исследования, основанного на принципиально иных, качественных методах.

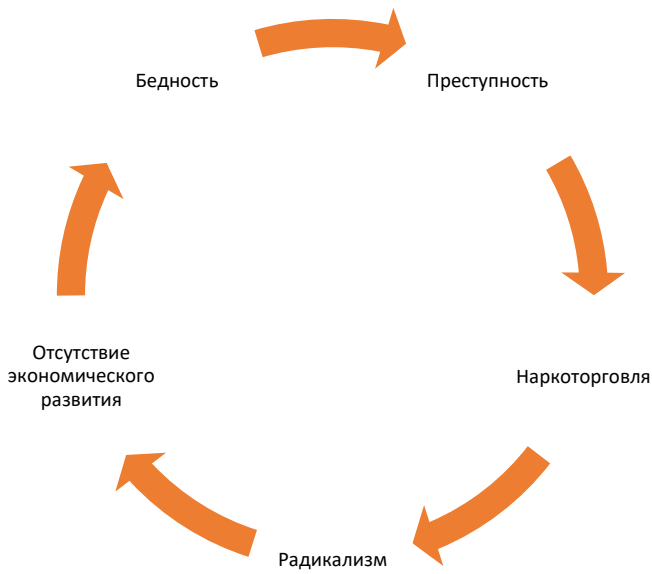

Рисунок 2. Порочный круг бедности и ее последствий
Figure 2. The vicious cycle of poverty and its consequences
Источник: составлено авторами.

Значимой ремаркой относительно бедности в Центральной Азии можно считать её пространственную неоднородность (Cieślewska 2016). Здесь имеет-

ся в виду тот факт, что в зависимости от рассматриваемого района бедность в странах региона может значительно отличаться, в том числе по причинам, предпосылкам её появления и последствиям. Во многих случаях это будет нехватка водных ресурсов, повышенные риски преступности, недостаток социальных благ и тому подобное. Таким образом, некоторые промежуточные звенья в циклических моделях бедности могут появляться и исчезать, если рассматривать это явление на региональном или местном уровне.

Следующим этапом исследования стало проведение регрессионного анализа. Был использован набор показателей, каждый из которых служил для оценки связи высшего образования, рынка труда и институтов, способствующих сохранению бедности (через свободный коэффициент и оценку остатков). Перечислим их: процент населения в соответствующей возрастной группе, зачисленный в высшую школу; среднее число учеников на одного учителя в высшей школе; доля занятого населения в возрасте старше 15 лет; доля занятого населения в возрасте 15–24 лет.

Использование показателей доли занятого населения обосновано следующей логикой – факт нахождения рабочего места выпускником означает качество высшего образования и наличие компетенций, соответствующих требованиям работодателя. Тот факт, что качество диплома остаётся главным критерием при трудоустройстве в странах ЦА, подтверждается актуальным исследованием[7]. К сожалению, нет данных о доле выпускников вузов, получивших работу, или более подробных данных о структуре занятости в возрасте, к примеру 25–35 лет (лучший возраст для наблюдения за первоначальной судьбой выпускников вузов).

Зависимая переменная – доля бедного населения на границе 5,5 долл. в день. Для стран ЦА отсутствуют данные по бедности среди работающего населения. Объективно нельзя не отметить такие недостатки модели как малая выборка и отсутствие данных по значимым показателям.

На основе моделей (таблица 1) сделаем ряд выводов. В Казахстане показатель доли зачисленных в вузы относительно коэффициента бедности был неэластичен, что ожидаемо. В случае Киргизии, Таджикистана и Узбекистана наблюдается положительная эластичность. Это может объясняться феноменом растущей бедности из-за платы за образование. Качество образования слишком низкое, при этом плата за обучение ложится тяжёлым бременем на малоимущие семьи, а конечный результат незначительно отличается от того, как если бы дети не получали высшее образование. Это подтверждает отрицательный коэффициент при значении работающей молодежи от 15 до 24 лет в Киргизии

[7] Seitz W. 2019. *Where They Live: District-Level Measures of Poverty, Average Consumption, and the Middle Class in Central Asia.* Research Support Team. World Bank. 82 p.

и Таджикистане. Учащиеся не получают реального образования и навыков, а их семьи несут затраты на образование при отсутствии роста в уровне экономической мобильности. В Киргизии та же ситуация. Результаты регрессионного анализа показывают, что зачисление в высшую школу – важнейший параметр снижения коэффициента бедности.

Отрицательное значение коэффициента при показателе работающего населения в Казахстане и отрицательное значение коэффициента при показателе работающей молодежи, с учетом того, что для Киргизии значимо и количество зачисленных в высшую школу, указывает на то, что наличие работы снижает уровень бедности. Однако это происходит с гораздо большей скоростью в Казахстане. В Киргизии это справедливо только для выпускников вузов, тогда как в Казахстане в силу наличия индустриальной экономики и спроса на рабочих без высшего образования этот эффект шире. В Таджикистане и Узбекистане эффект обратный: образование (отрицательный коэффициент при значении работающей молодежи) ухудшает перспективы, тогда как трудоустройство значительно снижает бедность. Человеку без высшего образования, но начавшему рано работать, гораздо проще преодолеть бедность в этих странах, чем получившему высшее образование. Это в значительной мере оправдывается миграционной политикой и возможностью зарабатывать за рубежом, однако не даёт выйти на значительно более высокие уровни дохода, оставляя гражданина на границе бедности.

Положительное значение константы в Казахстане и Узбекистане указывает на то, что факторы, не учтённые в модели, усиливают бедность. Для этих стран значимы урбанизация, низкий уровень жизни и низкая технологичность экономики. Так как названные страны отличаются большим экономическим развитием от других стран региона, это наблюдение указывает на то, что в зависимости от уровня экономического развития круг бедности может рассматриваться как два отдельных полукруга – базовые причины бедности (правая часть) и причины бедности в развивающихся странах (левая часть). Отметим, что для Киргизии и Таджикистана константа как раз имеет отрицательное значение. Для них низкая урбанизация, низкий уровень жизни и низкая технологичность экономики все еще оказывают эффект низкой базы в развитии экономики.

Неэластичность среднего количества учеников на одного учителя в Киргизии указывает на то, что образование в любом его виде пока что имеет положительный эффект на снижение бедности. При этом в Узбекистане эластичность этого показателя очень высокая, что характеризует систему образования страны как неэффективную и требующую реформ.

Таблица 1. Сводная таблица результатов моделирования бедности в странах ЦА, выдержка из отчетов Gretl, использованы наблюдения за 2010–2020 гг.
Table 1. Summary table of poverty modeling results in CA countries, extract from Gretl reports, observations for 2010-2020 are used.

	Казахстан	Таджикистан	Киргизия	Узбекистан
const	266,237	–416,504	–52,4079	746,758
WP15	–5,06414	26,5677	1,06358	–28,4539
WP24	1,53404	–30,6066	–0,321916	22,4146
ANP	0,920382	/	0,870374	5,59215
HSE	/	2,63339	1,19242	1,86481
Испр. R2	0,924171	0,913521	0,987597	0,999833
Стат. Дарбина-Ватсона	1,876131	1,150399	1,991121	1,511486
P-значение (F)	0,000079	0,000124	1,64e-06	4,02e-12
Ст. ошибка модели	4,172662	2,077677	4,310264	1,629991

Источник: составлено авторами по данным отчетов Gretl.

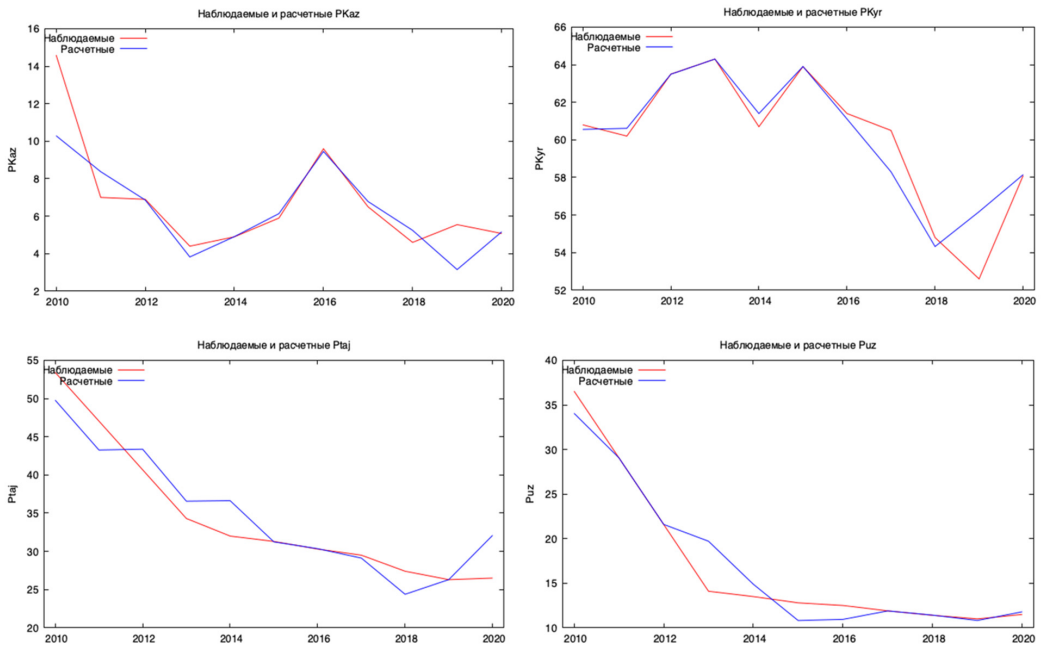

Рисунок 3. Распределение наблюдаемых и расчетных значений бедности в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане (слева направо, сверху вниз)
Figure 3. Distribution of observed and estimated poverty values in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan (left to right, top to bottom)
Источник: составлено авторами по данным моделирования в ПО Gretl

Рисунок 3 отражает результаты моделирования бедности в рассматриваемых странах. Модели достаточно точно отражают динамику бедности.

Однако стоит отметить, что для Казахстана существует неучтенный в модели фактор. Из анализа выше логично предположить, что он должен отражать институциональную или пространственную структуру бедности в стране. Предваряя результаты моделирования, отметим, что уровень бедности в рассматриваемых государствах снижался, однако этот параметр исключительно неустойчив.

Результаты моделирования доказывают наличие чётко специфицированных факторов сохранения бедности, объединённых в единую модель циклического характера, промежуточные звенья которой присутствуют не во всех странах. Теории индивидуальных недостатков и систем культурных убеждений в значительной мере неверны для стран Центральной Азии. При предположении об их верности необходимо заключить, что население региона детерминировано принимать неверные решения на индивидуальном уровне и имеет значительные индивидуальные недостатки. Это неверно и не соответствует этическим, биологическим и физическим реалиям. Тем не менее нельзя полностью исключать влияние институтов и зависимости от предшествующего развития («path dependence») как факторов, способствующих сохранению бедности, хотя и не первоочередных.

Способы преодоления системной бедности в регионе

Разработка стратегии по преодолению бедности в ЦА требует детального учёта локальной специфики стран региона. К сожалению, в прошлом экспертное сообщество уделяло мало внимания комплексному изучению особенностей феномена бедности в ЦА. Рассмотрим основные положения ранее опубликованных академических работ и аналитических докладов в контексте полученных результатов данного исследования.

Одна из важнейших особенностей текущего этапа борьбы с бедностью в ЦА – спад темпов снижения уровня бедности. Эксперты Всемирного банка подчёркивают, что, несмотря на ранее достигнутые успехи по преодолению проблемы бедности, в текущих условиях старые решения более не дают должного результата (Cieślewska 2016: 2). Этот вывод особенно актуален для сельских районов, где проблема наблюдается наиболее остро. Тем не менее пространственный подход к вопросам бедности в работе международных институтов так и не используется в широкой практике. Причины спада темпов снижения бедности также указываются различные, не проводится системный анализ этих причин, выделяются рыночные конъюнктурные факторы.

Аналитический доклад за авторством В. Зейтца, с другой стороны, подчёркивает актуальную проблему пространственных дисбалансов в распространении бедности в ЦА. Дисбалансы в решении проблемы бедности в отдельных районах ведут к асинхронному развитию районов, что создает угрозы формирования ограниченных зон роста при деградации остальных территорий

стран[8] согласно теории географического неравенства[9]. Отдельные точки социально-экономического развития созданы в крупнейших городах ЦА, в то время как большая часть страны лишена стимулов для развития (Cieślewska 2016: 16-18). Разброс в уровнях развития по районам актуален для всех стран ЦА, что видно из сравнения уровней среднего подушевого дохода и долей среднего класса среди населения отдельных районов стран ЦА (Chapman 2011). Регион, однако, чаще всего рассматривается международными институтами как единая совокупность стран с примерно одинаковым уровнем развития. Особое внимание уделяется развитию институтов государственного управления, что противоречит результатам этого и ряда других исследований.

Прошлые исследования также подчёркивали высокую зависимость стран ЦА от кумулятивных и циклических шоков, а также пространственной модели распределения природных ресурсов. Часть стран ЦА обладает достаточным запасом ресурсов для преодоления бедности (Казахстан и Узбекистан), в то время как другие страны сильно зависимы от внешних ресурсных источников и не способны преодолеть бедность автономно (Chapman 2011: 29). Этот вывод приводит к пониманию важности интеграции ресурсов и возможностей стран ЦА для совместного преодоления проблемы бедности.

Для каждой из стран ЦА также значима зависимость от внешних шоков различной природы. При этом для каждой из стран отдельные типы шоков являются значимыми в большей или меньшей степени. Экономика Таджикистана, основанная на сельском хозяйстве, крайне зависима от вызовов изменения климата и засухи (Cieślewska 2016: 12). Казахстан, как ведущая экономика региона, подвержен внешним экономическим и социально-политическим шокам. Примерами значимых шоков, повлиявших на успехи в борьбе с бедность в ЦА, стали пандемия COVID-19, антироссийские санкции и – ранее – глобальный финансовый кризис 2007–2009 гг. Большая доля населения в странах ЦА находится на границе бедности и может вернуться в состояние нищеты за короткий период после удара внешних шоков по государствам региона. Для центральноазиатских государств крайне важно достичь состояния экономической стабильности, при котором благосостояние населения будет менее зависимо от внешних шоков и вызовов.

Важный недостаток исследований в вопросе преодоления бедности в ЦА – отсутствие системного взгляда на причины и особенности данной проблемы в указанном регионе. Отдельные авторы подчёркивали значимость ранее пред-

[8] Panajyan S., Paju A. Poverty Continues to Decline, but Pace of Poverty Reduction is Slowing in Central Asia. Press Release №: 2020/ECA/17. URL: https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2019/10/17/poverty-continues-to-decline-but-pace-of-poverty-reduction-is-slowing-in-central-asia (accessed 20.08.2022).

[9] Seitz W. 2019. *Where They Live: District-Level Measures of Poverty, Average Consumption, and the Middle Class in Central Asia.* Research Support Team. World Bank. 82 p.

ставленных аспектов, однако цельной и системной модели бедности в регионе представлено не было. Одна из немногих циклических моделей бедности в ЦА была разработана в докладе К. Мюллер[10]. Данная модель учитывала следующие этапы в цикле бедности в регионе: недостаток в финансах среди населения – спад в уровнях образования и здравоохранения – дальнейший спад в уровне доходов – низкая устойчивость населения к внешним шокам. В контексте ранее рассмотренных теорий бедности данная модель не рассматривает ряд важных факторов: роль культуры бедности, роль географии бедности и дисбалансов в обеспечении ресурсами отдельных стран ЦА, дисбалансы в распределении общественных благ среди социальных групп. Предлагаемая в текущем исследовании системная модель бедности закрывают серьёзный пласт отсутствующего знания, способствуя дальнейшему осмыслению проблемы бедности в ЦА.

На основе полученной системной модели бедности в ЦА предложим ряд релевантных мер по преодолению бедности. Предлагаемые решения основаны на оценке внутренних ресурсов и возможностей стран региона, носят характер первичных шагов к вопросу выхода из системной бедности и не претендуют на значение дорожной карты решения проблемы бедности. При подготовке рекомендаций авторы критически проанализировали существующие стратегии развития и преодоления бедности в отдельных странах ЦА, выявив преимущественно рамочный характер стратегий и недостаточное внимание к разработке конкретных механизмов. К примеру, текст «Стратегия–2050» как концептуальный документ, описывающий стратегию развития Республики Казахстан, указывает на различные проявления проблемы бедности и её решения. Однако не создается образа единого комплекса мер, направленных на улучшение ситуации с бедностью в регионе. Отметим, что отдельные страны, например Узбекистан, гораздо дальше продвинулись в планировании преодоления бедности, применяют современные подходы, но не могут в полной мере и одинаково реализовать меры этого документа на территории всей страны.

Первая рекомендация для составления стратегий преодоления бедности в регионе – учёт пространственных различий бедности. Центральная Азия – не холистически однородный регион, и даже в отдельных странах распространение бедности неодинаково в зависимости от районов. В этой связи при разработке политики в сфере бедности рекомендуется начинать с экспериментальных решений в отдельно взятых регионах. В научной практике не хватает достоверных результатов для масштабных рекомендаций, а также точной статистической информации о состоянии дел в странах региона.

Дефицит надёжной и актуальной статистики по проблеме бедности в ЦА определил следующую рекомендацию: формирование устойчивой и развива-

[10] Мюллер К. 2003. *Бедность и социальная политика в центральноазиатских государствах с переходной экономикой. Отчеты и экспертные оценки 6/2003.* Бонн: Немецкий институт сотрудничества и развития. 123 с.

ющейся методологической базы исследования бедности и информационного фундамента для принятия решений в этой сфере. Сегодня получение данных о бедности и сведение их к единой методологии – отдельное исследование, реализация которого затруднена практически для всех стран региона, а для Туркменистана вообще невозможна. Для воплощения этого предложения в жизнь требуется гармонизация методологических основ статистической деятельности в странах региона. Для этого необходимо унифицировать законодательство стран ЦА, в первую очередь Казахстана, в сфере статистики[11]. Проект Типового закона об официальной статистике для стран ЦА (ЕЭК ООН 2018) видится первым шагом к нормализации статистического обеспечения мониторинга и борьбы с бедностью. Государственным статистическим органам региона следует выделить единую систему показателей уровня бедности и корректно оценивать их для всех стран ЦА. Предлагается набор ключевых показателей:

- доля населения с ежедневными расходами ниже определённого уровня;
- доля населения, не имеющего доступа к базовых благам и услугам – образованию, здравоохранению, базовым типам продуктов;
- доля семей с низким уровнем подушевого дохода;
- децильные коэффициенты распределения населения по доходам.

В рамках исследования феномен работающей бедности освещается исключительно теоретически, однако известно, что это распространённое явление в ЦА. Разработка и внедрение единого стандарта оценки уровня работающей бедности в странах ЦА по методологии, применяемой Международной организацией труда (МОТ)[12] в значительной мере улучшит ситуацию. Также важно внедрение единой методологии расчёта показателей демографической нагрузки и поддержки среди населения стран ЦА, методологии расчёта показателей социального прогресса и субъективной удовлетворённости жизнью в странах ЦА[13]. Эти инструменты необходимо использовать для того, чтобы реализовать не только программу борьбы с бедностью, но и стратегию экономической трансформации для повышения благосостояния населения региона.

Принципы ESG (environment–social–governance) и SRI (socially responsible investing) показали свою полезность в повышении эффективности работы предприятий. Сегодня Казахстан является одним из лидеров в сфере развития ESG-

---

[11] Закон Республики Казахстан от 19 марта 2010 года № 257-IV «О государственной статистике» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.07.2022 г.), Закон Киргизской Республики от 8 июля 2019 года № 82 «Об официальной статистике», Закон Туркменистана от 31 марта 2012 года № 288-IV «О статистике» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.11.2017 г.), Закон Республики Узбекистан от 11 августа 2021 года № ЗРУ-707 «Об официальной статистике», Закон Республики Таджикистан от 12 января 2010 года № 588 «О государственной статистике» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.07.2013 г.).

[12] Statistics on the working poor. *International Labour Organization.* SPI. URL: https://ilostat.ilo.org/topics/working-poor/ (accessed 15.08.2022).

[13] *Social Progress Imperative.* SPI. URL: https://www.socialprogress.org (accessed 15.08.2022); *Life Satisfaction. OECD.* URL: https://www.oecdbetterlifeindex.org/topics/life-satisfaction/ (accessed 18.08.2022).

финансов и инвестиций на пространстве СНГ[14]. Этот опыт необходимо расширять и интегрировать в экономические программы стран Центральной Азии. Внедрение принципов ESG и SRI в Центральной Азии должно происходить при активном лидерстве и посредничестве Евразийской экономической комиссии (ЕЭК)[15]. На сегодня ЕЭК сформировал единый Банк климатических и цифровых инициатив стран ЕАЭС, который следует использовать как источник технологий для модернизации экономик стран Центральной Азии[16], при этом роль ЕАЭС видится в формировании регионального источника стандартизации.

Гармонизация законодательства стран Центральной Азии в сфере ESG и SRI должна снизить барьеры для взаимного финансирования зелёных производств и сопутствующих инфраструктурных проектов. Доступ к программам по типу «Зелёный лизинг», ранее презентованной ПАО «Сбербанк» на круглом столе ЕЭК, призван обеспечить доступ к льготным кредитам для модернизации производств на пространстве Центральной Азии[17]. Развитие единой базы зелёных проектов в Центральной Азии совместно с унификацией национальных политик в сфере зелёного финансирования позволят инвесторам из стран Центральной Азии и СНГ совместно реализовывать перспективные проекты по решению экологических проблем государств Центральной Азии за счёт общих инвестиционных продуктов.

Страны ЦА не имеют чёткой специализации в мировой экономике, связанной с продукцией с высокой добавленной стоимостью. В связи с этим возникает их технологическое отставание. Одним из механизмов специализации может стать использование двусторонних и многосторонних фондов развития наподобие, Российско-Киргизского фонда развития[18].

В связи с неустойчивым характером экономики стран ЦА инвестиционные риски в регионе очень высоки. Фонды, аналогичные названному с достаточной капитализацией, смогли бы взять на себя дополнительные риски как по кредитованию, так и по страхованию бизнеса, которые не могут взять на себя многосторонние международные финансовые организации (которой является ЕАБР, АБР и др.). В частности, они могли бы помочь с финансированием компаний, которые планируют релокацию в страны ЦА как российских, так и западных[19].

---

[14] Казахстан рассчитывает укрепить лидерство в ESG-повестке. *Независимая газета*. URL: https://www.ng.ru/cis/2021-10-19/100_2110191000.html (дата обращения 25.08.2022).

[15] Председатель Коллегии ЕЭК обсудил с руководством Узбекистана возможности для активизации сотрудничества. *AK&M*. URL: https://www.akm.ru/press/predsedatel_kollegii_eek_obsudil_s_rukovodstvom_uzbekistana_vozmozhnosti_dlya_aktivizatsii_sotrudnich/ (дата обращения 25.08.2022).

[16] В ЕАЭС формируется банк климатических и цифровых. *ЕЭК*. URL: https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-formiruetsya-bank-klimaticheskih-i-cifrovyh-iniciativ/ (дата обращения 25.08.2022).

[17] «Сбер» предложил программу «Устойчивая Евразия». *SBER Press*. URL: https://press.sber.ru/publications/sber-predlozhil-programmu-ustoichivaia-evraziia (дата обращения 25.08.2022).

[18] Российско-Киргизский Фонд развития. URL: https://rkdf.org/ru/o_nas/missiya_celi_i_zadachi (дата обращения 28.07.2022).

[19] Президент Казахстана поручил создать в стране условия для релокации компаний, ушедших из России. *ASIA-Plus*. URL: https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20220714/prezident-kazahstana-poruchil-sozdat-v-strane-usloviya-dlya-relokatsii-kompanii-ushedshih-iz-rossii?ysclid=l6ef3h7zf7784875695 (дата обращения 28.07.2022).

Успех в преодолении бедности в Центральной Азии будет зависеть от темпов расширения внутренних рынков стран региона и потенциального уровня платежеспособного спроса среди населения. Для отдельных категорий бедного населения в городах целесообразно введение мер социальной поддержки в форме предоставления ваучеров на приобретение продуктов питания, произведённых отечественными агропромышленными компаниями. Предлагаемая мера должна служить стимулом для активизации экономической жизни в регионе, а не основой для сохранения зависимости части населения от социальной поддержки государства. Чтобы избежать риска сохранения долгосрочной бедности в ЦА, данное решение должно быть направлено на наиболее незащищенные слои общества – граждан в состоянии долгосрочной бедности.

Полученные в процессе исследования результаты, безусловно, требуют спецификации в соответствии с условиями конкретного региона их применения, а также дополнительной статистической проверки в каждом отдельном случае для экономики отдельно взятого региона. Однако их применимость для формирования стратегий развития на государственном уровне, дорожных карт преодоления бедности в Центральной Азии международными институтами, а также в качестве теоретической основы аналитических материалов коммерческих структур не вызывает сомнений.

* * *

Обзор литературы на тему бедности явно демонстрирует политическую ангажированность ряда теорий относительно факторов, способствующих её сохранению. Существующие экономические теории, обосновывающие бедность, для Центральной Азии не полностью подходят, так как не учитывают региональную специфику во всей полноте.

Важным выводом исследования является то, что фактически в настоящее время сформировано две модели порочных кругов – факторов и последствий бедности, которые связаны друг с другом и осложняют выход из системной бедности.

В рамках исследования доказано, что бедность в Центральной Азии имеет системный характер и для Таджикистана, Туркменистана и Киргизии укладывается в циклические модели порочных кругов.

Отсутствие порочных кругов бедности в Казахстане и Узбекистане носит нестабильный характер и может быстро трансформироваться в системную бедность. Низкое качество образования, низкая доступность рабочих мест и сохранение культуры бедности в этих странах доказано эконометрически, бедность там не побеждена, часть населения находится на её грани. В условиях турбулентности мировой экономики внешние факторы оказывают значительное влияние на развитие указанных государств. Отметим также отсутствие эффекта низкой базы и необходимость гораздо более масштабных трансформаций для дальнейшего снижения бедности.

Все страны региона обладают значительным потенциалом в вопросе преодоления бедности, однако внутренние драйверы развития ими используются не до конца. Предложенные меры имеют смысл только при реализации их в комплексе, с упором на информационно-статистическое обеспечение борьбы с бедностью. Более того, дальнейшие предложения по преодолению бедности можно строить только на основе надежной статистической базы, которой сейчас нет.

Об авторах:

Федор Игоревич Аржаев – кандидат экономических наук, старший эксперт Центра исследований отраслевых рынков ИПЭИ, РАНХиГС; старший научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. 119034, г. Москва, пр-т Вернадского, 84. E-mail: arzhaevfedor@gmail.com

Владислав Юрьевич Андрюхин – аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова, макроэкономист-аналитик. 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1. E-mail: vlad.andriukhin@gmail.com

Дарья Викторовна Сапрынская – научный сотрудник ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1. E-mail: saprinskayadv@gmail.com

Конфликт интересов:
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:
Статья подготовлена при содействии Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова.

UDC: 338, 316.334.2, 369.011.4
Received: September 28, 2022
Accepted: November 30, 2022

Systemic Poverty Modelling: Case of Central Asia

F.I. Arzhaev[1], V.Y. Andriukhin[2], D.V. Saprynskaya[3]
DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-86-111

[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); Financial University under the Government of the Russian Federation
[2, 3] Lomonosov Moscow State University

Abstract: Poverty is one of the most controversial issues in the academic discourse. The numerous theories and their different interpretations make theoretical approaches to poverty applicable to achieve different goals but not the one of its eradication. The politization of

the problem and the motivation of political actors to harness the issue of poverty result in significant restrictions for objective assessment of the situation. Central Asia has been facing the problem of poverty for a long time, but this issue remains unresolved. The state of affairs differs a lot from one state to another in the region, however all of them are exposed to high risks since poverty in Central Asia has acquired the character of a systemic phenomenon. The abovementioned theses determine adaptation of the existing academic findings to regional specifics. The article hypothesizes that in Central Asian countries the factors of poverty persistence are linked to each other in vicious circles, the rupture of which is possible through systemic solutions in three public spheres – education, labor market and development institutions. To verify this hypothesis, the nature of poverty is put under test for consistency, the key characteristics of the problem for each of the Central Asian countries are highlighted. The major factors, contributing to the preservation of poverty are analyzed; the most important of them are revealed and logically connected to the three public spheres mentioned. The latter proves to be the most significant for the regional approach to poverty issues. The combination of statistical data, the poor quality of which represent a major limitation of the study, and the results of empirical conclusions has made it possible to identify the existence of two related "vicious circles" of poverty in the region – a vicious circle of factors of poverty persistence and a vicious circle of poverty and its consequences. Based on the data obtained through econometric modeling, a number of recommendations aimed at further reducing the severity of the problem in the Central Asian states have been developed. The proposed recommendations are formed considering the complexity and unrealizability of complex and simultaneous solutions to the problem of poverty and are designed to launch a mechanism for assessing the situation and its initial resolution.

Keywords: poverty, Central Asia, vicious circle, econometric model of poverty, factors of poverty persistence, systemic nature of poverty, solving the problem of poverty, economic development

About the authors:

Fedor I. Arzhaev – Candidate of Economic Sciences, Senior Expert of the Center for Research of Industrial Markets of the IPEI, RANEPA; Senior Research Fellow, the Institute for Research of International Economic Relations of the Financial University under the Government of the Russian Federation; Vernadsky Pr., 84, Moscow, 119034. E-mail: arzhaevfedor@gmail.com

Vladislav Y. Andriukhin – Postgraduate Student of Lomonosov Moscow State University, Macroeconomist-analyst. Mokhovaya, 11, build. 1, Moscow, 125009.
E-mail: vlad.andriukhin@gmail.com

Daria V. Saprynskaya – Research Fellow of the ISAA of the Lomonosov Moscow State University. Mokhovaya, 11, build. 1, Moscow, 125009. E-mail: saprinskayadv@gmail.com

Conflict of interest:
The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgments:
The article was prepared with the assistance of the Alexander Gorchakov Public Diplomacy Fund.

References:

Abdulai A.M., Shamshiry E. 2014. *Linking Sustainable Livelihoods to Natural Resources and Governance.* New York: Springer. 198 p.

Aber L., Butler S., Danziger S. 2015. *Opportunity, Responsibility, and Security a Consensus Plan for Reducing Poverty and Restoring the American Dream.* Washington: Brookings Institution. 88 p.

Addae-Korankye A. 2019. Theories of Poverty: A Critical Review. *Journal of Poverty, Investment and Development.* №48. P. 55-62.

Batsaikhan U., Dabrowski M. 2017. Central Asia – Twenty-Five Years after the Breakup of the USSR. *Russian Journal of Economics.* №3. P. 296-320. DOI: 10.1016/j.ruje.2017.09.005

Bradshaw T.K. 2007. Theories of Poverty and Anti-Poverty Programs in Community Development. *Community Development.* №1. P. 7-25. DOI: 10.1080/15575330709490182

Brady D. 2019. Theories of the Causes of Poverty. *Annual Review of Sociology.* №45. P. 155-175. DOI: 10.1146/annurev-soc-073018-022550

Chapman G. 2011. Poverty in Central Asia: Kazakhstan versus Tajikistan. *Global Majority E-Journal.* №1. P. 19-30.

Cieślewska A. 2016. Transforming the Social Role of Female Religious Professionals in Tajikistan. *Asian Studies Review.* №4(40). P. 510-526. DOI: 10.1080/10357823.2016.1229739

Dadabaev T., Soipov J. 2020. Craving Jobs? Revisiting Labor and Educational Migration from Uzbekistan to Japan and South Korea. *Acta Via Serica.* №1. P. 111–140. DOI: 10.22679/avs.2020.5.2.005

Davis E.P., Sanchez-Martinez M. 2014. *A Review of the Economic Theories of Poverty.* National institute of economic and social research. Discussion Paper №435. 65 p.

García C.E., Pabsdorf M.N., Alvarez J.C.M. 2019. Factors Determining Differences in the Poverty Degree among Countries. *Resources.* №8(3). P. 1-19. DOI: 10.3390/resources8030122

Gibbon H.M.F., Nurse A.M., Hurst C.E. 2019. *Social Inequality: Forms, Causes, and Consequences.* London: Routledge. 424 p.

Hamidov A., Daedlow K., Webber H., Hussein H., Abdurahmanov I., Dolidudko A., Helming K. 2022. Operationalizing Water-energy-food Nexus Research for Sustainable Development in Social-ecological Systems: an Interdisciplinary Learning Case in Central Asia. *Ecology & Society.* №1. P. 1-17. DOI: 10.5751/ES-12891-270112

Ildirar M., Iscan E. 2015. *Corruption, Poverty and Economic Performance: Eastern Europe and Central Asia (ECA) Countries.* International Conference on Eurasian Economies.

Jonbekova D. 2020. Educational Research in Central Asia: Methodological and Ethical Dilemmas in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan. *Compare: A Journal of Comparative and International Education.* №3. P. 352-370.

Jonbekova D. 2020. The Diploma Disease in Central Asia: Students' Views about Purpose of University Education in Kazakhstan and Tajikistan. *Studies in Higher Education.* №6. P. 1183-1196.

Jordan G. 2004. The Causes of Poverty Cultural vs. Structural: Can There Be a Synthesis? *Perspectives in Public Affairs.* №2. P. 18-34.

Lemon E. 2020. *Critical Approaches to Security in Central Asia.* London: Routledge. 272 c.

Matveeva A., Giustozzi A. 2018. The Central Asian Militants: Cannon Fodder of Global Jihadism or Revolutionary Vanguard? *Small Wars & Insurgencies.* 2(29). P. 189-206.

McIntyre L. 2013. *The Practical Skeptic: Core Concepts in Sociology.* New York: McGraw Hill. 304 p.

Olufemi P. 2022. Adeyeye Community and Institutional Responses to Flood Disaster in Osogbo, Nigeria. *Journal of Poverty, Investment and Development.* №61. P. 36-47.

Rank M.R. 2004. *One Nation, Underprivileged: Why American Poverty Affects Us All.* Oxford: Oxford University Press. 356 p.

Sameti M., Esfahani R., Haghighi H. 2012. Theories of Poverty: A Comparative Analysis. *Journal of Business and Management Review.* №6. P. 45-56.

Sarlo C.A. 2019. *The Causes of Poverty.* Vancouver: Fraser Institute. 64 p.

Spoor M. 2013. Multidimensional Social Exclusion and the 'Rural-Urban Divide' in Eastern Europe and Central Asia. *Sociologia Ruralis.* №2. P. 139-157.

Wang Z., Guo S. 2022. Politics of Poverty Governance: an Introduction. *Journal of Chinese Political Science.* №27. P. 205-219.

Dustmuradov O.I., Gulmurodov K.A. 2020. Uroven' bednosti v Uzbekistane i puti po yego snizheniyu [The Level of Poverty in Uzbekistan and Ways to Reduce it]. *Ekonomicheskiye nauki.* P.15-17. (In Russian).

Rukovodstvo po modernizatsii statisticheskogo zakonodatel'stva [UNECE Guidelines for the Modernization of Statistical Legislation]. 2018. *EEK OON.* Geneve: UN. 167 p. (In Russian).

Grin U.G. 2016. *Ekonometricheskiy analiz.* Kn. 1 [Econometric analysis. Book. 1]. Moscow: «Delo». 760 p. (In Russian).

Konarovskiy M.A. 2017. Afganistan posle 2014 goda [Afghanistan after 2014]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovaniye, nauka, novaya ekonomika.* №3. P. 242-253. (In Russian).

Prokhorenko I.L. 2019. Novaya strategiya Yevropeyskogo soyuza v Tsentral'noy Azii: vozmozhnosti i predely "myagkoy sily" [New Strategy of the European Union in Central Asia: Opportunities and Limits of Soft Power. Analysis and forecast]. *Analiz i prognoz.* №4. P. 68-80. (In Russian).

Tolpykin V.Ye. 2011. Sistemnost' kak metodologicheskiy printsip sovremennoy postneklassicheskoy nauki [Consistency as a Methodological Principle of Modern Post-non-classical Science]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya.* №7. P. 27-29. (In Russian).

Vasnetsova A.S. 2019. Vzaimosvyaz' terrorizma s organizovannoy prestupnost'yu [Relationship between Terrorism and Organized Crime]. *Natsional'naya bezopasnost'.* №5. P. 66-79. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Васнецова А.С. 2019. Взаимосвязь терроризма с организованной преступностью. *Национальная безопасность.* №5. С. 66-79.

Грин У.Г. 2016. *Эконометрический анализ.* Кн. 1. У. Грин; пер. с англ.; под науч. ред. С.С. Синельникова, М.Ю. Турунцевой. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 760 с.

Дустмурадов О.И., Гулмуродов К.А. 2020. Уровень бедности в Узбекистане и пути по его снижению. *Экономические науки.* С. 15-17.

Руководство по модернизации статистического законодательства. 2018. *ЕЭК ООН.* Женева: ООН. 167 с.

Конаровский М.А. 2017. Афганистан после 2014 года. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика.* №3. С. 242-253.

Прохоренко И.Л. 2019. Новая стратегия Европейского союза в Центральной Азии: возможности и пределы «мягкой силы». *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН.* №4. С. 68-80.

Толпыкин В.Е. 2011. Системность как методологический принцип современной постнеклассической науки. *Теория и практика общественного развития.* №7. С. 27-29.

Вестник МГИМО-Университета. 2022. 15(6). С. 112–134
DOI 10.24833/2071-8160-2022-olf3

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

Check for updates

Темпоральный подход к проблеме устойчивости ядерной анархии

Е.И. Учаев, А.А. Квартальнов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье предлагается новый – темпоральный – подход к проблеме устойчивости ядерной анархии. В существующей литературе есть две противоположные точки зрения на данную проблему: сторонники тезиса о неустойчивости ядерной анархии полагают, что она неизбежно либо приведёт к катастрофической ядерной войне, либо трансформируется в иерархическое мироустройство, тогда как их оппоненты оспаривают как неизбежность ядерной войны в системе суверенных государств, так и катастрофичность такой войны. Однако в текущем виде этот спор упускает из виду, что и технологии, и социальные структуры всегда встроены в определённые культурно-мировоззренческие рамки и опосредованы ими. В частности, и ядерное оружие, и межгосударственная анархия встроены в соответствующие им темпоральности.

Принимая во внимание этот факт, мы выявляем и сопоставляем представления о времени, с которыми взаимосвязаны ядерное оружие и международная анархия. Показывается, что ядерная анархия характеризуется темпоральным противоречием между двумя её составляющими: существование ядерного оружия подразумевает потенциальную конечность времени человечества, а система суверенных государств сущностно связана с бесконечной темпоральностью. Из концепции темпорального противоречия далее выводятся теоретические следствия: 1) осознание конечности времени должно подрывать легитимность анархического мироустройства и стимулировать ограничение государственного суверенитета; 2) в условиях межгосударственной анархии должна происходить «этернализация» ядерного оружия – его переосмысление как совместимого с бесконечностью времени человечества. Ряд известных сюжетов из истории международной ядерной политики – ранние инициативы международного контроля над ядерной энергией, попытки выработать стратегии военного применения ядерного оружия, программа СОИ, эволюция антиядерного движения – интерпретируются нами в статье как эмпирические примеры указанных теоретических следствий.

Таким образом, концепция темпорального противоречия предоставляет дополнительный аргумент в пользу тезиса о долгосрочной неустойчивости ядерной анархии – поскольку распространение конечной темпоральности ведёт к выстраиванию международной иерархии, а сохранение бесконечной темпоральности, преуменьшая масштаб ядерной угрозы, делает ядерную войну более мыслимой и вероятной.

Ключевые слова: темпоральность, ядерное оружие, международная анархия, суверенное государство, ядерная война, глобальные угрозы, темпоральное противоречие

УДК 327, 321.8
Поступила в редакцию: 25.07.2022 г.
Принята к публикации: 10.11.2022 г.

Сомнения в устойчивости мира, в котором сосуществуют международная анархия и ядерное оружие, возникли почти сразу же после создания последнего. Широко известная фраза Эйнштейна о четвёртой мировой войне, которая будет вестись «палками и камнями»[1], уже прозрачно указывала на угрозу: новая война станет глобальной катастрофой, а примеров долговременного мира в системе суверенных государств в истории не обнаруживалось. В манифесте Рассела–Эйнштейна, опубликованном шестью годами позже, проблема формулировалась напрямую: «…вопрос, который мы ставим перед вами, – вопрос суровый, ужасный и неизбежный: должны мы уничтожить человеческий род, или человечество откажется от войн? Люди не хотят столкнуться с такой альтернативой, так как очень трудно искоренить войну. Искоренение войны потребует мер по ограничению национального суверенитета, которые будут ненавистны чувству национальной гордости»[2].

Вместе с тем человечество живет в условиях ядерной анархии уже более 75 лет, и, хотя несколько раз подходило к бездне на расстояние последнего шага, всё же пока этот шаг не сделало. Нельзя и сказать, что угроза всё это время беспрерывно нарастала – динамика уровня риска напоминает скорее синусоиду, с циклическим чередованием периодов нарастания и снижения риска[3]. Тезис о том, что «в ядерной войне не может быть победителей и она никогда не должна быть развязана» был официально провозглашён – и недавно вновь подтверждён – лидерами двух крупнейших ядерных держав[4]. Означает ли это, что наиболее мрач-

---

[1] Это высказывание атрибутируют интервью Эйнштейна, вышедшему в 1949 г., то есть, через четыре года после первого в истории человечества ядерного испытания. См.: Einstein A., Calaprice E. 2011. *The Ultimate Quotable Einstein*. Princeton: Princeton University Press. P. 280.

[2] Манифест Рассела–Эйнштейна. 1955 г. *Российский Пагуошский комитет при Президиуме РАН* [Электронный ресурс]. URL: http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html (дата обращения 25.11.2022).

[3] Как высшие точки этих циклических колебаний можно рассматривать, например, Карибский кризис 1962 года, учения «Опытный лучник» 1983 года и украинский кризис 2022 года. Речь не идёт о том, что во всех трёх перечисленных случаях риск применения ядерного оружия был *одинаково* высоким. В 1962 и 1983 гг. принимались реальные технические меры по подготовке к возможному использованию ядерного оружия – ядерные силы переводились в режим повышенной боеготовности (см. например: Даунинг 2020: 198, 226). Во время Карибского кризиса Джон Кеннеди оценивал вероятность ядерной войны в диапазоне 33-50% (См.: Nye J.S. Is nuclear war inevitable? *The Strategist – ASPI Blog* [Электронный ресурс]. URL: https://www.aspistrategist.org.au/is-nuclear-war-inevitable/ (accessed 26.11.2022)). В 2022 г. сопоставимых шагов не наблюдалось. Сценарии ядерной эскалации Украинского конфликта были и остаются маловероятными, однако они стали наиболее реалистичными, как минимум, за последние 30 лет. Для нашей аргументации значимо именно *это повышение в 2022 г. ядерного риска* по сравнению с предшествующим периодом. (См.: Стефанович Д.В. Специальные боевые части и специальная военная операция. *Российский совет по международным делам* [Электронный ресурс]. 28.06.2022. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/spetsialnye-boevye-chasti-i-spetsialnaya-voennaya-operatsiya/ (дата обращения 26.11.2022); Тренин Д.В. На пути к последней черте. *Коммерсантъ* [Электронный ресурс]. 12.10.2022. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5608400 (дата обращения 26.11.2022); Ядерный фактор в Украинском конфликте. *Аналитический доклад ИМЭМО РАН* [Электронный ресурс]. 2022. URL: https://www.imemo.ru/news/events/text/analiticheskiy-doklad-imemo-ran-yaderniy-faktor-v-ukrainskom-konflikte (дата обращения 26.11.2022)).
Если в качестве оценки вероятности ядерной войны использовать показания «Часов Судного дня», то даты пикового риска окажутся другими – 1953–59, 1984–87, 2020 – н.в. – но общая динамика также будет циклической, см.: The Doomsday Clock Timeline. *Bulletin of the Atomic Scientists* [Электронный ресурс]. URL: https://thebulletin.org/doomsday-clock/timeline/ (дата обращения 26.11.2022).

[4] Joint Soviet-United States Statement on the Summit Meeting in Geneva. November 21, 1985. *The American Presidency Project* [Электронный ресурс]. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/joint-soviet-united-states-statement-

ные предсказания оказались неоправданными, и государства научились жить с ядерной бомбой? Или же периодически случающиеся кризисы свидетельствуют о сохраняющемся неприемлемом риске, и в долгосрочной перспективе выбор всё равно стоит между коллективным самоубийством человечества и движением к наднационализации международной политики?

Существующие подходы к проблеме устойчивости ядерной анархии обычно напрямую анализируют отношение между ядерным оружием (технологией) и международной анархией (социальной структурой). Тем самым упускается из виду, что в человеческих обществах и технологии, и социальные структуры и – что особенно важно – взаимодействия между ними встроены в общие культурно-мировоззренческие рамки и этими рамками опосредуются. В контексте же ядерного оружия из всего культурного измерения реальности особый интерес представляет *темпоральность* – представления о природе времени и направлении его течения (Allan 2018: 11). Ряд работ уже обращали внимание, что возникновение ядерного оружия требует переосмысления наших представлений о времени (Mandelbaum 1981: 228-229; Burke 2016; Hamilton 2018), однако проблема устойчивости ядерной анархии в них прямо не ставилась.

Развивая данное направление исследований, мы предлагаем темпоральный подход к проблеме устойчивости ядерной анархии. В рамках данного подхода исследовательский вопрос можно сформулировать следующим образом: *совместимы ли представления о времени, необходимые для предотвращения ядерной катастрофы (полномасштабной ядерной войны), с сохранением анархической системы суверенных государств?*

Наша гипотеза заключается в том, что не совместимы: международная анархия существует в бесконечной темпоральности, тогда как избегание ядерной войны требует осознания потенциальной конечности времени человечества, а конечная темпоральность, в свою очередь, создаёт объективные стимулы для перехода к иерархической, наднациональной политической системе мира. Мы полагаем, что данное ***темпоральное противоречие*** является важным дополнительным аргументом в пользу тезиса о долгосрочной неустойчивости ядерной анархии.

Статья состоит из пяти разделов. Следующий раздел посвящён краткому обзору существующих подходов к проблеме устойчивости ядерной анархии. В третьем разделе подробнее раскрывается темпоральный подход: выявляются и сопоставляются представления о природе времени, связанные с ядерным оружием, с одной стороны, и с международной анархией, с другой. В четвёртом разделе теоретические ожидания, вытекающие из темпорального подхода, проверяются на предмет соответствия исторической картине развития международных отношений в области ядерного оружия. Наконец, в пятом разделе полученные результаты обсуждаются в контексте существующих подходов.

---

the-summit-meeting-geneva (accessed 25.11.2022); Совместное заявление Президентов России и США по стратегической стабильности, 16 июня 2021 года. *Президент России: официальный сайт* [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/supplement/5658 (дата обращения 25.11.2022).

Устойчивость ядерной анархии: за и против

Для начала следует уточнить используемую терминологию. Что имеется в виду под «ядерной анархией»? Характеристика «ядерная» отсылает не обязательно к фактическому существованию ядерного оружия, но также к наличию необходимых знаний и технической возможности для его создания в реалистичной временной перспективе. Иначе говоря, после гипотетического ядерного разоружения мир не перестал бы быть «ядерным» в используемом нами смысле этого слова. В свою очередь, «анархия» понимается стандартно как антоним иерархии, то есть, как такая социально-политическая организация, в которой над множеством автономных субъектов отсутствует верховная власть (Waltz 1979: 88–93). Причём речь идёт, конечно, об анархии межгосударственной, в связи с чем по ходу статьи понятия «анархия» и «система суверенных государств» используются как взаимозаменяемые. Соответственно, под иерархией в статье подразумевается именно возникновение над государствами высшей – наднациональной – власти, а не простое деление государств на страты от «великих» до «малых» держав[5].

Далее, под «устойчивостью» мы понимаем способность системы к длительному воспроизводству во времени, иначе говоря, отсутствие в системе серьёзных внутренних противоречий, которые необратимо ведут к её саморазрушению и (или) радикальной трансформации. Ставя проблему «устойчивости ядерной анархии», мы тем самым спрашиваем: существует ли *неразрешимое противоречие* между двумя характеристиками современного мира – его «анархичностью» и его «ядерностью»?

Как было отмечено во введении, тезис о неустойчивости ядерной анархии был выдвинут вскоре после появления ядерного оружия, в частности, в манифесте Рассела–Эйнштейна, где прямо формулировался выбор между «ограничением национального суверенитета» и «уничтожением человеческого рода»[6]. Вместе с тем сегодня этот тезис в последовательном виде отстаивают лишь немногие (см., например: Craig 2019; Deudney 2019), а преобладающим является представление о совместимости анархического мироустройства и ядерного оружия.

Аргументация сторонников тезиса о неустойчивости ядерной анархии[7] достаточно проста: «Сочетание [международной] анархии и запасов [ядерного оружия] предвещает потенциальную ядерную войну, если принять стандартное определение анархии как именно такого состояния, в котором возможна крупномасштабная война» (Craig 2019: 350). Ядерная война же, в свою очередь, будет означать «внезап-

---

[5] Таким образом, понятие «иерархия» используется нами в более узком и формальном значении (близком как раз к К.Уолтцу), чем, например, во влиятельной работе Д. Лэйка (см.: Lake 2009).

[6] Манифест Рассела–Эйнштейна, 1955 г. *Российский Пагуошский комитет при Президиуме РАН* [Электронный ресурс]. URL: http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html (дата обращения 25.11.2022).

[7] Для краткости будем далее называть его просто «*тезисом о неустойчивости*», а противоположную точку зрения, соответственно, «*тезисом об устойчивости*».

ный цивилизационный коллапс» (Deudney 2019: 381). Таким образом, обоснование тезиса можно представить в виде следующей причинно-следственной цепочки: анархический характер отношений между ядерными державами неизбежно приведёт их к войне, эта война неизбежно перейдёт в ядерную (либо сразу начнётся как ядерная), наконец, ядерная война – это, как минимум, полный распад современных социально-политических структур (включая систему государств), а как максимум – вымирание человечества. Схематически это выглядит следующим образом:

(1) ЯДЕРНАЯ АНАРХИЯ → ВОЙНА → ЯДЕРНАЯ ВОЙНА → КОЛЛАПС СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВ

Альтернативой указанному сценарию является радикальная трансформация мироустройства в направлении отказа от анархии. Здесь точки зрения начинают варьироваться от полноценного мирового государства (Craig 2019) до ограничения глубокой наднационализации только сферой контроля над ядерным оружием (Deudney 2007: 254–264; Deudney 2019: 378–382), однако общая логика остаётся следующей:

(2) ЯДЕРНАЯ АНАРХИЯ → ОСОЗНАНИЕ НЕУСТОЙЧИВОСТИ → ПЕРЕХОД К НЕ-АНАРХИЧЕСКОМУ МИРОПОРЯДКУ

Так или иначе, ядерная анархия – согласно мнению сторонников данной точки зрения – исчезнет либо в ходе глобальной реформы, либо в огне глобальной войны и, следовательно, не является устойчивой.

Логическим образом, сторонники тезиса об *устойчивости* ядерной анархии оспаривают одну или несколько причинно-следственных связок из схемы (1). Они могут утверждать, что: а) анархические отношения между ядерными державами не обязательно ведут к войне; б) война между ядерными державами не обязательно перейдёт в ядерную; в) ядерная война не обязательно приведёт к полномасштабному цивилизационному коллапсу.

В качестве примера первой стратегии аргументации можно привести теорию «ядерной революции», согласно которой возникновение ситуации взаимного гарантированного уничтожения, сделав невозможной военную победу в крупномасштабном конфликте, привело к революционным изменениям в практиках государственной стратегии: они стали направлены на поддержание мира в отношениях между великими державами, сохранение статус-кво, предотвращение кризисов (Jervis 1989: 1–41). При этом государство как политическая форма и, следовательно, межгосударственная анархия остались в своей сущности неизменными. В более распространённой интерпретации для поддержания мирного характера «ядерной анархии» требуются специализированные институты контроля над вооружениями (Deudney 2007: 252–254; Арбатов 2021), однако есть и радикальная точка зрения Кеннета Уолтца, полагавшего, что ядерное сдержива-

ние работает автоматически, даже без подпорки в виде соответствующих международных режимов (Waltz 1990).

Примером второй стратегии выступает аргументация Алексея Фененко, основанная на обращении к опыту неприменения химического оружия во Второй мировой войне: в этой логике наличие у двух стран ядерного оружия совсем не обязательно сдерживает возникновение между ними вооружённого конфликта, однако оно эффективно предотвращает переход конфликта на ядерный уровень, иначе говоря, сдерживает своё собственное применение (Фененко 2018).

Наконец, третья стратегия аргументации в пользу тезиса об устойчивости существует в двух вариантах: 1) концепция ограниченной ядерной войны, которая не перерастает в полномасштабную, а, напротив, сдерживает дальнейшую эскалацию (Kahn 1965; Богданов 2022: 6–9); 2) представления о не-катастрофических последствиях даже полномасштабной ядерной войны (Kahn 1960)[8].

Отдельно следует упомянуть набравшие популярность конструктивистские подходы, которые считают достижимым либо устойчивое неприменение ядерного оружия благодаря распространению и интернализации соответствующих норм (Tannenwald 2007), либо даже полный отказ от ядерного оружия в результате его последовательной нормативной делегитимации (Ritchie 2013). Данные подходы[9] также оказываются версиями тезиса об устойчивости ядерной анархии, поскольку в обоих случаях подразумевается принципиальная совместимость описываемых мер с сохранением государства. Это наглядно подтверждается прикладным ответвлением указанных конструктивистских подходов в виде инициативы за запрещение ядерного оружия по гуманитарным основаниям, кульминацией которой стал ДЗЯО (Махукова 2016; Тузмухамедов 2021). Данная инициатива осознанно исходит из возможности запрещения ядерного оружия по моральным и правовым основаниям в рамках существующей системы государств (Ruzicka 2019).

Ко всем перечисленным аргументам, выдвигаемым сторонниками тезиса об устойчивости, можно привести контраргументы. Так, существующие оценки последствий полномасштабного обмена ядерными ударами между Россией и США ставят под вопрос утверждение о не-катастрофичности полноценной ядерной войны: гибель 5 миллиардов человек в течение двух лет (Xia et al. 2022) – это, конечно, не полное вымирание, но катастрофа достаточно масштабная, чтобы полагать, что оставшееся после неё будет уже не системой суверенных государств в сколь-нибудь осмысленном значении[10]. В свою очередь, концепции ограничен-

[8] См. также: Алексеев В. 2019. Миф ядерного сдерживания. *Российский совет по международным делам* [Электронный ресурс]. 15.03.2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/mif-yadernogo-sderzhivaniya/ (дата обращения 25.11.2022).

[9] За исключением теории мирового государства А. Вендта (Wendt 2003), в которой осознание угроз, проистекающих из состояния ядерной анархии, выступает одним из факторов (хотя и не главным) перехода к глобальной политической иерархии.

[10] К тому же, 5 млрд погибших – это прогнозируемое число смертей только от голода, без учёта воздействия других негативных последствий ядерной войны. Другие современные исследования климатических последствий ядер-

ной ядерной войны выглядят уязвимо в связи с тем, что «эскалационный потенциал сигнальных стратегий велик, а никаких инструментов управления эскалацией, кроме зыбкой презумпции хладнокровно-рационального поведения игроков в кризисной обстановке, так и не предложено» (Богданов 2022: 11)[11].

Далее, аргументация от сравнения с неприменением химического оружия не учитывает ряд существенных различий между двумя ситуациями, в частности, отсутствие в случае химического оружия в межвоенный период стратегий первого обезоруживающего удара – в случае ядерного оружия сегодня невозможность полностью исключить такие стратегии является одним из основных дестабилизирующих рисков (Lieber, Press 2017). Надежда на «автоматическое» сдерживание подрывается парадоксальным характером ядерной стратегии, в результате чего возникают «тенденции к саморазрушению ядерного сдерживания как изнутри …, так и извне…» (Арбатов 2021: 106). Наконец, контроль над вооружениями и нормы неприменения ЯО существуют не в вакууме, но зависят от более широкого международно-политического контекста и, как следствие, подвержены эрозии в условиях кризисов отношений между ядерными державами (Tannenwald 2018; Арбатов 2021: 109).

Вместе с тем все эти аргументы показывают лишь принципиальную *возможность* катастрофической ядерной войны в условиях международной анархии, но не её неизбежность. Один из стандартных способов перехода от утверждения о возможности к утверждению о неизбежности (а именно оно необходимо для полноценного обоснования тезиса о неустойчивости ядерной анархии) – аргумент от накопления вероятности. Если допустить, что вероятность ядерной войны в каждый конкретный год составляет 1%, и что она независима от вероятности ядерной войны в любой другой год, то, согласно теории вероятностей, риск начала ядерной войны на протяжении того или иного количества лет будет определяться формулой:

$$1 - (1 - p)^n,$$

где n – количество лет,

p – вероятность ядерной войны в течение одного года.

В таком случае в рамках столетнего периода вероятность ядерной войны составит уже *63,4%*. Однако если допустить, что вероятность ядерной войны, со-

ной войны дают в целом сходные результаты: резкое снижение температуры Земли на протяжении нескольких лет, приводящее к почти полному коллапсу сельского хозяйства и массовому голоду (Robock, Oman, Stenchikov 2007; Coupe et al. 2019). Наиболее распространённой сегодня является точка зрения, согласно которой *полномасштабная ядерная война станет глобальной катастрофой, означающей конец современной цивилизации и в социально-организационном, и в технологическом измерениях, однако всё же не приведёт к полному исчезновению человечества* (Scouras 2019; Ord 2020: 90–102). Риск полного вымирания не исключается целиком, но рассматривается как наихудший сценарий с крайне низкой вероятностью.

[11] Эту презумпцию, основанную на высочайших требованиях к рациональному и верному распознаванию намерений противника и расчёту собственных шагов в условиях разворачивающегося обмена ограниченными ударами, критиковал ещё Х. Моргентау (Morgenthau 1964: 25–30).

ставляя в исходный год 1%, далее с каждым годом снижается на 80% от уровня прошлого года, то её совокупная вероятность *за всё время* составит лишь *5%* (Nye 1988: 21). Скорее всего, одинаково неправдоподобны оба допущения. Эмпирически мы наблюдаем и не полную независимость вероятности одного года от другого, и не последовательное снижение риска. Происходят – как было показано во введении[12] – скорее циклические колебания уровня риска от более низких значений к более высоким и обратно, которые, опять же, не дают возможность сделать однозначный вывод: может быть, повышательная волна рано или поздно дойдёт до наступления катастрофы, а может быть, такие колебания способны продолжаться неограниченно долго.

Таким образом, в своём текущем виде дискуссия об устойчивости или неустойчивости ядерной анархии носит принципиально открытый, незавершённый характер. В этой ситуации самостоятельную ценность приобретает привнесение в эту дискуссию новых, ещё не задействованных подходов, которые могут позволить взглянуть на ситуацию с дополнительной и, может быть, неожиданной стороны. Поэтому мы предлагаем темпоральный подход – рассмотрение темпоральностей (представлений о времени), с которыми взаимосвязаны ядерное оружие, с одной стороны, и система суверенных государств, с другой.

Темпоральный подход: время ядерного оружия vs. время анархии

Проблема устойчивости ядерной анархии – это вопрос о характере отношения между материальными артефактами (ядерным оружием) и формой социальной организации (системой суверенных государств). Вместе с тем ни материальные артефакты, ни социальные формы не существуют сами по себе, но всегда встроены в определенные культурно-мировоззренческие системы или попросту «культуры»[13].

Отдельные части этого аргумента хорошо известны и разработаны в теории международных отношений. Так, опосредованность каузального воздействия материальной реальности её идейной интерпретацией – одно из центральных положений конструктивизма. Хрестоматийный пример: США по-разному реагируют на британское и северокорейское ядерное оружие, поскольку первая страна осмысляется ими как «друг», а вторая – как «враг» (Wendt 1995). Была неоднократно описана и взаимосвязь международных институтов с определёнными культурными – например, космологическими (Allan 2018) или ценностными (Reus-Smit 1999) – представлениями[14].

---

[12] См. примечание 3.

[13] Если «культура» понимается в духе К. Гирца как система смыслов и значений, организующая социальное действие (Geertz 1973).

[14] Данные исследование соответствуют выводам культурных антропологов о том, что формы социальной организации (институты) не являются культурно нейтральными, «пустыми формами», они отражают, воплощают и *воспроизводят* определённые ценности, символы и картины мира (Дуглас 2020). Следовательно, изменение куль-

Встречается – чаще всего в критической теории и исторической социологии – и совместный анализ всех трёх измерений международной реальности – материального, социального и культурного (идейного) (см., например: Cox 1981: 135-137). Однако при таком подходе все три измерения обычно рассматриваются как равноправные, вследствие чего упускается особый статус культурного измерения: оно не только само взаимодействует с социальным и материальным, но *и в значительной степени опосредует взаимодействие между социальным и материальным.* Именно такой культуро-центричный анализ мы предлагаем применить для рассмотрения проблемы устойчивости ядерной анархии.

Вопрос заключается в следующем: *являются ли культурные представления, необходимые для предотвращения полномасштабной ядерной войны, совместимыми с сохранением социальной формы суверенного государства (и, следовательно, международной анархии)?* В свою очередь, из всего культурного измерения реальности в контексте ядерного оружия особый интерес представляет темпоральность – представления о природе времени и направлении его течения (Allan 2018: 11). На взаимосвязь ядерного оружия с определенными представлениями о времени уже обращалось внимание в ряде работ (Mandelbaum 1981: 228-229; Burke 2016; Hamilton 2018)[15], однако ни в одной из них не применялся вышеописанный теоретический подход, оптимальный с нашей точки зрения.

Самый ранний, но и самый теоретически примитивный пример рассмотрения проблемы ядерной анархии через призму темпоральности обнаруживается у М. Мандельбаума (1981: 228-229). Он, обращая внимание на психологическую несовместимость ядерного оружия с западным линейным представлением о времени, предлагает задуматься о возврате к традиционной циклической темпоральности. Однако Мандельбаум исключает значимое влияние идей на социально-политические или материальные процессы (Mandelbaum 1981: 1-7): возможность катастрофической ядерной войны для него вытекает из «объективного» взаимодействия материальности ядерного оружия и международной анархии как формы политической организации мира. Всё, что могут идеи – лучше или хуже отражать эту объективную реальность. Как следствие, Мандельбаум считал циклическую темпоральность более подходящей отнюдь не для предотвращения ядерной войны, но для примирения человека с её возможностью (Mandelbaum: 228-229).

Нас же интересует именно влияние идей на *предотвращение* ядерной катастрофы, поскольку мы исходим из того, что идеи, включая представления о времени, обладают каузальным влиянием на материальные и социальные процессы.

турного «содержания», как правило, требует параллельной трансформации социальных «форм», и наоборот: «… изменить паттерны социальных отношений означает изменить координаты восприятия мира» (Geertz 1973: 28).

[15] Хотя их малое количество всё равно вызывает удивление, особенно в контексте недавно анонсированного «темпорального поворота» в международных исследованиях (Hom 2018). Частично такое невнимание к ядерному оружию в работах о международно-политической темпоральности можно объяснить тем, что большинство из них носят метатеоретический или методологический характер – то есть анализируют темпоральные предпосылки существующих *теорий* международных отношений (Hom 2020; Hutchings 2008; Hutchings 2018), а не влияние представлений о времени на *практику* международной политики.

Можно конкретизировать поставленный выше вопрос: *являются ли представления о времени, необходимые для предотвращения полномасштабной ядерной войны, совместимыми с сохранением анархической системы суверенных государств?*

В литературе обнаруживаются противоположные точки зрения. Э. Бёрк подчёркивает несовместимость конечной темпоральности[16] ядерного оружия с существующими ядерными стратегиями – сдерживания и «победы в ядерной войне» – которые опираются на представление о бесконечности времени (в его циклическом и линейно-прогрессивном изводах, соответственно) (Burke 2016). В свою очередь, соответствует темпоральности ядерного оружия политика полного ядерного разоружения, к которой и предлагает перейти Бёрк (2016: 89). При этом имплицитно подразумевается, что такая политика может быть реализована в рамках системы суверенных государств[17]. Напротив, С. Хэмилтон прямо подчеркивает, что конечная темпоральность эпохи Антропоцена[18] противоречит бесконечному времени фукольдианской правительственности и нововременного государства (Hamilton 2018). А раз противоречит, то, следовательно, ведёт к их подрыву и трансформации во что-то иное. Отметим, что Хэмилтон упускает из виду обратное влияние социальных форм (системы государств) на культуру (темпоральность), которое может приводить к консервации «старых» представлений даже в новом материальном контексте.

Наш подход в наибольшей степени близок именно к Хэмилтону. Учитывая оценки, приведённые в примечании 10, появление ядерного оружия действительно требует *осмысления времени человечества как потенциально конечного* – ядерное оружие может быть накоплено в таких количествах и использовано таким образом, что это положит конец существованию человеческой цивилизации[19]. При этом мы полагаем, что распространение и укоренение соответствующей ядерному оружию конечной темпоральности не совместимо с сохранением международной анархии, поскольку последняя *опирается на прямо противоположную – бесконечную – темпоральность.*

Связь государства модерна с бесконечной темпоральностью описал, в частности, М. Фуко. Анализируя трактаты об искусстве управления государством конца XVI – начала XVII в., он замечает, что, согласно им, «государство <…> не должно даже искать нечто подобное концу истории или подобное её завершению, или что-то вроде точки, где соединялись бы время истории и вечность» (Фуко 2011: 340).

---

[16] Темпоральность ядерного оружия мы характеризуем как конечную, потому что, по Бёрку, оно способно положить конец времени человечества.

[17] Можно, конечно, сказать, что данный вопрос Бёрк просто игнорирует. Представляется, однако, что отсутствие прямого утверждения о необходимости преодоления анархии в данном случае допустимо интерпретировать как имплицитное согласие с обратным тезисом.

[18] О связи между началом Антропоцена и созданием ядерного оружия см.: (Burke 2016: 86-87; Van Munster 2021; Uchaev 2021: 7-9).

[19] Таким образом, по одному из измерений дискуссии об устойчивости ядерной анархии – по вопросу последствий полномасштабной ядерной войны – мы исходно принимаем тезис об их катастрофическом характере. Вместе с тем данное измерение дискуссии представляется и наименее спорным.

Далее Фуко резюмирует: «Формируется новое восприятие истории, уже не устремлённое к концу времён и объединению всех отдельных держав в последней империи; оно открыто бесконечному времени, в котором государства состязаются друг с другом, обеспечивая продолжение своей жизни» (Фуко 2011: 471). Этот тезис Фуко на концептуальном уровне согласуется с концепцией Модерна Бруно Латура. По Латуру, Новое время – это постапокалиптическая эпоха, то есть, эпоха, осмыслившая себя как достигнутый конец истории и освободившаяся от ожидания каких-либо радикальных трансформаций[20] (Latour 2017: 184–219).

Постулируемая Фуко взаимосвязь между конечной и бесконечной темпоральностями и альтернативными формами политической организации – иерархически-универсалистской (империей) и партикуляристской (государством), соответственно – подтверждается и эмпирическими исследованиями[21]. Эсхатологические видения надвигающегося конца света исторически служили легитимации имперских проектов – от Византии и раннего исламского халифата (Shoemaker 2018) до империи Карла Великого (Gabriele 2011: 97–128)[22] и Священной Римской Империи (Arnold 2003) вплоть до позднего Средневековья (Kneupper 2016). В свою очередь, суверенным государствам нового времени всегда сопутствовали представления о времени как неограниченном в будущем, пусть эти представления и менялись с циклических на линейно-прогрессивные (Allan 2018: 108, 143–148). Государственные деятели, осмысляя положение своих стран в истории, могли прибегать к разным конкретным концепциям – от кризисного разрыва с прошлым до неизменной статичности (Clark 2019) – но все они подразумевают бесконечную темпоральность. В абсолютистских Франции и Англии раннего Нового времени апокалиптические пророчества прямо запрещались, поскольку «само существование [государства] зависело от искоренения милленаристских ожиданий» (Koselleck 2004: 16–17, 21).

У этой зависимости есть абстрактно-логическое обоснование: государство модерна одновременно территориально ограничено и суверенно (Каспэ 2008: 124–127; Скиннер 2018: 519–524), иначе говоря, оно осознаёт себя как одного из множества существующих политических субъектов, претендуя при этом на полную независимость в своих действиях и признавая за другими право на такую же независимость. Такое суверенное обособление становится легитимным и обоснованным в том случае, если у субъектов отсутствует какое-либо представление об «общей судьбе», требующей от них объединения и коллективного действия (Wendt 1999: 349–353). Следовательно, пока у христианской Европы существовала общая

[20] Подробнее о самовосприятии Модерна как постапокалиптической эпохи и, в частности, об отражении этого самовосприятия в международно-политической теории см.: (Учаев, Харкевич 2023).

[21] Стоит отметить, что все приводимые ниже работы касаются политических форм в обществах авраамических религий. В других цивилизациях – например, китайской, древнеегипетской, дохристианской римской – имеются многочисленные примеры имперской (иерархически-универсалистской) политической структуры при бесконечной темпоральности.

[22] См. также: Van Meter D.C. 1997. *The empire of the year 6000: eschatology and the sanctification of Carolingian politics*. Ph.D. diss., Boston University.

судьба в виде ожидавшегося «конца времён», государство не смогло бы утвердиться в качестве доминирующей политической формы.

Что же касается обратного воздействия – воспроизводства государством бесконечной темпоральности, то оно обнаруживается как в прямых, так и в косвенных формах. Напрямую влияние государств на представления людей о времени проявляется в реализуемой ими исторической политике. Государство стремится сконструировать ощущение собственной вечности, проецируя себя вглубь истории: так, происходившие на территории Испании события Второй Пунической войны между Римом и Карфагеном «аппроприируются» как принадлежащие истории испанского государства и народа (Ферро 2010: 163). Или же государство в гегельянском духе, позиционирует себя как логический итог и высшую точку предшествующего исторического развития – точку, которая уже не может быть ничем превзойдена (Ван Кревельд 2019: 242-244). В обоих случаях артикулируется бесконечная темпоральность.

Косвенно же бесконечное восприятие времени задаётся самой структурой социальной жизни в государстве. Государство претендует на, по сути, сакральный статус: быть высшей ценностью для собственных граждан и требовать от них соответствующего поведения, например, готовности «умереть за Родину» (Kaspe 2021: 183–188). И претендует, в целом, успешно: по крайней мере, с начала XIX века «…государство <…> присвоило себе *право* требовать от своих граждан величайшей из возможных жертв» (Ван Кревельд 2019: 254). Такая сакрализация партикулярного подразумевает, что общее – мир и человечество в целом – рассматривается как непроблематичное и безусловно данное, гарантированное. Живя в государстве и относясь к нему как к высшей ценности, граждане, таким образом, всегда имплицитно воспроизводят представление о бесконечности мира государств.

Наконец, характер функционирования анархической межгосударственной системы также вносит свой вклад в поддержание бесконечной темпоральности: кажется, будто в ней не возникает и не развивается ничего качественно нового, а лишь повторяется конкуренция государств в соответствии с логикой баланса сил, или же сменяют друг друга циклы гегемонии (Hobson 2002: 5–15)[23].

Темпоральное противоречие и его следствия

Итак, появление ядерного оружия требует осознания времени как потенциально конечного, тогда как система суверенных государств опирается на (и воспроизводит) бесконечную темпоральность. Из этого логически следует, что между ядерным оружием и межгосударственной анархией должно существовать ***темпоральное противоречие***. Если это заключение верно, то на практике должны

[23] Критические по отношению к мейнстриму исторические исследования международных отношений убедительно показывают иллюзорность такого а-исторического восприятия (см., например: Teschke 2003; Buzan, Lawson 2015). Для нас, однако, важен сам факт возникновения и широкого распространения подобных представлений.

наблюдаться следующие последствия: 1) осмысление конечной темпоральности ядерного оружия будет приводить к попыткам ограничения суверенитета; 2) в условиях сохраняющейся международной анархии будет происходить переосмысление ядерного оружия как совместимого с бесконечностью времени – «*этернализация*» ядерного оружия, как мы предлагаем называть этот феномен.

Первое ожидаемое последствие проявилось, в частности, в том, что одной из ранних реакций на появление ядерного оружия стала попытка поставить его под жёсткий международный – фактически, наднациональный – контроль (Baratta 1985). Если же обратиться к тексту доклада Ачесона–Лилиенталя, бывшего важным этапом указанной попытки формирования наднационального ядерного регулирования, то в нём ядерное оружие описывается как «доселе невиданное средство разрушения», направленное на «разрушение городов врага и уничтожение его населения»[24], а также говорится о необходимости «защиты человечества от зла атомной войны»[25]. Таким образом, осознание потенциальной конечности человечества обосновывало попытку иерархического ограничения государственного суверенитета.

Ещё одним свидетельством наличия взаимосвязи между конечной темпоральностью и стремлением к ограничению суверенитета служит сравнение различных инициатив гражданского общества по ядерной проблематике. Когда внимание в них привлекается именно к возможности всеобщего коллапса, как в уже упоминавшемся манифесте Рассела–Эйнштейна или, например, в статьях одного из крупнейших антиядерных активистов XX в. Джонатана Шелла[26], за этим следует практический призыв к ограничению суверенитета и преодолению межгосударственной анархии[27]. В свою очередь, показательным обратным примером служит «Международная кампания за отказ от ядерного оружия», в рамках которой акцент делается не на угрозе исчезновения человечества, но на незаконности, аморальности и гуманитарных последствиях применения ядерного оружия[28], а предлагаемые практические меры, соответственно, не затрагивают основ суверенного мироустройства[29]. Можно заключить, что чем отчётливее артикулируется потен-

---

[24] Lilienthal D.E. et al. *A Report on the International Control of Atomic Energy* [Электронный ресурс]. 16.03.1946. URL: https://fissilematerials.org/library/ach46.pdf (дата обращения 25.11.2022). P. 8.

[25] Ibid. P. 9-10. Пусть приведённые цитаты и не содержат наиболее прямых маркеров конечной темпоральности (например, упоминаний «вымирания» или «угрозы выживанию» человечества), они тем не менее указывают на формирующееся осознание всеобщей и тотальной угрозы.

[26] «…следует заключить, что полномасштабный ядерный холокост может привести к вымиранию человечества» (Schell 1982: 93).

[27] В отношении манифеста Рассела–Эйнштейна см. примечание 2; у Шелла см.: (Schell 1982). Нужно отметить, что впоследствии Шелл попытался отойти от призыва к мировому государству и обосновать реалистичность ядерного разоружения в условиях межгосударственной анархии (Schell 2004). Эта попытка, однако, основывалась на сомнительном допущении, что сдерживание продолжает работать после ядерного разоружения и, как представляется, была мотивирована скорее практической нереалистичностью идеи о мировом государстве в начале 1980-х, чем теоретическим переосмыслением его необходимости.

[28] См., например: Why a ban. *International Campaign to Abolish Nuclear Weapons* [Электронный ресурс]. URL: https://www.icanw.org/why_a_ban (accessed 20.11.2022).

[29] Ключевой практический результат данной кампании – Договор о запрещении ядерного оружия, хотя и упоминает «компетентный международный орган или органы для согласования и проверки» (п.6 ст.4) реализации положе-

циальная конечность человечества в связи с ядерным оружием, тем вероятнее проблематизация анархии и суверенитета.

Что же касается второго ожидаемого последствия темпорального противоречия – «этернализации» ядерного оружия – то оно наблюдается сразу в нескольких версиях. *Первая*, самая простая, версия – «отрицание», отрицание того, что полномасштабное применение ядерного оружия несёт в себе угрозу существованию человечества. Примером здесь является одна из приведенных в разделе II стратегий аргументации в пользу тезиса об устойчивости ядерной анархии, постулирующая не-катастрофичность ядерной войны. *Вторую версию* можно назвать «технооптимистической». Она основывается на допущении о существовании технологического решения угрозы ядерной войны, например, в виде создания идеальной противоракетной обороны. Пример – Стратегическая оборонная инициатива администрации Рейгана. Показательно, что в обоих случаях «этернализация» имеет государственное (СОИ) или окологосударственное[30] происхождение. Целью и результатом «этернализации» оказывается *выстраивание непротиворечивой ядерной стратегии, которую государство могло бы последовательно реализовывать,* не попадая во внутренне противоречивую ситуацию сдерживания[31], когда предотвращение суицидальной ядерной войны достигается посредством иррациональной угрозы развязывания такой войны.

Через призму «этернализации» можно по-новому взглянуть и на нашумевшее высказывание Президента РФ В.В. Путина: «мы как мученики попадём в рай, а они просто сдохнут, потому что даже раскаяться не успеют»[32]. Речь здесь, разумеется,

---

ний договора, не наделяет такой орган правом принуждения и в принципе обходит молчанием вопрос о санкциях за неисполнение договора. См.: Договор о запрещении ядерного оружия [Электронный ресурс]. 07.07.2017. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/209/75/PDF/N1720975.pdf?OpenElement (дата обращения 20.11.2022).

[30] Так, Герман Кан, чьи работы упоминались в разделе II как пример отрицания катастрофичности полномасштабной ядерной войны, работал в тесно связанных с американским правительством аналитических центрах RAND Corporation и The Hudson Institute.

[31] О неразрешимом противоречии, «апории» двух функций ядерного оружия: предотвращения и ведения войны, см., в частности: (Арбатов 2021: 92-94). В рамках предлагаемого темпорального подхода эту противоречивость можно объяснить тем, что сдерживание – ставшее доминирующей политикой в отношении ядерного оружия – не разрешает темпорального противоречия, но пытается «смягчить» его, в идеале переводя ЯО в особую категорию «политического» оружия. (Авторы благодарят одного из рецензентов за указание на возможность такой трактовки политики ядерного сдерживания). Однако, как коротко отмечалось в разделе II, с течением времени сохранение этого внутреннего противоречия приводит к «саморазрушению ядерного сдерживания» (Арбатов 2021). В частности, эффективное ядерное сдерживание от конвенциональных угроз требует поддерживать убедительность угрозы первого ядерного удара. Развитие ядерной стратегии в данном направлении, в свою очередь, понижает «ядерный порог» и повышает вероятность неуправляемой эскалации (Арбатов 2021: 99–102). Эта проблема стояла бы менее остро, если бы ведущие ядерные державы доктринально зафиксировали неприменение ядерного оружия в ответ на конвенциональное нападение, однако сегодня и США, и Россия сохраняют за собой право такого применения (Ibid: 93).

[32] Имеет смысл привести расширенный контекст этого высказывания: «И когда мы убеждаемся (а это всё происходит в течение нескольких секунд), что атака идёт на территорию России, только после этого мы наносим ответный удар. Это ответно-встречный. Почему встречный? Потому что летят к нам, а навстречу полетит в сторону агрессора. Конечно, это всемирная катастрофа, но я повторяю, мы не можем быть инициаторами этой катастрофы, потому что у нас нет превентивного удара. Да, в этой ситуации мы как бы ждём, что в отношении нас кто-то применит ядерное оружие, сами ничего не делаем. Ну да. Но тогда агрессор всё равно должен знать, что возмездие неизбежно, что он будет уничтожен. А мы – жертвы агрессии, и мы как мученики попадём в рай, а они просто сдохнут,

не о немедленной готовности или, тем более, стремлении к ядерной войне, как это представлено в отдельных радикальных интерпретациях оппозиционных СМИ. Напротив, у данного высказывания (если анализировать его целиком) был вполне прагматичный посыл: подтвердить, что Россия продолжает придерживаться концепции ядерного сдерживания. Проблема, однако, в том, что сама концепция ядерного сдерживания в значительной степени иррациональна: в момент, когда сдерживание не срабатывает, реализация угрозы ответного удара теряет какую-либо прагматическую, рациональную цель. Высказывания, подобные рассматриваемому, обеспечивают хотя бы минимальный выход из этой абсурдной ситуации – как минимум, риторический, а, возможно, и мировоззренческий. Причём, если в случае высшего руководства РФ о мировоззрении мы можем лишь спекулировать, то в отношении отдельных российских армейских и церковных кругов есть свидетельства, что вера в загробную жизнь действительно примиряет их с возможностью использования ядерного оружия (Adamsky 2019). Следовательно, можно говорить о существовании *третьей* – условно «религиозно-традиционалистской» – *версии* «этернализации» ядерного оружия, которая по своим функциям аналогична первым двум.

Первичная проверка[33], таким образом, подтверждает гипотезы, вытекающие из концепции темпорального противоречия. С одной стороны, осознание конечной темпоральности ядерного оружия стимулирует попытки иерархического ограничения суверенитета и преодоления межгосударственной анархии[34]. С другой стороны, пока эти попытки не увенчиваются успехом, фундаментальная логика функционирования системы суверенных государств ведёт к «этернализации» ядерного оружия – его осмыслению как совместимого с бесконечностью времени.

потому что даже раскаяться не успеют». См.: Заседание дискуссионного клуба «Валдай». *Президент России: официальный сай*т [Электронный ресурс]. 18.10.2018. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/58848 (дата обращения 28.11.2022).

[33] Вышеприведённые наблюдения, конечно, являются лишь «первичной проверкой» гипотез, выводимых из концепции темпорального противоречия. Представляется, что результаты этой проверки обосновывают релевантность и перспективность подхода, однако для более убедительных выводов требуются дальнейшие исследования.

[34] Из этого *не следует,* что выходом из темпорального противоречия ядерной анархии является *любая* иерархическая политическая форма, взаимосвязанная с *любой* конечной темпоральностью. Так, телеологические концепции истории (например, христианский хилиазм, а из секулярных – классический марксизм или «конец истории» Фукуямы), если они позиционируют своего субъекта до наступления последней, совершенной стадии исторического развития, также задают конечную темпоральность – и часто легитимируют имперские / универсалистские политические проекты, призванные это наступление приблизить. В условиях ядерной анархии подобные проекты в лучшем случае отступают под воздействием, в том числе, ядерного сдерживания. В худшем случае, если представить себе столкновение нескольких одинаково непримиримых имперских проектов, возможна и ядерная война «во имя высшей цели». Следовательно, нужно отличать те версии конечной темпоральности (и связанных с ней иерархических политических форм), где источником «конечности» выступает утопический горизонт, от тех, где восприятие конца складывается вследствие осознания глобальной экзистенциальной угрозы. Можно было бы назвать их «мессианическими» и «катехонтическими», соответственно (Dillon 2011: 784). Авторы благодарят одного из рецензентов за указание на возможность конфликта между разными версиями конечной темпоральности.

* * *

Теперь мы можем вернуться к описанным в разделе II дискуссиям и оценить, какой вклад в них вносит концепция темпорального противоречия.

Во-первых, она показывает, что в условиях международной анархии государства не могут «просто учесть» ядерное оружие как новый фактор и устойчиво изменить свою стратегию соответствующим образом. Описываемые теорией ядерной революции изменения в характере великодержавных отношений, не будучи прочно институционализированы, с течением времени нивелируются под давлением логики межгосударственной анархии. А возврат государств к политике *raison d'état,* подкрепляемый существованием «этернализующих» нарративов в отношении ядерного оружия, ослабляет институты контроля над вооружениями и постепенно повышает риск эскалации[35]. Таким образом, концепция темпорального противоречия в этом отношении оказывается созвучна недавней критике теории ядерной революции – ядерное оружие само по себе не меняет фундаментально конфликтную логику системы суверенных государств и не выступает автоматической гарантией отсутствия войны между великими державами (Lieber, Press 2020).

Во-вторых, в свете концепции темпорального противоречия обнаруживается, что предотвращение полномасштабной ядерной войны (иначе говоря, управление эскалацией) в ситуации конфликта между ядерными державами требует не просто холодной рациональности и стратегического мышления, но своевременного *«переключения» между двумя противоположными друг другу картинами мира – конечной и бесконечной темпоральностями.* Это имеет прямое отношение к поднимавшемуся в разделе II вопросу об устойчивости циклов ядерного риска в долгосрочной перспективе. Такое «переключение» в принципе возможно, в связи с чем однозначного суждения вынести по-прежнему нельзя. Однако трудность задачи, как представляется, повышает оценку вероятности катастрофического развития ядерных кризисов.

Таким образом, концепция темпорального противоречия подкрепляет две причинно-следственные связи, постулируемые сторонниками тезиса о неустойчивости ядерной анархии: 1) от анархии к войне и 2) от войны к (полномасштабной) ядерной войне. Следовательно, мы получаем дополнительный – пусть и, ещё раз отметим, не окончательный – *аргумент в пользу тезиса о неустойчивости ядерной анархии*[36].

---

[35] Данная диалектика двух конкурирующих темпоральностей и соответствующих им социальных форм также способна объяснить наблюдаемую в международной ядерной политике циклическую динамику риска (см. введение, особенно, примечание 3).

[36] Если отвлечься непосредственно от ядерной проблематики, наши выводы вступают в дискуссию с точкой зрения, что современный мировой порядок является одновременно и внутренне противоречивым, поскольку в нём сочетаются материальная глобальность и идейная гетерогенность, и тем не менее устойчивым (Сафранчук, Лукьянов 2021; Сафранчук, Жорнист, Несмашный 2021: 175). Представляется, что сторонники данной точки зре-

Более правдоподобной, как было показано в разделе IV, в свете нашей концепции выглядит и причинно-следственная связь «осознание катастрофичности ядерного оружия → переход к международной иерархии». Вместе с тем логика темпорального противоречия сама по себе ничего не говорит о том, какой из двух сценариев исчезновения ядерной анархии – катастрофический или трансформационный – является более вероятным. Это будет зависеть от исхода конкуренции между двумя «культурно-социальными комплексами» («анархия + бесконечная темпоральность» vs. «иерархия + конечная темпоральность»). Для лучшего понимания этого процесса конкуренции необходимо дальнейшее развитие темпорального подхода с более обширным и менее схематичным привлечением эмпирического материала. Особый интерес представляет применение концепции темпорального противоречия для анализа международной политики по противодействию другим глобальным угрозам, в частности, изменению климата: проявляется ли темпоральное противоречие и в этих случаях (чего логично было бы ожидать)? И ведёт ли оно к тем же результатам, как и в случае ядерной анархии? Наконец, приводит ли увеличение числа осознаваемых глобальных катастрофических угроз к укреплению конечной темпоральности и связанных с ней социальных форм в противовес «бесконечной анархии»? Эти вопросы очерчивают лишь часть дальнейших направлений исследований в русле темпорального подхода и свидетельствуют о его богатом эвристическом потенциале.

Об авторах:

Евгений Иванович Учаев – магистр международных отношений, преподаватель и аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76. ORCID: 0000-0002-4359-4203. E-mail: eugeneuchaev@gmail.com

Артём Александрович Квартальнов – магистр международных отношений, участник научного коллектива проекта «Темпоральное измерение международных отношений в контексте глобальных угроз ядерной войны и изменения климата», МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76. ORCID: 0000-0002-5120-1641. E-mail: artem@kvartalnov.ru

Конфликт интересов:
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:
Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект №22-28-01054 (https://www.rscf.ru/project/22-28-01054/). Авторы также благодарят двух анонимных рецензентов и А.И. Никитина, чьи замечания и советы помогли улучшить статью.

ния, с одной стороны, переоценивают способность материальной глобальности (проявлением которой является и ядерное оружие) сдерживать идейно-социальные стимулы к эскалации конфликтов, а с другой стороны, недооценивают потенциал «негативной» идейной универсализации посредством осознания общности угрозы.

UDC: 327, 321.8
Received: July 25, 2022
Accepted: November 10, 2022

Is Nuclear Anarchy Sustainable? A Temporal Approach

Ye.I. Uchaev, A.A. Kvartalnov
DOI 10.24833/2071-8160-2022-olf3

MGIMO University

Abstract. The article develops a novel temporal approach to the sustainability of nuclear anarchy. The extant literature offers two opposite perspectives on the topic: some scholars argue that nuclear anarchy is unsustainable, since it will inevitably either lead to a catastrophic nuclear war or evolve into a hierarchical world order. Their opponents doubt the inevitability of nuclear war in a system of sovereign states and/or its catastrophic nature. However, the debate, as it stands now, ignores the fact that both technology and social structures are embedded in – and mediated by – cultures and worldviews. In particular, both nuclear weapons and interstate anarchy are embedded in specific temporalities.

Taking this fact into account, we identify and compare perceptions of time that are interrelated with nuclear weapons, on one hand, and international anarchy, on the other. The article reveals a temporal contradiction of nuclear anarchy: while nuclear weapons imply a potential finitude of humanity, the system of sovereign states is intrinsically connected with an indefinite temporality. We derive two theoretical implications form the concept of temporal contradiction. First, a realization of finite temporality should subvert the legitimacy of an anarchic world order and encourage limitations on national sovereignty. Second, international anarchy should 'eternalize' nuclear weapons, i.e., reinterpret them as compatible with the eternity of human civilization. Familiar events of nuclear history including early attempts to establish international control of nuclear energy, the Strategic Defense Initiative, and the evolution of the anti-nuclear movement are interpreted here as empirical evidence in favor of the theoretical implications described above.

Thus, the concept of temporal contradiction provides another argument in favor of the idea that nuclear anarchy is unsustainable in the long run, since the proliferation of the finite temporality leads to international hierarchy, whereas persistent indefinite temporality masks the severity of the nuclear threat, making nuclear war more conceivable and probable.

Keywords: temporality, nuclear weapons, international anarchy, sovereign state, nuclear war, global threats, temporal contradiction

About the Authors:

Yevgeny I. Uchaev – M.A. in International Relations, Lecturer and PhD student, World Politics Department, MGIMO University. 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. ORCID: 0000-0002-4359-4203. E-mail: eugeneuchaev@gmail.com

Artem A. Kvartalnov – M.A. in International Relations, member of the research team, research project "Temporality of international relations in the context of global threats of nuclear war and climate change", MGIMO University. 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. ORCID: 0000-0002-5120-1641. E-mail: artem@kvartalnov.ru

Conflict of interests:
The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:
This research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project no. 22-28-01054 (https://www.rscf.ru/project/22-28-01054/). The authors want to thank two anonymous reviewers and Alexander I. Nikitin, whose comments and suggestions helped to improve the paper.

References:

Adamsky D. 2019. *Russian Nuclear Orthodoxy: Religion, Politics, and Strategy.* Stanford, CA: Stanford University Press. 354 p.

Allan B.B. 2018. *Scientific Cosmology and International Orders.* Cambridge: Cambridge University Press. 346 p. DOI: 10.1017/9781108241540.

Arnold B. 2003. Eschatological Imagination and the Program of Roman Imperial and Ecclesiastical Renewal at the End of the Tenth Century. In: Landes R., Gow A. and Van Meter D.C. (eds) *The Apocalyptic Year 1000: Religious Expectation and Social Change, 950-1050.* Oxford: Oxford University Press. P. 271-288. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195161625.003.0014.

Baratta J.P. 1985. Was the Baruch Plan a Proposal of World Government? *The International History Review.* 7(4): 592-621. DOI: 10.1080/07075332.1985.9640394.

Burke A. 2016. Nuclear Time: Temporal Metaphors of the Nuclear Present. *Critical Studies on Security.* 4(1). P. 73-90. DOI: 10.1080/21624887.2016.1162394.

Buzan B., Lawson G. 2015. *The Global Transformation: History, Modernity and the Making of International Relations.* Cambridge: Cambridge University Press. 421 p. DOI: 10.1017/CBO9781139565073.

Clark C. 2019. *Time and Power: Visions of History in German Politics, from the Thirty Years' War to the Third Reich.* Princeton, New Jersey. Princeton University Press. 293 p.

Coupe J., Bardeen C. G., Robock A. and Toon O. B. 2019. Nuclear winter responses to nuclear war between the United States and Russia in the Whole Atmosphere Community Climate Model Version 4 and the Goddard Institute for Space Studies ModelE. *Journal of Geophysical Research: Atmospheres.* 124(15). P. 8522– 8543. DOI: 10.1029/2019JD030509.

Cox R.W. 1981. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory. *Millennium: Journal of International Studies.* 10(2). P. 126–155. DOI: 10.1177/03058298810100020501.

Craig C. 2019. Solving the Nuclear Dilemma: Is a World State Necessary? *Journal of International Political Theory.* 15(3). P. 349-366. DOI: 10.1177/1755088218795981.

Deudney D.H. 2007. *Bounding Power: Republican Security Theory from the Polis to the Global Village.* Princeton, Oxford: Princeton University Press. 391 p.

Deudney D.H. 2019. Going Critical: Toward a Modified Nuclear One Worldism. *Journal of International Political Theory.* 15(3). P. 367-385. DOI: 10.1177/175508821879668.

Dillon M. 2011. Specters of Biopolitics: Finitude, Eschaton, and Katechon. *South Atlantic Quarterly.* 110(3). P. 780–92. DOI: 10.1215/00382876-1275797.

Gabriele M. 2011. *An Empire of Memory: The Legend of Charlemagne, the Franks, and Jerusalem before the First Crusade.* Oxford: Oxford University Press. 216 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199591442.001.0001.

Geertz C. 1973. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays.* New York. Basic Books. 470 p.

Hamilton S. 2018. Foucault's End of History: The Temporality of Governmentality and Its End in the Anthropocene. *Millennium: Journal of International Studies.* 46(3). P. 371–395. DOI: 10.1177/0305829818774892.

Hobson J.M. 2002. What's at Stake in 'Bringing Historical Sociology Back into International relations'? Transcending 'Chronofetishism' and 'Tempocentrism' in International Relations. Hobden S. and Hobson J.M. (eds) *Historical Sociology of International Relations.* Cambridge: Cambridge University Press. P. 3-41.

Hom A.R. 2018. Silent Order: The Temporal Turn in Critical International Relations. *Millennium: Journal of International Studies.* 46(3). P. 303–30. DOI: 10.1177/0305829818771349.

Hom A.R. 2020. *International Relations and the Problem of Time.* Oxford: Oxford University Press. 297 p. DOI: 10.1093/oso/9780198850014.001.0001.

Hutchings K. 2008. *Time and World Politics: Thinking the Present.* Manchester: Manchester University Press. 208 p. DOI: 10.7228/manchester/9780719073021.001.0001.

Hutchings K. 2018. Time and the Study of World Politics. *Millennium: Journal of International Studies.* 46(3). P. 253–258. DOI: 10.1177/0305829818771343.

Jervis R. 1989. *The Meaning of the Nuclear Revolution: Statecraft and the Prospect of Armageddon.* Ithaca: Cornell University Press. 272 p.

Kahn H. 1960. *On Thermonuclear War.* Princeton: Princeton University Press. 688 p.

Kahn H. 1965. *On Escalation: Metaphors and Scenarios.* New York: Frederick Praeger. 308 p.

Kaspe S.I. 2021. Life, Death, and the State. *Russia in Global Affairs.* 19(3). P. 174-204. DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-3-174-204.

Kneupper F.C. 2016. *The Empire at the End of Time: Identity and Reform in Late Medieval German Prophecy.* Oxford: Oxford University Press. 280 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780190279363.001.0001.

Koselleck R. 2004. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time.* NY: Colombia University Press. 344 p.

Latour B. 2017. *Facing Gaia: Eight Lectures on the New Climatic Regime.* Cambridge: Polity Press. 300 p.

Lake D.A. 2009. *Hierarchy in International Relations.* Ithaca and London: Cornell University Press. 248 p.

Lieber K.A., Press D.G. 2017. The New Era of Counterforce: Technological Change and the Future of Nuclear Deterrence. *International Security.* 41(4). P. 9–49. DOI: 10.1162/ISEC_a_00273.

Lieber K.A., Press D.G. 2020. *The Myth of the Nuclear Revolution: Power Politics in the Atomic Age.* Ithaca, London: Cornell University Press. 180 p.

Mandelbaum M. 1981. *The Nuclear Revolution International Politics before and after Hiroshima.* Cambridge: Cambridge University Press. 283 p. DOI: 10.1017/CBO9780511572845.

Morgenthau H.J. 1964. The Four Paradoxes of Nuclear Strategy. *American Political Science Review.* 58(1). P. 23-35. DOI: 10.2307/1952752.

Nye J.S. 1988. *Nuclear Ethics.* New York. Free Press. 168 p.

Ord T. 2020. *The Precipice: Existential Risk and the Future of Humanity.* New York. Hachette Books. 480 p.

Reus-Smit C. 1999. *The Moral Purpose of the State: Culture, Social Identity, and Institutional Rationality in International Relations.* Princeton: Princeton University Press. 208 p.

Ritchie N. 2013.Valuing and Devaluing Nuclear Weapons. *Contemporary Security Policy.* 34(1). P. 146-173. DOI: 10.1080/13523260.2013.771040.

Robock A., Oman L. and Stenchikov G. L. 2007. Nuclear Winter Revisited with a Modern Climate Model and Current Nuclear Arsenals: Still Catastrophic Consequences. *Journal of Geophysical Research.* 112(D13). DOI: 10.1029/2006JD008235.

Ruzicka J. 2019. The Next Great Hope: The Humanitarian Approach to Nuclear Weapons. *Journal of International Political Theory.* 15(3). P. 386–400. DOI: 10.1177/1755088218785922.

Schell J. 1982. *The Fate of the Earth.* New York: Alfred A. Knopf. 244 p.

Schell J. 2004. The Abolition. Schell J. *The Jonathan Schell Reader: On the United States at Wat, the Long Crisis of the American Republic, and the Fate of the Earth.* New York. Nation Books. P. 143-172.

Scouras J. 2019. Nuclear War as a Global Catastrophic Risk. *Journal of Benefit-Cost Analysis.* 10(2). P. 274-295. DOI:10.1017/bca.2019.16.

Shoemaker S.J. 2018. *The Apocalypse of Empire: Imperial Eschatology in Late Antiquity and Early Islam.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 272 p.

Tannenwald N. 2007. *The Nuclear Taboo: The United States and the Non-Use of Nuclear Weapons Since 1945.* Cambridge: Cambridge University Press. 472 p. DOI: 10.1017/CBO9780511491726.

Tannenwald N. 2018. How Strong Is the Nuclear Taboo Today? *The Washington Quarterly.* 41(3). P. 89-109. DOI: 10.1080/0163660X.2018.1520553.

Teschke B. 2003. *The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations.* London. New York. Verso Books. 312 p.

Uchaev Ye.I. 2021. The Anthropocene Consensus: Transforming international politics in the age of global existential threats. *Russia in Global Affairs.* 19(3). P. 206-227. DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-3-206-227.

Van Munster R. 2021. The Nuclear Origins of the Anthropocene. Chandler D., Muller F. and Rothe D. (eds) *International Relations in the Anthropocene: New Agendas, New Agencies and New Approaches.* Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. P. 59-75. DOI: 10.1007/978-3-030-53014-3_4.

Waltz K.N. 1979. *Theory of International Politics.* Reading, Massachusetts. Addison-Wesley Publishing Company. 251 p.

Waltz K.N. 1990. Nuclear Myths and Political Realities. *American Political Science Review.* 84(3). P. 730–745. DOI: 10.2307/1962764.

Wendt A. 1995. Constructing International Politics. *International Security.* 20(1). P. 71-81. DOI: 10.2307/2539217.

Wendt A. 1999. *Social Theory of International Politics.* Cambridge: Cambridge University Press. 432 p. DOI: 10.1017/CBO9780511612183.

Wendt A. 2003. Why a World State is Inevitable. *European Journal of International Relations.* 9(4). P. 491–542. DOI: 10.1177/1354066103940001.

Xia L., Robock A., Scherrer K. et al. 2022. Global Food Insecurity and Famine from Reduced Crop, Marine Fishery and Livestock Production due to Climate Disruption from Nuclear War Soot Injection. *Nature Food.* 3(8). P. 586–596. DOI: 10.1038/s43016-022-00573-0.

Arbatov A.G. 2021. Desiat' aporii nashego vremeni. Teoriia i praktika iadernogo sderzhivaniia [The Ten Aporias of Our Time. The Theory and Practice of Nuclear Deterrence]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [Polis. Political Studies]. №4. P. 88-111. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.08. (In Russian).

Bogdanov K.V. 2022. Signal'nyi komponent v strategiiakh ogranichennogo primeneniia iadernogo oruzhiia [The Signal Component in Strategies of Limited Nuclear Employment]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World Economy and International Relations]. 66(5). P. 5-13. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-5-5-13. (In Russian).

Downing T. 2020. *1983-i. Mir na grani* [1983. The World at the Brink]. Moscow: ROSSPEN; Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina. 336 p. (In Russian).

Douglas M. 2020. *Kak mysliat instituty* [How Institutions Think]. Moscow: Elementarnye formy. 250 p. (In Russian).

Fenenko A.V. 2018. «Dolgii mir» i iadernoe oruzhie ['Long Peace' and Nuclear Weapons]. *Rossiia v global'noi politike.* 16(6). P. 99-123. (In Russian).

Ferro M. 2010. *Kak rasskazyvaiut istoriiu detiam v raznykh stranakh mira* [Comment on raconte l'Histoire aux enfants: À travers le monde entier]. Moscow: Knizhnyi klub 36.6. 480 p. (In Russian).

Foucault M. 2011. *Bezopasnost', territoriia, naselenie. Kurs lektsii, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1977-1978 uchebnom godu* [Sécurité, Territoire, Population: Cours au Collège de France (1977-1978)]. Saint Petersburg. Nauka. 544 p. (In Russian).

Kaspe S.I. 2008. *Tsentry i ierarkhii: prostranstvennye metafory vlasti i zapadnaia politicheskaia forma* [Centers and Hierarchies: Spatial Metaphors of Authority and Western Political Form]. Moscow: Moskovskaia shkola politicheskikh issledovanii. 320 p. (In Russian).

Makhukova A.V. 2016. Gumanitarnaia initsiativa: kriticheskaia massa antiiadernykh aktivistov [Humanitarian Initiative: A Critical Mass of Anti-Nuclear Activists]. *Indeks bezopasnosti* [Security Index]. 22(1). P. 107-120. (In Russian).

Safranchuk I.A., Lukyanov F.A. 2021. Sovremennyi mirovoi poriadok: strukturnye realii i sopernichestvo velikikh derzhav [The Modern World Order: Structural Realities and Great Power Rivalries]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [Polis. Political Studies]. №3. P. 57-76. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.05. (In Russian).

Safranchuk I., Zhornist V., Nesmashnyi A. 2021. Gegemoniia i mirovoi poriadok: obzor kontseptsii «slozhnoi gegemonii» [Hegemony and World Order: An Overview of the Concept "Hegemony as Complexity"]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii* [International Organisations Research Journal]. 16(1). P. 172–183. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-09. (In Russian).

Skinner Q. 2018. I*stoki sovremennoi politicheskoi mysli: v 2 t. T. 2: Epokha Reformatsii* [The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 2: The Age of Reformation]. Moscow: ID «Delo» RANEPA. 568 p. (In Russian).

Tuzmukhamedov B.R. 2021. Pravovaia skorlupa dlia bez"iadernoi illiuzii [A Legal Shell for a Nuclear-Free Illusion]. *Rossiia v global'noi politike.* 19(2). P. 120-130. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-2-120-130. (In Russian).

Uchaev Ye.I., Kharkevich M.V. 2023. Nemyslimost' total'noi katastrofy: postapokaliptycheskaia priroda modernogo politicheskogo realizma [Unthinkable Doomsday: Postapocalyptic Nature of Modern Political Realism]. *Politiia: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki)* [Politeia – Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics]. №1. (In Print). (In Russian).

Van Creveld M. 2019. *Rastsvet i upadok gosudarstva* [The Rise and Decline of the State]. Moscow, Chelyabinsk: IRISEN, Sotsium. 544 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Арбатов А.Г. 2021. Десять апорий нашего времени. Теория и практика ядерного сдерживания. *Полис. Политические исследования.* №4. С. 88-111. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.08.

Богданов К.В. 2022. Сигнальный компонент в стратегиях ограниченного применения ядерного оружия. *Мировая экономика и международные отношения.* 66(5). С. 5-13. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-5-5-13.

Ван Кревельд М. 2019. *Расцвет и упадок государства.* Москва, Челябинск: ИРИСЭН, Социум. 544 с.

Даунинг Т. 2020. *1983-й. Мир на грани.* Москва: РОССПЭН; Президентский центр Б.Н. Ельцина. 336 с.

Дуглас М. 2020. *Как мыслят институты.* Москва: Элементарные формы. 250 с.

Каспэ С.И. 2008. *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма.* Москва: Московская школа политических исследований. 320 с.

Махукова А.В. 2016. Гуманитарная инициатива: критическая масса антиядерных активистов. *Индекс безопасности.* 22(1).С. 107-120.

Сафранчук И.А., Жорнист В.М., Несмашный А.Д. 2021. Гегемония и мировой порядок: обзор концепции «сложной гегемонии». *Вестник международных организаций.* 16(1). С. 172–183. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-09.

Сафранчук И.А., Лукьянов Ф.А. 2021. Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав. *Полис. Политические исследования.* №3. С. 57-76. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.05.

Скиннер К. 2018. *Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 2: Эпоха Реформации.* Москва: ИД «Дело» РАНХиГС. 568 с.

Тузмухамедов Б.Р. 2021. Правовая скорлупа для безъядерной иллюзии. *Россия в глобальной политике.* 19(2). С. 120-130. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-2-120-130.

Учаев Е.И., Харкевич М.В. 2023. Немыслимость тотальной катастрофы: постапокалиптическая природа модерного политического реализма. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики).* №1. (В печати).

Фененко А.В. 2018. «Долгий мир» и ядерное оружие. *Россия в глобальной политике.* 16(6). С. 99-123.

Ферро М. 2010. *Как рассказывают историю детям в разных странах мира.* Москва: Книжный клуб 36.6. 480 с.

Вестник МГИМО-Университета. 2022. 15(6). С. 135–165
DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-135-165

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

Концепция «тотальной обороны» как отражение стратегической культуры Швеции

Н. Белухин[1], В. Воротников[2], С. Дианина[3]

[1] Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук
[2, 3] Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Статья посвящена анализу концепции «тотальной обороны» как одной из составляющих стратегической культуры Швеции и тому, как её элементы влияют на подходы Швеции к оборонному сотрудничеству в рамках ЕС. «Тотальная оборона» остаётся опорой оборонного планирования и представления об угрозах национальной безопасности Швеции, хотя до настоящего момента ещё не привлекла значительного внимания со стороны российских исследователей. На современном этапе восстановление эффективной системы «тотальной обороны», сравнимой с периодом биполярного противостояния, сталкивается со значительными трудностями в связи с последовательным снижением оборонных расходов после окончания холодной войны и децентрализацией системы национального кризисного планирования. В процессе восстановления концепции «тотальной обороны» также обнаруживаются противоречия между требованиями консолидации и централизованного принятия решений и либеральным, открытым характером шведского общества и экономики, а также принципами ответственности, субсидиарности и аналогии, которые лежат в основе современной системы реагирования на чрезвычайные ситуации. «Тотальная оборона», таким образом, выступает попыткой создания эффективной системы реагирования на кризисные ситуации, которая бы успешно функционировала в демократическом обществе как в условиях мира, так и потенциального вооружённого конфликта без необходимости объявления чрезвычайной ситуации и сосредоточения исключительных полномочий отдельными органами или группой лиц. В соответствии со шведской стратегической культурой важно не только эффективно разрешить кризисную ситуацию, но и сделать это с соблюдением нормального функционирования политических институтов и верховенства права. В рамках ЕС Швеция успешно заняла нишу развития гражданских или невоенных элементов кризисного урегулирования, в то время как оборонное сотрудничество в рамках PESCO и Европейского оборонного фонда в большей степени определяется прагматичными интересами шведских оборонных компаний, а не стратегическими соображениями. Шведский

УДК 327, 316.7
Поступила в редакцию: 15.01.2022
Принята к печати: 20.12.2022

опыт «тотальной обороны» показывает, что в настоящий момент многие государства ЕС с либеральным открытом характером общества и экономики продолжат сталкиваться с той же дилеммой – необходимостью построения самодостаточной и эффективной национальной обороны при сохранении либеральных принципов как в политической системе, так и в экономике.

Ключевые слова: Швеция, тотальная оборона, стратегическая культура, Социал-демократическая рабочая партия Швеции, ЕС, НАТО, пандемия, чрезвычайная ситуация, оборонно-промышленный комплекс

Образ Швеции в мире и среди подданных самого королевства на протяжении по меньшей мере последнего столетия устойчиво формировался понятием «нейтралитет». Однако, будучи по форме лишь традицией, не закреплённой на документально-правовом уровне, «нейтралитет» последовательно приобретал в зависимости от обстоятельств разные формы, превращавшие его порой не более чем в эвфемизм реальной политики прагматичного внешнеполитического балансирования и сохранения Швецией международно-политической субъектности.

Швеция успешно балансировала между интересами соседей, Дании и Норвегии, а также Германской и Российской империй в конце XIX – начале XX вв. Страна не принимала участие в Первой и Второй мировых войнах, следуя прагматичной линии поддержки Германии на начальном этапе конфликтов, а на завершающем уже придерживалась линии её противников. В первые годы холодной войны в Швеции складывается известная концепция «свободы от союзов в мирное время с целью сохранения нейтралитета в случае войны» (так называемая формула Ундена[1]), что, впрочем, не мешало исследователям характеризовать Швецию в этот период как «семнадцатого члена НАТО» (Dahl 2008:103). Премьер-министр У. Пальме в свою очередь проводил политику «позитивного нейтралитета», создавая образ Швеции как «моральной сверхдержавы» (*швед.* moralisk stormakt). Уже в XXI в., 11 февраля 2002 г., в Швеции появилась новая доктрина политики безопасности, в которой «слово нейтралитет, конечно, ещё присутствует, но занимает гораздо более скромное место, нежели ранее» (Fredén 2006: 401). Классическую концепцию Э. Ундена сменило более пространное описание политики безопасности (Комаров 2011). В том же 2002 г. Бо Лундгрен, являвшийся председателем Умеренной коалиционной партии в 1999–2003 гг.,

[1] Унден, Бу Эстен (1886–1974) – шведский дипломат, политик и учёный. В 1924–1926 и 1945–1962 гг. занимал пост министра иностранных дел Швеции, один из лидеров Социал-демократической рабочей партии Швеции.

в одной из газетных статей назвал 2005 г. как приемлемый для вступления Швеции в Североатлантический альянс, а ещё год спустя в программе Умеренной коалиционной партии появился пункт о поддержке членства Швеции в НАТО[2]. Со вступлением Швеции в ЕС и принятием ею обязательств в сфере ОВПБ/ОПБО (в особенности согласно схожему со статьёй 5 Североатлантического договора пункту 42.7 Договора о ЕС), расширением контактов страны с НАТО начиная со второй половины 1990-х гг., особенно в 2010-е гг., углублением североевропейского оборонного сотрудничества с 2009 г., а также с участием ВВС Швеции в интервенции в Ливию в 2011 г. и, наконец, заявлением премьер-министра М. Андерссон 28 марта 2022 г., что Швеция «не нейтральна», идея шведского нейтралитета и неприсоединения больше не могла прикрывать реальных шагов по прагматичной внешнеполитической адаптации и балансированию. Хотя ранее отдельные шведские исследователи, как, к примеру, Анна-Софи Даль, считали, что нейтралитет Швеции «перерос рамки только лишь инструмента организации национальной безопасности» и стал неотъемлемой частью шведского национального идеала (Dahl 1997). Ещё со времени функционирования в 1930-е гг. Комиссии по обороне шведское правительство стало уделять особое внимание формированию комплексного подхода к поддержанию обороноспособности государства и его функционированию в условиях войны в Европе. В послевоенный период это стало частью общенационального консенсуса, выразившись в формировании концепции «тотальной обороны» (*швед*. Totalförsvaret), призванной в период кризиса обеспечить не только обороноспособность страны, но и сохранение основных принципов шведского «дома для народа» (*швед*. Folkhemmet), а потому и по сей день остающейся военно-экономическим, социальным и организационным фундаментом стратегической культуры Швеции. При этом шведская концепция «тотальной обороны» остаётся почти не разработанной, в особенности в отечественной исследовательской литературе, по сравнению с анализом политики нейтралитета/неприсоединения (Воронков 2016; Воронов 2018; Корунова 2021) и вопросов, связанных с взаимодействием Швеции и НАТО (Воронов 2021; Килин 2017; Громыко, Плевако 2016).

К началу XX в. шведское общество уже пережило «великодержавный синдром» XVIII–первой половины XIX вв.[3]. Поэтому в дискуссиях об исторической судьбе Швеции накануне Первой мировой войны уже обозначился разрыв между консервативным взглядом на историю и внешнюю политику Швеции, где большое значение имел статус страны как великой державы в XVI–XVII вв. и «единство короля и народа», и взглядами социал-демократов, которые стреми-

[2] Nilsson T. Elitens hemlighet – därför har Nato varit ickefråga 08.03.2022. *SVD*. URL: https://www.svd.se/a/KzR5Q7/torbjorn-nilsson-elitens-hemlighet-darfor-har-nato-varit-ickefraga (дата обращения: 13.09.2022)

[3] К примеру, В.В. Рогинский отмечает, что великодержавный синдром у Швеции сохранялся «ещё почти двести лет после поражений в Великой Северной Войне в 1700–1721 гг.» (Рогинский 2018).

лись предложить новую, «менее воинственную» версию шведской национальной идентичности, что изначально не находило отклика ни у консервативных мыслителей, ни у офицерского корпуса (Åselius 2005). Однако социал-демократы были далеки от наивной идеи одностороннего разоружения и поддерживали военно-технологическую самодостаточность Швеции. К примеру, сложная международная обстановка во второй половине 1930-х гг. повлияла на решение правительства Швеции перейти к усиленным мерам по повышению обороноспособности Вооружённых сил страны. Лидер социал-демократов и премьер-министр Пер Альбин Ханссон в 1936 г. произнёс речь, в которой подчеркнул необходимость налаживания производства военной авиации на территории Швеции: «Наша страна должна сама настолько, насколько это возможно производить собственные вооружения. Наша потребность в их закупке за границей делает нас более или менее зависимыми от других государств. У нас есть хорошие верфи, которые удовлетворяют нашу потребность в военных кораблях. У нас есть хорошие оружейники, работающие для армии, в Эскильстуне и Буфорской мануфактуре. Но у нас отсутствуют предприятия внутри страны для производства военных самолётов»[4]. В 1939 г. началась работа над созданием первого шведского боевого самолёта, а 23 марта 1942 г. на вооружение в шведских ВВС был принят бомбардировщик Saab 17. После Второй мировой войны в 1948 г. Швеция активно включилась в мировую гонку по разработке реактивной авиации[5].

Наиболее ярким столкновением взглядов шведских военных кругов и социал-демократов можно считать вопрос о планах приобретения Швецией ядерного оружия и собственная военная ядерная программа Швеции, которая прорабатывалась в 1940–1950-х гг., но в итоге к началу 1960-х гг. так и не была принята правящей Социал-демократической рабочей партией, несмотря на расхождение мнений внутри самой партии и активные лоббистские усилия военных. Кроме того, США также негативно относились к подобным планам шведского правительства. Влияние социал-демократов на выработку решений в области обороны и безопасности Швеции настолько велико, что аналитик RAND П. Коул обозначил эту партию как «государство в государстве» и «единственного легитимного стража национального духа Швеции» (Cole 1994). Другой разрыв уже на рубеже XX–XXI вв. наблюдался между военной элитой, которая считала приоритетом участие в международных операциях, и большей частью общественного мнения и офицерского корпуса, считающих, что первоочередной задачей вооружённых сил выступает оборона территории страны. После 2014 г. в политическом плане очевидное преимущество получи-

[4] Så föddes det svenska militärflyget. *Forsvarsmakten*. URL: https://www.forsvarsmakten.se/sv/information-och-fakta/var-historia/artiklar/sa-foddes-det-svenska-militarflyget/ (дата обращения: 02.04.2022)
[4] Ibid.

ли сторонники второй точки зрения, и оптимизм после конца холодной войны сменился стремлением переосмыслить и адаптировать к современным реалиям оборонные концепции периода биполярного противостояния.

Стратегическая культура Швеции, таким образом, представляет из себя довольно сложный феномен. Как, к примеру, в современной Швеции могут сосуществовать всё ещё конкурентоспособный на глобальном рынке ОПК и феминистская внешняя политика? Как либеральные политические ценности и социальное государство соотносятся с развитой структурой организации гражданской обороны, которая пронизывала шведское общество в годы холодной войны и стала вновь востребованной в свете возрождения концепции «тотальной обороны»? (Sjölin 2014). Корректно ли считать «тотальную оборону» с её вниманием к единству и устойчивости общества продолжением идеи о Швеции как «доме для народа»? Проявляется ли концепция «тотальной обороны» во внешней политике? Настоящая статья посвящена анализу «тотальной обороны» как отражению стратегической культуры Швеции и центральной концепции для шведского оборонного планирования. Такая постановка исследовательской задачи обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, концепция «тотальной обороны» получила признание и за пределами Швеции. К примеру, Министерство обороны Сингапура отмечает, что эта концепция, введённая в 1984 г., была «заимствована и адаптирована из Швеции и Швейцарии»[6], причём в реалиях Сингапура она «доказывает свою эффективность в обеспечении сплочённости среди этнически и культурно неоднородного населения» (Milton 2011). Отмечается также, что «скандинавская модель тотальной обороны пользовалась влиянием во всех трёх странах Балтии сразу после окончания холодной войны и в Финляндии, и в Швеции ещё до конца холодной войны, но позднее в европейских странах-членах НАТО, включая прибалтийские республики, распространение получила идея коллективной обороны в рамках Североатлантического альянса (Milton 2011). В этом контексте можно предположить, что Финляндия и Швеция сохранили уникальные черты стратегической культуры. Хотя Финляндия, в отличие от Швеции, не отказалась от модели «тотальной обороны» даже после холодной войны (с 2010 г. в Финляндии эта концепция получила название «комплексная национальная оборона») и сохранила всеобщий воинский призыв, что в настоящий момент позволяет мобилизовать более 200 тыс. резервистов (Lallerstedt 2021). Соседние северные страны также признают достоинства шведской модели тотальной обороны. Так, аналитик Центра военных исследований Копенгагенского университета Йенс Кристофферсен отмечает, что шведы, в отличие от датчан, до

[6] Fact Sheet: Evolution and History of Total Defence Over the Past 35 Years. News Release. *MINDEF Singapore*. 15.02.2019. URL: https://www.nas.gov.sg/archivesonline/data/pdfdoc/MINDEF_20190215001/MINDEF_20190215002_1.pdf (дата обращения: 02.04.2022)

сих пор не исключают ведение боевых действий на собственной территории и в этой связи обладают намного более развитой системой гражданской обороны[7]. К примеру, в анализе рисков, который 2 марта 2022 г. представило датское управление по чрезвычайным ситуациям (*дат*. Beredskabstyrelsen), анализируются 14 возможных угроз, кроме вооружённой агрессии в отношении страны[8], в то время как в шведском аналоге под названием «Om krisen eller kriget kommer»[9], подготовленном Шведским гражданским агентством по чрезвычайным ситуациям (*швед*. Myndigheten för samhällsskydd och beredskap, MSB) в 2018 г., затрагиваются такие угрозы, как саботаж на объектах транспортной и энергетической инфраструктуры, нарушение поставок продовольствия и другие чрезвычайные ситуации, которые могут возникнуть в связи с боевыми действиями на территории страны. Такое справочное издание регулярно издавалось в Швеции и раньше, начиная с 1943 г., а наиболее позднее издание вышло в 1987 г.

Для того чтобы избежать негативных коннотаций, связанных с тоталитаризмом, в Швеции иногда употребляются термины «комплексная» или «всеобъемлющая оборона», «комплексная безопасность» или «комплексный подход к обороне», хотя, к примеру, в названии Шведского института оборонных исследований сохраняется слово «тотальная» – Totalförsvarets forskningsinstitut, т.е. буквально «Институт исследований тотальной обороны». В других странах могут наравне использоваться два этих термина, схожие термины или перечисляться основные принципы «тотальной обороны» без ссылки на конкретный термин. К примеру, в военной стратегии Литвы 2016 г. используются оба понятия; в концепции национальной безопасности Эстонии 2017 г. упоминается принцип всеобъемлющей национальной обороны (*эст*. riigikaitse lai käsitus); в правительственном докладе об оборонной политике, представленном парламенту Финляндии в 2017 г., используется термин «комплексная безопасность»; в концепции национальной безопасности Латвии 2016 г. термин «тотальная оборона» напрямую не упоминается, но обозначается «необходимость комплексного подхода к предотвращению угроз с использованием всех доступных военных и невоенных ресурсов скоординированным и интегрированным образом» – с 2019 г. Латвия выстраивает комплексную систему национальной обороны[10].

Во-вторых, внутри ЕС высокую оценку получили методы Швеции по обеспечению «устойчивости общества» (*англ*. societal resilience), в том числе всё та же концепция «тотальной обороны», которая применяется не только для под-

---

[7] Mønster F. Dansk militæranalytiker i Sverige: Den almindelige svensker er langt bedre forberedt på krig end vi er. *AvisenDenmark*. 04.03.2022. URL: https://avisendanmark.dk/artikel/dansk-milit%C3%A6ranalytiker-i-sverige-den-almindelige-svensker-er-langt-bedre-forberedt-p%C3%A5-krig-end-vi-er (дата обращения: 18.04.2022)

[8] *National Risikobillede 2022.* Beredskabsstyrelsen, Januar 2022. S. 140.

[9] Om krisen eller kriget kommer. Viktig information till Sveriges invånare. 2018. *ODR Samhällsinformation*. S. 20.

[10] Szymanski P. 2020. New Ideas for Total Defence: Comprehensive Security in Finland and Estonia. *Warsaw, OSW Report*. P. 54.

готовки Швеции к традиционному вооружённому конфликту с использованием конвенциональных вооружений, но и для противодействия гибридным угрозам. Это предполагает развитую систему гражданской обороны и налаженное взаимодействие между различными правительственными агентствами и министерствами, то есть так называемый всеобъемлющий общественный подход (*англ.* whole-of-society approach)[11]. В сентябре 2018 г. для координации международной и межминистерской работы по отражению гибридных угроз МИД Швеции даже назначил специального посланника по этому вопросу.

В-третьих, «тотальная оборона» в настоящий момент выступает системообразующим элементом национальной оборонной политики, даже несмотря на то, что Швеция, скорее всего, не сможет воспроизвести систему «тотальной обороны» времён холодной войны, тем более она и не ставит такой задачи. В основе концепции «тотальной обороны» лежит идея о том, что государство не сможет эффективно выполнять задачу сдерживания потенциального противника без более общих мер по обеспечению устойчивости и единства общества (Lallerstedt 2021). Одновременно с этим концепция «тотальной обороны» определяет и подходы Швеции к оборонному сотрудничеству в рамках ЕС.

В основу статьи положено представление о стратегической культуре как «совокупности передаваемых норм, идей и моделей поведения, основанных на идентичности, которые разделяются широким большинством акторов и социальных групп в определённом сообществе безопасности, которая способствует формированию различных по приоритету вариантов обеспечения безопасности и достижения целей оборонной политики» (Meyer 2005). Шведская концепция «тотальной обороны» выступает именно в качестве подобного набора элементов, так как она применялась военной и политической элитой для обеспечения национальной безопасности как в период холодной войны, когда Швеция характеризовалась как нейтральная, равноудалённая от сверхдержав и опирающаяся, главным образом, на национальный оборонный потенциал, так и вновь служит основой для оборонного планирования в современных условиях, когда политика неприсоединения Швеции к оборонным альянсам фактически подходит к концу, и страна в большей степени, чем когда-либо, опирается на международное оборонное сотрудничество и участие в коалиционных операциях по кризисному урегулированию. Таким образом, система «тотальной обороны» оказывается более устойчивой и долгоиграющей, чем нейтралитет и неприсоединение, которые долгое время считались отличительными особенностями шведской внешней и оборонной политики. Это обуславливает значимость изучения системы «тотальной обороны» как отражения стратегической культуры

[11] Wigell M., Mikkola H., Juntunen T. 2021. *Best Practices in the Whole-of-Society Approach in Countering Hybrid Threats*. Study Requested by the INGE committee, European Parliament. P. 50.

Швеции. В статье будут последовательно рассмотрены внутренние административное, военное, гражданское измерения «тотальной обороны», а также отношение шведского общества к современным инициативам по возрождению этой концепции. Внешнее измерение «тотальной обороны» рассмотрено на примере подходов Швеции к двустороннему оборонному сотрудничеству с европейскими странами и её национальных приоритетов в формировании ОПБО ЕС.

Швеция продолжает рассматривать расширение международного оборонного сотрудничества и совместные военные учения как необходимые шаги по усилению сдерживания возможного противника, но первоочередной задачей выступает повышение готовности общества к новой ситуации в области безопасности на национальном уровне. На концептуальном уровне «тотальная оборона» означает, что в качестве элементов сдерживания потенциального противника необходимо рассматривать не только военный потенциал, но и устойчивость, и ресурсы всего общества. Преследуя решение такой задачи, в 2015 г. власти Швеции приняли Закон об обороне Швеции, выполнение которого призвано повысить боеспособность вооружённых сил страны посредством возрождения концепции «тотальной обороны», включающей в себя военное и гражданское измерения для обеспечения всеобъемлющего подхода к безопасности. «Тотальная оборона» определяется шведским законодательством как планирование и меры, требуемые для подготовки страны к войне[12]. Участниками «тотальной обороны» наравне с парламентом, правительством, различными государственными органами и армией являются частные предприятия и обычные граждане. В ходе обсуждения в парламенте плана построения «тотальной обороны» в 2021–2025 гг. шведские политики подчеркнули, что существуют отличия в характере сегодняшних угроз безопасности по сравнению с существовавшими в годы холодной войны: «Нынешняя ситуация более сложная и непредсказуемая, и новая гражданская оборона должна строиться на более широких навыках, знаниях и возможностях, чем её предшествующая версия»[13]. «Тотальная оборона», выстраиваемая в современных условиях, всё больше сближает понятия национальной, общественной и индивидуальной безопасности, что, с одной стороны, размывает границу между мирной и кризисной ситуациями, а с другой стороны, в большей степени, чем во время холодной войны, опирается на ответственность отдельных граждан, требуя от них постоянной готовности к кризисной ситуации (Larsson 2021). В этой связи представляется важным обратить внимание не только на военные и гражданские элементы «тотальной обороны», но и на социологию шведского призыва и отношение граждан к службе в вооружённых силах.

---

[12] Sveriges riksdag. Totalförsvaret 2021–2025. Försvarsutskottets betänkande 2020/21:FöU4 URL:https://riksdagen.se/sv/dokument-lagar/arende/betankande/totalforsvaret-2021-2025_H801F%C3%B6U4/html#_Toc58399209 (дата обращения: 27.04.2022).

[13] Ibid.

«Тотальная оборона» и административный дуализм

«Тотальная оборона», сформированная в Швеции на основе опыта Второй мировой войны и первых послевоенных десятилетий, имела четыре основных составляющих: военную, экономическую, гражданскую и психологическую. При этом психологический элемент рассматривался как неотъемлемая часть гражданского измерения, а экономическая основа была тесно связана со структурой ОПК Швеции и тесно переплеталась с военной составляющей. «Тотальная оборона» создавалась и как часть идеи о Швеции как «доме для народа», и исходила из постулата, что «крепкие социальные связи, солидарность и дружба были необходимы для обеспечения национальной безопасности». Шведская «тотальная оборона» также рассматривалась и как ответ на стратегию тотальной войны, инициированную нацистской Германией[14].

Учитывая, что в период холодной войны практически всё мужское население Швеции проходило военную подготовку, а гражданский элемент «тотальной обороны» строился на широком взаимодействии местного и национального уровней власти, людей различных профессий, частного и государственного секторов, то грань между сугубо военным и гражданским элементами «тотальной обороны» действительно размывалась и создавалось ощущение, что вся страна функционирует как единый оборонный механизм. Управление такой разветвлённой системой должно было быть, с одной стороны, налаженным и отработанным, а с другой – отдельные элементы «тотальной обороны» должны были сохранять высокую степень автономии в принятии решений для обеспечения её эффективности. В нынешней шведской практике, однако, эти два положения далеко не всегда дополняют друг друга.

Так, в Швеции существует исторически сложившаяся в условиях абсолютизма традиция сохранения относительной независимости государственных управлений и агентств (*швед.* förvaltningsmyndighet). Это, в частности, находит отражение в том, что у Швеции сравнительно небольшое Министерство обороны, по сравнению с другими североевропейскими странами, и оно существенно уступает по своему масштабу Генеральному штабу вооружённых сил Швеции (Håkenstad, Larsen 2012). Кроме того, к примеру, во время коронакризиса Агентство по охране общественного здравоохранения (*швед.* Folkhälsomyndigheten) в лице эпидемиолога А. Тегнелла играло ведущую роль в выработке подхода к борьбе с эпидемией и при этом действовало во многом автономно от Министерства здравоохранения и социальной политики Швеции. Это связано с исторически сложившимся и закреплённым высоким уровнем самостоятельности

[14] Braw E., Roberts P. Societal Resilience as a Deterrent. 2018. *NATO Science and Technology Organization.* P. 12.

государственных агентств, в работу которых правительственные министры не имеют права вмешиваться напрямую, поскольку так называемое министерское управление (*швед.* ministerstyre) запрещено Актом о форме правления 1974 г. Такая ситуация приводит к появлению «административного дуализма» (Larsson 2022). Помимо этого, в шведской политико-административной системе большую роль играет местное самоуправление как на уровне ленов (21) и регионов (20), так и на уровне муниципалитетов (290), что также придаёт кризисному регулированию децентрализованный характер.

Для преодоления сложившегося «разрыва» ещё в 2000-е гг. были созданы Секретариат и Совет по управлению кризисными ситуациями как площадки для координирования действий между правительством и отдельными агентствами, но эти органы носят консультативный характер и призваны оказывать поддержку премьер-министру в планировании цельной кризисной стратегии и наблюдении за развитием кризисной ситуации. Таким образом, шведская система кризисного управления отличается высоким уровнем децентрализации и фрагментации и основана на взаимодействии множества органов на разных административных уровнях.

Для каждой страны оценка общей ситуации, возможных рисков, грозящих ей на международной арене, играет важную роль в выстраивании стратегии внешней политики. Большой вклад в эту работу в Швеции вносит действующая в рамках Министерства обороны Комиссия по вопросам обороны (*швед.* Försvarsberedningen), выступающая в качестве площадки для диалога и тесного взаимодействия между риксдагом и правительством. В марте 2022 г. Комиссия выступила за выделение на оборону дополнительно около 3 млрд шведских крон (ок. 300 млн долл.), в том числе на приоритетное усиление обороноспособности лена Готланд. Большинство оппозиционных партий настаивает на том, что Швеция должна достичь уровня в 2% ВВП как минимум к 2025 г., но премьер-министр Магдалена Андерссон предпочла более размытую формулировку, сказав, что «оборона Швеции должна укрепляться настолько быстро, насколько это практически возможно»[15]. В 2021 г. оборонные расходы Швеции составили 1,26% ВВП[16]. По последним прогнозам, при текущем уровне оборонных расходов Швеция достигнет уровня в 2% ВВП к 2028 г., но более детальный план повышения оборонных расходов вооружённые силы представят в ноябре 2022 г.[17]

[15] Stoltenberg: Sverige kan hurtigt blive et Nato-land. *Avisen*. 17.03.2022. URL: https://www.avisen.dk/stoltenberg-sverige-kan-hurtigt-blive-et-nato-land_684770.aspx (дата обращения: 10.05.2022)

[16] Regeringen vill ge två procent av BNP till försvaret. *SVT*. 10.03.2022. URL: https://www.svt.se/nyheter/inrikes/kraftig-upprustning-av-forsvaret-budget-ska-oka-med-40-miljarder (дата обращения: 10.05.2022)

[17] Sweden's Defence Budget Could Reach 2% of GDP In 2028, Military Says. *Reuters*. 11.04.2022. URL: https://www.reuters.com/world/europe/swedens-defence-budget-could-reach-2-gdp-2028-military-says-2022-04-11/ (дата обращения: 10.05.2022)

Центром аналитической работы по оценке военных рисков, который предоставляет основную информацию шведскому правительству и парламенту, остаётся Генеральный штаб, «в сущности, обладающий монополией на профессиональную военную экспертизу» (Håkenstad, Larsen 2012). Так, несмотря на значительное сокращение личного состава вооружённых сил в 1990-2000-хх гг., число сотрудников Генерального штаба не претерпело соответствующего сокращения. В 1998–2007 гг. количество сотрудников оставалось относительно постоянным и составляло около 700 человек, а затем увеличилось до более чем 1000 человек в 2008–2014 гг. В 2015 г. их число упало до чуть менее 900, однако в 2021 г. штаб-квартира ВС Швеции вновь насчитывала 1200 сотрудников. Процесс оборонного планирования на уровне вооружённых сил и на политическом уровне «структурно отделены друг от друга» и могут идти параллельно, но не всегда синхронно, что может приводить к непониманию между военными и политиками, например, как в случае с планируемой отменой обязательного призыва, которая была предусмотрена Законом об обороне Швеции 2009 г., но многие военные сочли её слишком поспешной (Håkenstad, Larsen 2012).

Административная асинхронность как следствие происходивших в период после холодной войны реформ присутствует и в системе материального обеспечения вооружённых сил Швеции. С начала 1990-х гг. между шведскими вооруженными силами и Управлением по оборонным закупкам произошло разделение ролей, которое можно охарактеризовать как трансформация модели «заказчик–исполнитель». Её содержание заключалась в том, что вооружённые силы располагали ассигнованиями на материальную часть и заказывали продукцию и услуги у Управления по оборонным закупкам, которое, в свою очередь, проводило закупки у предприятий ОПК. Однако эта модель была адаптирована для времени с более низким уровнем угроз безопасности, когда требования к боеготовности были ниже. Кроме того, существенным недостатком такой модели являлось «размытое» распределение обязанностей между различными государственными органами[18]. В 2016 г. в рамках официального отчёта шведского правительства (*швед.* SOU) был подготовлен доклад «*Логистика для повышения готовности*», в котором содержалось предложение об упразднении модели «заказчик–исполнитель» в целях более чёткого распределения зон ответственности между Вооружёнными силами и Управлением по оборонным закупкам[19]. В рамках этого изменения комиссия предлагала передать право распоряжения грантом на приобретение материальных составляющих в размере 1:3 Управлению по оборонным закупкам. Это означало, что закупки будут по-прежнему осуществляться через заказы, выставленные вооружёнными силами, но Управление по оборонным закупкам вместо выставления счёта вооружённым силам при до-

[18] Statens offentliga utredningar (SOU) 2016. 88. S. 37–44

[19] Ibid. s. 35

ставке может оплачивать их напрямую. Для более чёткого разделения затрат на закупки и оборудование и собственных расходов было предложено выделить Управлению бюджетные ассигнования на уплату административных платежей. В свою очередь вооруженные силы получили больше функций по техническому и оперативному контролю[20]. В соседних странах, к примеру в Дании, Агентство по оборонным закупкам распоряжается большей частью гранта на закупки. Финляндия же остаётся единственной североевропейской страной, полностью сохранившей процесс организации закупок в компетенции вооружённых сил[21]. Таким образом, система управления и распределения функций между различными органами в Швеции остаётся достаточно забюрократизированным процессом, который скорее может быть охарактеризован в категориях менеджерской эффективности, чем эвентуальной мобилизационной готовности.

Военное измерение тотальной обороны

В период холодной войны в Швеции ставились задачи создания оборонного потенциала «достаточного мощного для демонстрации решимости Швеции оставаться приверженной нейтралитету и способности страны противостоять давлению или другим формам агрессии, откуда бы они ни исходили»[22]. Созданию подобного потенциала и служила концепция «тотальной обороны», которая, таким образом, оказывается неразрывно связанной со шведским нейтралитетом. Ещё до начала холодной войны в 1940-х гг. правительство целенаправленно начало продвигать идею добровольного участия граждан в мероприятиях по подготовке к возможной вооружённой агрессии в отношении Швеции, что нашло своё отражение в законе об общей обязанности участия в тотальной обороне (швед. totalförsvarsplikt), согласно которому все лица в возрасте от 16 до 70 лет, каждое домохозяйство и даже частная собственность, вроде грузовиков или автобусов, должны были выполнять определённую функцию в обороне Швеции. Подобная «тотальность» оборонного мышления оставалась характерной для Швеции на протяжении всего периода холодной войны вплоть до начала 1990-х гг. и возрождается сейчас. В то же время в период холодной войны шведские военные исходили из того, что Швеция не будет основной целью сверхдержав в случае полномасштабного конфликта в Европе, а потенциальный агрессор выделит на её захват только «второстепенный» контингент. В соответствии с этой предпосылкой задачей «тотальной обороны» стало фор-

[20] Statens offentliga utredningar (SOU) 2016:88, s. 139–142.
[21] Olsson P., Nordlund P. 2017. *Effektiv materielförsörjning – Nordiska länders strategi, organisation och försvarsindustri.* FOI-R--4452—SE. FOI: Stockholm. s. 31.
[22] The Total Defence of Sweden: An Information Brochure. – Stockholm, The Defence Staff, 1970. Цит. по Brickman A. 1976. Military Trade Unionism in Sweden. *Armed Forces and Security.* 2(4). S. 529-538.

мирование потенциала для создания неприемлемо высоких издержек при захвате шведской территории в случае использования агрессором неосновного потенциала вооружённых сил.

Шведская «тотальная оборона» действительно носит в организационном смысле тотальный, т.е. всеобщий или целостный, характер, так как она охватывает «каждый аспект общества, а не является задачей, которую на себя берут сугубо профессиональные вооружённые силы»[234]. Но при этом даже в период холодной войны такая оборона предназначалась для отражения лишь ограниченной агрессии, и задача подготовить страну к отражению всевозможных видов агрессии или вторжению основных сил потенциального противника не ставилась. В документе Министерства обороны Швеции за 1970 г., посвященном национальной безопасности, в частности говорилось: «Швеция сама по себе не представляет ценности ни для одной из сверхдержав и связанных с ними блоков… В случае возникновения конфликта в близлежащих к Швеции районах наибольшую стратегическую ценность представляют Балтийские проливы и мыс Нордкап»[24]. Здесь стоит подчеркнуть, что речь идёт о сугубо военно-географических аспектах положения страны и их восприятии шведскими военными, которые исходили из того, что Швеция не будет первоочередной целью для возможной агрессии сверхдержав, а потенциальный противник выделит только вторичные силы для её захвата. Разумеется, это никоим образом не умаляло значение Швеции как важного политического партнёра в Северной Европе как для СССР, так и для США, за чью лояльность оба сверхдержавных блока вели напряжённую дипломатическую борьбу.

С окончанием холодной войны и трансформацией вооружённых сил Швеции военное измерение «тотальной обороны» претерпело существенные изменения. Выступая 20 марта 2012 г. в Шведской военной академии, генерал Сверкер Ёрансон, верховный главнокомандующий вооружённых сил Швеции в 2009–2015 гг., отмечал, что в начале 2000-х гг. шведские вооружённые силы прошли три последовательных этапа трансформации: 1) 2000–2004 гг.; 2) 2005–2009 гг.; 3) 2010-2014 гг. В ходе первого этапа основным фактором трансформации было участие Швеции в программе «Партнёрство ради мира», сокращения вооружённых сил составили для армии 70%, для флота – 50% и для авиации – 25%. Во время следующего этапа сокращения составили для армии – 50%, для флота – 50% и для авиации – 25%; на этом этапе изменениям в вооружённых силах способствовала ведущая роль Швеции в формировании Северной боевой группы ЕС. Итогом третьего этапа стало сокращение каждого из видов вооружённых сил на 25% и развитие оборонного сотрудничества в рамках NORDEFCO.

[23] Roberts A. 1976. Sweden's Total Defence. *In Nations in Arms: The Theory and Practice of Territorial Defence.* International Institute for Strategic Studies. P. 84-85.
[24] Ibid.

Можно предположить, что в 2015 г. с возвращением к концепции «тотальной обороны» начался новый этап, который продолжается до настоящего момента и характеризуется восстановлением всеобщей воинской повинности, развитием двустороннего оборонного сотрудничества с Финляндией и участием Швеции в новых оборонных инициативах ЕС.

Таблица 1. Оборонные расходы Швеции (2012–2021 гг.), млн (US$), в постоянных ценах 2019 г., доля оборонных расходов в % от ВВП
Table 1. Sweden's military expenditure 2012-2021 in constant (2019) US$ m. and as percentage of Sweden's GDP

2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
4760	4787	5072	5126	5194	5194	5365	5840	6234	7900
1,1%	1,1%	1,1%	1,1%	1%	1%	1%	1,1%	1,2%	1,3%

Источник: составлено по Military expenditure by country, in constant (2019) US$ m., 1988-2020. URL: https://sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988%E2%80%932020%20in%20constant%20%282019%29%20USD%20%28pdf%29.pdf; Military expenditure by country as percentage of gross domestic product, 1988-2020. URL: https://sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988%E2%80%932020%20as%20a%20share%20of%20GDP%20%28pdf%29.pdf; Trends in world military expenditure, 2021. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-04/fs_2204_milex_2021_0.pdf (accessed 10.09.2022)

Вильгельм Агрелль, почётный профессор университета Лунда, автор ряда книг о политике безопасности и обороне Швеции, считает, что события на Украине 2014 г. окончательно разрушили систему безопасности, созданную после падения Берлинской стены: «Европейская система безопасности, какой мы её знаем с 1990 г., развалилась на части, и восстановить её будет невозможно. Россия пытается создать новую систему безопасности»[25], – утверждает В. Агрелль. Исследователь сравнивает нынешнее состояние вооружённых сил Швеции с ситуацией 1939 г., указывая на то, что после Первой мировой войны Швеция также пошла на серьёзные меры по разоружению, а когда началась Вторая мировая война, степень готовности Швеции была «далеко не образцовой»[26], и весной 1940 г. ей пришлось срочно начинать форсированное техническое перевооружение. Шведские оборонные силы, которые в 1989 г. могли мобилизовать 850 000 человек, были радикально сокращены после окончания биполярного противостояния. По словам В. Агрелла, это было «катастрофически большое разоружение». Риксдаг в 1996–2004 гг. принял ряд решений о развитии подразделений для участия в международных операциях по кризисному урегулированию (*швед.* insatsförsvar) численностью 20 тыс. военнослужащих, задачей которых было

[25] Agrell: Sverige är dåligt rustat för det ryska storkriget. *Dagens Nyheter.* 27.02.2022. URL: https://www.dn.se/sverige/agrell-sverige-ar-daligt-rustat-for-det-ryska-storkriget/ (дата обращения: 26.04.2022).
[26] Ibid.

в основном осуществление небольших миротворческих миссий за границей, а не обеспечение территориальной обороны страны. Исследователь называет российско-грузинскую войну 2008 г. первым серьёзным сигналом к необходимости восстановить потенциал территориальной обороны Швеции. Но тогда это не привело к серьёзным шагам в долгосрочной оборонной политике: «В 2009 г. мы [Швеция] продолжали адаптировать вооружённые силы для международных операций и даже в 2010 г. отменили всеобщую воинскую повинность», пишет В. Агрелль. Начало 2000-х гг., таким образом, было отмечено постепенным снижением военных расходов и «переквалификацией» вооружённых сил с задач территориальной обороны на международное кризисное урегулирование. После того как Швеция отменила военный призыв в 2010 г., основанием для его возвращения в 2017 г. стала «быстрорастущая угроза политики безопасности Швеции со стороны России»[27].

С приходом Петера Хультквиста на пост министра обороны Швеции в 2014 г. в оборонной политике Швеции ведущее значение получила так называемая «доктрина Хультквиста», которая обозначала в качестве приоритетных направлений увеличение расходов на оборону и установление более тесного сотрудничества с рядом европейских стран, США и НАТО, но без вступления в Североатлантический альянс. С 2014 г. был пересмотрен и обновлен ряд соглашений и расширено сотрудничество с Финляндией, США, Польшей, Данией, Великобританией, Германией, Норвегией и Францией. Одними из главных составляющих доктрины выступало также наращивание потенциала сдерживания и национальной обороны Швеции. Несмотря на сохранявшееся в доктрине понятие «неприсоединение», её практическая реализация исходила из того, что в условиях усиления конкуренции между великими державами малые государства склонны искать решения и оборонную поддержку посредством внешнего взаимодействия и партнёрства, даже если это влечёт долгосрочную внешнюю зависимость (Bailes 2016: 32). Причём такие союзы, чтобы быть эффективными и «реальными» с точки зрения гарантий безопасности, должны быть связаны договорами (Wieslander 2021: 39). Нынешняя дискуссия в Швеции относительно полноценного присоединения к НАТО логически продолжает «доктрину Хультквиста», хотя последняя и была основана на логике «неприсоединения».

Другим важным аспектом является общеевропейский контекст шведской оборонной политики. Украинские события весны 2022 г. в целом подтолкнули Швецию к признанию большей значимости ОВПБ/ОПБО ЕС с точки зрения ее военно-политического статуса. В частности, на пресс-конференции по итогам встречи с канцлером Германии О. Шольцем 28 марта 2022 г. премьер-министр Швеции М. Андерссон, отвечая на вопрос журналиста, заявила, что «…после

[27] Värnplikt. *Sveriges riksdag.* URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/motion/varnplikt_H4021090 (дата обращения: 26.04.2022).

того, как мы [Швеция] вступили в Европейский союз, мы больше не нейтральные в силу положения о солидарности. Так, если страна ЕС подвергнется нападению или в стране ЕС сложится кризисная ситуация, мы не будем нейтральными, мы поддержим эту страну, что может означать отправку вооружённых сил. Поэтому мы не нейтральные, но мы не являемся членом военного альянса…»[28]. Ранее, 23 марта 2022 г., лидер Умеренной коалиционной партии (*швед.* Moderaterna) Ульф Кристерссон в эфире телеканала SVT заявил, что шведский нейтралитет больше не действует, Швеция больше не нейтральна: «Швеция поставляет оружие на Украину, Россия знает, Россия знает об этом»[29]. Озвученное им решение – подать заявку на членство в НАТО в случае победы оппозиции на парламентских выборах в сентябре – Шведские демократы назвали неуместным, так как это «превращает выборы в референдум по НАТО, не в последнюю очередь ввиду ситуации с политикой безопасности»[30].

Однако до последних событий Швеция хотя и признавала возросшее значение новых оборонных инициатив в рамках ЕС, но сохраняла приверженность гражданскому или «мягкому» измерению европейского конфликтного урегулирования и в целом для обеспечения территориальной обороны страны продолжала опираться на национальный оборонный потенциал. В области оборонной промышленности же Швеция исходит не из стратегической ориентации на партнёров из ЕС, а из экономического прагматизма и налаженных связей с американскими и британскими партнёрами, что объясняется высокой степенью приватизации и интернационализации шведского ОПК.

Таблица 2. Участие стран Северной Европы в инициативах европейской безопасности и обороны
Table 2. Nordic countries' participation in European security and defence initiatives)

Страна	JEF – Joint Expeditionary Force	European Intervention Initiative – EI2	Framework Nations Concept – FNC	PESCO	European Defence Fund - EDF
Дания (член НАТО)	+ (с 2014 г.)	+ (с 2018 г.)	+ (с 2014 г.)	—	+
Финляндия (партнёр НАТО, Enhanced Opportunities Partner – EOP)	+ (с 2018 г.)	+ (с ноября 2018 г.)	+ (с 2017 г.)	+ (с 2017 г.)	+
Швеция (партнёр НАТО, Enhanced Opportunities Partner – EOP)	+ (с 2018 г.)	+ (с сентября 2019 г.)	+ (с 2018 г.)	+ (с 2017 г.)	+

[28] Scholz und Schwedens Ministerpräsidentin Andersson in Berlin. *Euronews*. 28.03.2022. URL: https://www.youtube.com/watch?v=eJVHUWr3_9g (дата обращения: 29.03.2022)
[29] Kristersson om Natomedlemskap: Sverige inte neutralt längre. *SVT*. 23.03.2022 URL: https://www.svt.se/nyheter/kristersson-om-natomedlemskap-sverige-inte-neutrala-langre (дата обращения: 07.05.2022).
[30] Ibid.

Страна	JEF – Joint Expeditionary Force	European Intervention Initiative – EI2	Framework Nations Concept – FNC	PESCO	European Defence Fund - EDF
Норвегия (член НАТО)	+ (с 2014 г.)	+ (с сентября 2019 г.)	+ (с 2014 г.)	+ (как третья сторона)	+ (как третья сторона)
Исландия (член НАТО)	—	—	—	—	—

Источник: составлено по The Nordics and the New European Security. Ed. by Fägersten B. Swedish Institute of International Affairs, Utrikespolitiska Institutet (UI), Report, № 3, 2020. 35 p. URL: https://www.ui.se/english/publications/ui-publications/2020/the-nordics-and-the-new--european-security-architecture/ (accessed 10.09.2022)

Особого внимания, без сомнения, заслуживает экономическая мотивация участия Швеции в общеевропейском оборонном строительстве. В рамках Постоянного структурированного сотрудничества (*англ.* PESCO) и Европейского оборонного фонда (*англ.* EDF) для Швеции, где в отличие от большинства стран ЕС оборонный комплекс полностью приватизирован и является одним из наиболее открытых для иностранных инвестиций не только в Европе, но и в мире, важным было смягчение и либерализация условий для допуска третьих сторон в программы и проекты EDF и PESCO, чего, судя по выступлениям министра обороны Швеции в феврале 2021 г., удалось добиться[31]. 90% оборонного европейского промышленного оборонного потенциала сосредоточено в шести странах: Британии, Франции, Германии, Италии, Испании и Швеции[32]. Так как оборонный сектор пользуется исключением из общего правового регулирования Единого внутреннего рынка ЕС, законодательство в области иностранных оборонных инвестиций и степень национализации оборонной отрасли в разных национальных юрисдикциях существенно различается. Франция, к примеру, в качестве условного «антипода» Швеции продолжает придерживаться позиции, что стратегические отрасли экономики должны оставаться под государственным контролем, а соображения экономической эффективности должны иметь второстепенное значение[33].

Во второй половине 1990-х гг. Швеция стала одной из самых открытых стран в сфере инвестиций в оборонный сектор. Параллельные процессы приватизации и роста доли иностранных акционеров в ВПК Швеции набрали обо-

[31] Regner A.L., Håkansson C. 2021. Sweden, the European Defence Fund and Permanent Structured Cooperation: Challenges Ahead for Third Party Participation. *Swedish Institute of International Affairs.* UI Paper. № 4. URL: https://www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/ui-publications/2021/ui-paper-no.-4-2021.pdf (Дата обращения: 10.03.2022)
[32] O'Donnell C.M. 2010. How Should Europe Respond to Sovereign Investors in its Defence Sector? *Center for European Reform,* Policy Brief. .URL: https://www.cer.eu/publications/archive/policy-brief/2010/how-should-europe-respond-sovereign-investors-its-defence-sec (Дата обращения: 10.03.2022)
[33] Ibid.

роты в 1996-2000 гг. *Hägglunds*, производитель бронетехники, был приобретён британской компанией *Alvis Plc.* в 1997 г. Компания *Bofors Weapons System,* специализирующаяся на артиллерии и боеприпасах, была куплена американской *United Defence* в 2000 г. Шведская судостроительная компания *Kockums*, разрабатывавшая в том числе подводные лодки, специально адаптированные под условия Балтийского моря, была сначала приобретена немецкой *HDW* в 1999 г. и позднее также немецкой *Thyssen Krupp Marine Systems (TKMS)* в 2004 г.; *British Aerosystems* (позднее *BAE Systems*) приобрела 35% акций *Saab* в 1998 г.[34]. Позднее британская доля в Saab несколько раз снижалась – в 2005 г. она упала до 20,5%, а на фоне обвинений в коррупции и подкупе в 2010 г. BAE Systems продала половину своей доли Investor AB с намерением впоследствии распродать оставшиеся акции[35]. Министр обороны Швеции Петер Хультквист отмечал в 2018 г., что «большая часть нашей [Швеции] оборонной промышленности принадлежит США и Великобритании. Такие компании, к примеру, как *BAE Systems Bofors* и *Hägglunds* являются залогом надёжности шведских оборонных поставок и проверенными партнёрами не только для вооружённых сил Швеции, но и многих других европейских стран»[36]. В то же время, несмотря на этот комментарий министра обороны, не стоит забывать, что 84,1% шведской *Saab Group*, которая остаётся ядром оборонного потенциала Швеции, сегодня принадлежит *Investor AB* и *Wallenberg Foundations,* тесно аффилированными с династией Валленбергов[37].

Помимо этого, согласно законодательству Швеции, технологии, разработанные с привлечением государственного финансирования Швеции, становятся собственностью государства, и передача такой технологии может осуществляться только при соответствующем разрешении шведского правительства и, в частности, Управления по оборонным закупкам (*швед*. Försvarets materielverk, FMV)[38]. Так, уже упомянутая *TKMS* с момента приобретения *Kockums* в 2004 г. безуспешно пыталась добиться получения доступа к шведским разработкам в сфере проектирования подводных лодок, что вылилось в конфликт с немецкими владельцами 8 апреля 2014 г., когда сотрудники *FMV* конфисковали на территории верфи в Мальмё оборудование и техническую документацию, при-

[34] Lundmark M. 2014. Kockums: The Repatriaton of the Swedish Underwater Crown Jewel (Part. 1). *DEFENSE&Industries*. №1. P. 7-8.

[35] Kavanagh M. BAE Sells Half Of Remaining Stake In Saab. *Financial Times.* 05.03.2010. URL: https://www.ft.com/content/2ab80a14-285a-11df-9f8f-00144feabdc0 (дата обращения: 10.05.2022)

[36] Hultqvist P. A Strengthened European Defence: Swedish Perspectives. *The European Files*. 19.06.2018. URL: https://www.europeanfiles.eu/industry/strengthened-european-defence-swedish-perspectives (дата обращения: 30.03.2022)

[37] Fawaz M., Belin J., Masson H. 2018. Shareholder Nationality Among the Major European and American Defense Contractors: an Exploratory Data Analysis. *Finance Bulletin*. 1(2). URL: https://financebulletin.org/article/view/2406 (дата обращения: 31.03.2022)

[38] Lundmark M. 2014. Kockums: the Repatriaton of the Swedish Underwater Crown Jewel (Part. 1). *DEFENSE&Industries*. №1. P. 7-8.

надлежащие шведскому государству, а чуть позже 22 июля 2014 г. *Saab* полностью выкупил *Kockums y TKMS*[39]. Возвращение одного из ключевых оборонных предприятий совпало с оживлением дискуссии о возвращении к концепции «тотальной обороны» и признанием стратегической важности развития технологий модернизации многоцелевых истребителей (Gripen) и подводных лодок для национальной безопасности Швеции.

Вместе с тем, Ассоциация шведских компаний в области обороны и безопасности подчёркивает, что при отборе потенциальных партнёров по сотрудничеству главным критерием выступают их технологические компетенции, а не членство в ЕС, что указывает на то, что Швеция или, по крайней мере, шведские оборонные компании в силу высокой степени приватизации подходят к PESCO и EDF с позиций экономического прагматизма и конкуренции, а не государственного стратегического целеполагания[40]. Одновременно это указывает и на важность неевропейских оборонных связей – так Швеция предпочла принять участие в британской программе разработки истребителей 6-го поколения в рамках консорциума *Team Tempest* во главе с *BAE Systems* вместо аналогичного франко-германского проекта *Future Combat Air System (FCAS)*, который, по официальным заявлениям, должен стать «гарантией будущей стратегической автономии Европы»[41]. Среди других важных партнёров в оборонной сфере для Швеции, находящихся вне ЕС, можно назвать США (в частности на Швецию не распространяются положения закона «Покупай американское») и Норвегию, которая также владеет значительной долей акций в шведских оборонных предприятиях.

Исходя из этого, Швеция относится к идее стратегической автономии ЕС (как имеющей в основе прежде всего конкурентное экономическое и военно-техническое содержание) скорее негативно. Судя по заявлениям министра обороны П. Хультквиста, для Швеции невыгодны любые ограничения для «третьих стран», связанные с экспортом, реэкспортом и импортом оборонной продукции, по причине уже упомянутых тесных связей шведского оборонного комплекса с США и Соединённым Королевством[42].

---

[39] Grey E. Saab Acquires Swedish Shipyard ThyssenKrupp Marine Systems. *Ship Technology*. 22.07.2014. URL: https://www.ship-technology.com/news/newssaab-acquires-swedish-shipyard-thyssenkrupp-marine-systems-4324740/ (дата обращения: 01.04.2022)

[40] Regner A.L., Håkansson C. 2021. Sweden, the European Defence Fund and Permanent Structured Cooperation: Challenges Ahead for Third Party Participation. *Swedish Institute of International Affairs*. UI Paper №4. URL: https://www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/ui-publications/2021/ui-paper-no.-4-2021.pdf (Дата обращения: 10.03.2022)

[41] Schmidt-Felzmann A. 2019. PESCO. The Swedish Perspective. *Armament Industry European Research Group* (ARES), Report, Policy Paper. URL: https://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2019/03/Ares-38.pdf (Дата обращения: 10.03.2022)

[42] Ibid.

Роль гражданской сферы в «тотальной обороне»

О важности элементов гражданского или невоенного сопротивления в системе «тотальной обороны» говорит то, что Шведский институт оборонных исследований (*швед*. Försvarets forskningsanstalt, FOA), предшественник Института исследований тотальной обороны (FOI), проводил ряд исследований в этой области ещё с начала 1970-х гг. Впервые проблема планирования потенциальной системы гражданского сопротивления была поднята в риксдаге в связи с событиями Пражской весны 1968 г., и основные дискуссии развернулись вокруг того, должна ли эта система стать частью «тотальной обороны». В начале 1980-х гг. действовала Комиссия по исследованию сопротивления (*швед*. Motståndsutredningen), которую в 1987 г. сменила Группа по исследованию невоенного сопротивления (*швед*. Delegationen för icke-militärt motstånd, Motståndsdelegationen), рассматривавшая возможности системного применения тактики гражданского сопротивления среди населения Швеции в случае вооружённой агрессии (проект 55 FOA). Однако и исследовательская группа, и указанный проект были закрыты в 1993–1994 гг. до полноценного завершения исследований, которые на фоне окончания холодной войны теряли свою актуальность и в целом имели скорее символическое значение (Bertilson 2021). Кроме того, 1 января 2022 г. возобновило работу Агентство по психологической обороне (*швед*. Myndighet för Psykologiskt Försvar, MFP), которое выступает «модернизированной» версией Управления по психологической обороне (*швед*. Styrelsen för Psykologiskt Försvar, SPF), действовавшего в 1954–2008 гг. Новое агентство, однако, относится к структуре Министерства юстиции Швеции, а не Министерства обороны. Работа над воссозданием этой структуры началась в 2016 г. практически одновременно с оживлением дискуссии относительно «тотальной обороны».

Вместе с тем, как и в случае с масштабным снижением оборонных расходов, гражданское измерение «тотальной обороны» претерпело существенные изменения. Так, в начале 2000-х гг. национальная система кризисного урегулирования была децентрализована и в случае как с коронакризисом, так и в ситуации масштабных лесных пожаров в 2014 и 2018 гг. не раз подвергалась критике в связи с размытыми зонами ответственности как между местными и центральными органами, так и между различными агентствами и министерствами. Во время пожаров летом 2018 г. Швеция даже была вынуждена обратиться за помощью к соседним государствам и задействовать Центр координации реагирования на чрезвычайные ситуации (*англ*. Emergency Response Coordination Centre, ERCC) в рамках ЕС.

Современная шведская система реагирования на чрезвычайные ситуации строится на принципах ответственности, субсидиарности и аналогии. Принцип субсидиарности, в частности, предполагает, что реагирование на кризисную

ситуацию должно начинаться на как можно более низком административном уровне, что влечёт организационные сложности в случае упомянутых чрезвычайных ситуаций национального масштаба[43]. Два других принципа соответственно означают, что как органы, осуществляющие работу, так и принимаемые в обычных обстоятельствах меры должны сохранять значение и в условиях кризиса или войны. Таким образом, введение чрезвычайного положения или другие формы объявления исключительной ситуации «не являются частью политической культуры Швеции», и даже в условиях кризисных ситуаций важным остаётся следование установленным нормам, верховенству права, а не их временная отмена и наделение отдельных органов чрезвычайными полномочиями[44]. Такие меры предусмотрены только для вооружённого конфликта и военного времени.

В этой связи важно подчеркнуть, что «тотальная оборона» не имеет целью держать общество в условиях чрезвычайного положения, а должна максимально адаптировать жизнь при возникновении такой ситуации к привычным условиям мирной жизни. Но в действительности шведским властям этого пока достичь не удалось. По крайней мере, так это воспринимается руководителями гражданской обороны на уровне ленов. Многие из них считают, что горизонтальная система кризисного реагирования на чрезвычайные ситуации, построенная на координации и взаимодействии независимых агентств, нуждается в более чётком разделении полномочий, ясной командной структуре и иерархии управления (Wimelius, Engberg 2015). Так, администрация лена не может напрямую управлять муниципальными, частными или добровольческими организациями в рамках ответа на чрезвычайную ситуацию, а может лишь выступать координатором совместных усилий всех этих организаций (Wimelius, Engberg 2015). В таких условиях организаторам гражданской обороны приходится полагаться на разветвлённую сеть рабочих групп, координационных советов, неформальных собраний и другие инструменты для выработки слаженного механизма ответа на чрезвычайные ситуации. Иными словами, для того чтобы такая система, построенная на консенсусе и переговорах между равными участниками, успешно функционировала в условиях кризиса, требуется отлаженный в обычных условиях механизм взаимодействия, а руководителям гражданской обороны на уровне провинций «нужно обладать авторитетом», не полагаясь при этом на авторитарные, иерархичные структуры (Wimelius, Engberg 2015).

Несмотря на то что в самой Швеции дальнейшая разработка системы гражданского сопротивления и обороны после окончания холодной войны отошла на второй план и её эффективность при реагировании на современные угрозы подверглась критике, на уровне ЕС Швеция решила воспользоваться своими

[43] Hägglund M. 2020. Rebuilding Sweden's Crisis Preparedness: Lack of Clarity Impedes Implementation. *FIIA, Briefing Paper* № 283. P. 8.
[44] Ibid.

наработками в этой области и принять участие в формировании гражданских элементов на тот момент формировавшейся ЕПБО ЕС. Швеция наряду с другими странами Северной Европы и сейчас продолжает активно продвигать свои компетенции в гражданской сфере на европейском уровне. Именно североевропейские члены ЕС Дания, Финляндия, которая была председателем в Совете ЕС во второй половине 1999 г., и Швеция в ходе саммитов Европейского Совета в Кёльне 3–4 июня 1999 г. и в Хельсинки 10–11 декабря 1999 г. на фоне разворачивавшегося кризиса в Косово активно выступали за создание невоенного или гражданского измерения конфликтного урегулирования на тот момент формировавшейся ЕПБО ЕС[45], что, однако, вызвало непонимание среди более крупных парнёров, особенно Франции, которая назвала такие инициативы «наивными» и «основанными на ценностном и нормативном подходе», а не на суровой реальности (Jakobsen 2009).

Важным индикатором доверия и признания опыта северных стран в осуществлении гражданских миссий и операций в рамках ОПБО ЕС является то, что с 30 мая 2018 г. основным логистическом центром и координатором этих операций и миссий выступают именно Шведское гражданское агентство по чрезвычайным ситуациям (*швед*. Myndigheten för samhällsskydd och beredskap, MSB), созданное в 2009 г., и управляемый им стратегический логистический пункт в центральной части Швеции[46]. Изначально Швеция и Финляндия сходились в том, что оборонное измерение ЕС должно в первую очередь решать задачи конфликтного урегулирования – так, именно на основе совместного предложения Швеции и Финляндии Петерсбергские задачи ЗЕС были включены в Амстердамский договор.

Швеция воспринимает ЕС как инструмент кризисного регулирования в соседних с ЕС регионах, и стратегическая автономия в таком контексте понимается как способность осуществлять это урегулирование самостоятельно и вне зависимости от возможностей или желания атлантических союзников[47]. Первоочередное внимание Швеции к гражданскому измерению ОПБО ЕС сближает её с позицией Германии[48].

Показательно и то, что в шведском видении будущего облика ОПБО ЕС большая часть посвящена именно гражданскому измерению, а потенциальная роль шведской оборонной отрасли в наращивании военной мощи ЕС

---

[45] Juncos A.E. 2020. Civilian CSDP Two Decades On. *The CSDP in 2020. The EU's Legacy and Ambition in Security and Defence.* Ed. by Fiott D. European Union Institute for Security Studies. P. 74-85.

[46] Equipping Our Civilian CSDP Missions: the Strategic Warehouse in Central Sweden Ensures Streamlined Logistics. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/90819/equipping-our-civilian-csdp-missions-strategic-warehouse-central-sweden-ensures-streamlined_da (дата обращения: 10.03.2022)

[47] Wieslander A. Sweden and the CSDP: Keen on Security and Reluctant on Defence. *European Leadership* Network, ELN, January 2018. URL: https://www.europeanleadershipnetwork.org/commentary/sweden-and-the-csdp-keen-on-security-and-reluctant-on-defence/ (дата обращения: 10.03.2022)

[48] Ibid.

не упоминается[49]. Для Швеции в рамках подготовки «Стратегического компаса» ЕС, опубликованного 21 марта 2022 г., приоритетом выступало нахождение баланса между военным и гражданским измерением ОПБО ЕС и включение гражданского измерения в итоговый текст первой в практике ЕС оборонной стратегии особенно в контексте того, что председательство Швеции в ЕС в 2023 г. совпадает с завершением реализации проекта по укреплению возможностей стран ЕС в области гражданского измерения конфликтного урегулирования (*англ*. Civilian CSDP Compact), одним из инициаторов которого выступала именно Швеция в 2018 г.[50]. Беспокойство Швеции вызывает уже упоминавшийся внебюджетный Миротворческий фонд ЕС (*англ*. European Peace Facility, EPF), который, среди прочего, впервые в истории ЕС позволит поставлять, помимо экипировки, амуниции, и невоенную технику, а также летальное вооружение странам-партнёрам ЕС, где проходят военно-тренировочные миссии ЕС, миссии по подготовке сил безопасности и полиции и другие мероприятия по усилению компетенций местных сил безопасности и порядка[51]. Швеция изначально опасалась, что такой переход миротворчества ЕС к более «жёсткому» подходу в противовес «мягкой» безопасности может привести к непредвиденным последствиям в конфликтных и нестабильных регионах[52]. Швеция тем не менее поддержала первое в практике ЕС использование EPF в марте 2022 г. для закупки вооружений и их отправки на Украину и, более того, 27 февраля 2022 г. впервые с 1939 г. приняла решение об отправке летального вооружения стране, находящийся в состоянии вооружённого конфликта[53].

Единство общества и вооружённых сил

Помимо «внешней» причины возвращения к концепции «тотальной обороны» исследователи полагают, что не последнюю роль при принятии этого решения играли и «внутренние» факторы, в частности трудности в процессе комплектования вооружённых сил из-за низкой мотивации молодого населения Швеции проходить службу в профессиональной армии. К примеру, в 2016 г., по данным газеты Dagens Nyheter, вооружённым силам «не хватало» 7500 человек[54]. В начале 2016 г. решение о «введении какой-либо формы воин-

[49] Wallström M., Hultqvist P. «Vi vill agera för att stärka EU:s försvarssamarbete». *Dagens Nyheter*. 19.06.2017. URL: https://www.dn.se/debatt/vi-vill-agera-for-att-starka-eus-forsvarssamarbete/?forceScript=1&variantType=large (accessed 10.03.2022)
[50] Håkansson C. 2021. Finding its Way in EU Security and Defence Cooperation: A View from Sweden. *European View*. P. 1-8.
[51] Frisell E.H. 2021. Sjökvist E. To Train and Equip Partner Nations – Implications of the European Peace Facility. *FOI Memo: 7468*. February 2021. 10 p.
[52] Ibid.
[53] Sverige sender 5000 panserværnsgranater til Ukraine. *Jyllands-Posten*. 27.02.2022. URL: https://jyllands-posten.dk/international/ECE13777045/sverige-sender-5000-panservaernsgranater-til-ukraine/ (accessed 20.04.2022).
[54] Starkt stöd för könsneutral värnplikt. *Dagens Nyheter*. 04.01.2016. URL: https://www.dn.se/arkiv/nyheter/starkt-stod-for-konsneutral-varnplikt/ (accessed 26.04.2022).

ской повинности» поддержало 72%[55]. Причём в 2009 г. за три месяца до принятия решения шведским риксдагом против отмены призыва выступало 63% опрошенных[56]. Исследование, проведённое одной из ведущих аналитических компаний Швеции Novus, показывает, что шесть из десяти шведов готовы защищать Швецию в случае вторжения иностранной державы. 66% респондентов в возрасте 50–64 лет ответили утвердительно на вопрос о готовности встать на защиту Швеции, в то время как соответствующий показатель в возрастной группе 18–29 лет составляет 44%[57]. Аналитик компании Торбьерн Шёстрём связывает этот разрыв с периодом отмены обязательной воинской повинности, который «отдаляет» от военной сферы людей определённого возраста[58]. Исследование также отражало партийную принадлежность тех, кто обладает наибольшим уровнем готовности к обороне страны. В основном это люди, поддерживающие партии Шведских демократов, Умеренную коалиционную партию и Христианских демократов[59].

Приём на военную службу с 2017 г. носит гендерно нейтральный характер, и количество девушек-призывников увеличивается: ожидается, что с 22% в 2021 г. их доля возрастёт до 30% в 2023 г.[60]. Такое решение было сразу воспринято обществом позитивно: в январе 2016 г., когда обсуждение этого вопроса находилось на начальной стадии, доля людей, поддерживающих это решение, составляла 87%[61].

Восстановление призыва в Швеции в 2017 г., таким образом, неправильно считать простым возвращением к более ранней модели всеобщего призыва. При осуществлении этой меры шведское правительство подчёркивало, что призыв будет одинаково распространяться как на мужчин, так и на женщин, и в ходе него к будущим военнослужащим будут предъявляться высокие требования, что позволит создать конкурсный характер отбора для службы в вооружённых силах. Для Швеции тем самым по-прежнему важно показать гражданам, что военный призыв сохраняет принципиально добровольный характер (для службы в вооружённых силах Швеции ежегодно отбирается около 5% из соответствующих возрастных групп).

---

[55] Ibid.

[56] Ibid.

[57] Om Sverige invaderades av en utländsk makt, skulle du vara beredd att aktivt försvara dig och Sverige? 02.03.2022. *Novus*. URL: https://novus.se/egnaundersokningar-arkiv/invasionen-av-ukraina-2/ (accessed 07.05.2022).

[58] Sex av tio redo att försvara Sverige vid en invasion. 02.03.2022. *Omni*. https://omni.se/sex-av-tio-redo-att-forsvara-sverige-vid-en-invasion/a/bGBq5q (accessed 07.05.2022).

[59] Ibid.

[60] Fler unga ansöker nu själva om att få göra lumpen. *Dagens Nyheter.* 2022.03.19. URL: https://www.dn.se/sverige/fler-unga-ansoker-nu-sjalva-om-att-fa-gora-lumpen/ (accessed 26.04.2022).

[61] Ny mätning: Plikt för båda könen får stort stöd. *Dagens Nyheter.* 2016.09.27. URL: https://www.dn.se/nyheter/sverige/ny-matning-plikt-for-bada-konen-far-stort-stod/ (accessed 26.04.2022).

Таблица 3. Характеристика призыва в странах Северной Европы
Table 3. Trends in the usage of conscription in Nordic countries

Финляндия	Дания	Швеция	Норвегия
Обязателен для мужчин 18–30 лет и носит всеобщий характер. Женщины могут служить, но не обязаны.	Обязателен для мужчин 18–30 лет, однако носит выборочный, конкурсный характер. Большинство военнослужащих выступают добровольцами, 30–50% подлежащих призыву проходят военную службу. Женщины могут служить, но не обязаны.	Отменён в 2010 г. и восстановлен в 2017 г. Обязателен для мужчин и женщин и носит выборочный, конкурсный характер.	С 2015 г. обязателен для мужчин и женщин и носит выборочный, конкурсный характер.

Источник: составлено по Strand S. 2021. The «Scandinavian Model» of Military Conscription: A Formula for Democratic Defence Forces in 21st Century Europe? *Austrian Institute for International Affairs. Policy Analysis.* № 5. p. 1-13. URL: https://www.oiip.ac.at/en/publikation/the-scandinavian-model-of-military-conscription-a-formula-for-democratic-defence-forces-in-21st-century-europe/ (accessed 10.09.2022)

Возвращение призыва встретило широкую поддержку в риксдаге, и ни одна из партий не выступила против этой инициативы. Описанные меры в совокупности приводят к росту привлекательности военной службы среди шведов. В 2019 г. 79% населения Швеции частично или полностью одобряли введение призыва в 2017 г., в то же время только 9% выступали против, доля молодёжи (19–29 лет), которая положительно относится к службе в армии, возросла с 27% в 2013 г. до 65% в 2019 г.

Высока и степень доверия вооружённым силам в обществе. В марте 2022 г. «Барометр доверия» (*швед.* Förtroendebarometer), исследование, проводимое ежегодно с 1997 г. некоммерческой организацией Medieakademin и измеряющее степень доверия населения Швеции по отношению к различным общественным институтам, зафиксировало рекордную цифру для вооружённых сил – 65%, что является самым высоким уровнем с момента начала измерений[62].

Директор по связям с общественностью вооружённых сил Швеции Матс Стрём связывает это с тем, что деятельность различных представителей организаций стала шире освещаться в средствах массовой информации в связи с событиями на Украине в феврале–марте 2022 г. и «неопределённой ситуацией в мире». В 2016 г. уровень доверия к вооружённым силам составлял 36%, так что прирост является уникальным по сравнению с другими предприятиями и организациями. Шведское налоговое агентство (*швед.* Skatteverket) и Служба

[62] Försvarsmaktens förtroende närmar sig toppen. *Forsvarsmakten*. 22.03.2022. URL: https://www.forsvarsmakten.se/sv/aktuellt/2022/03/forsvarsmaktens-fortroende-narmar-sig-toppen/ (accessed 26.04.2022).

государственной безопасности Швеции (*швед*. Säpo) на один процент обгоняют вооружённые силы – 66%, но не могут отличиться настолько же высоким приростом в такие краткие сроки, хотя уровень доверия к ним традиционно остаётся высоким.

Однако число добровольцев в количестве призывников оказалось меньше ожидаемого. В 2021 г. их доля составила всего 19%, в дальнейшем по мере увеличения числа призывников это может создать трудности для соблюдения принципа добровольности и учёта индивидуальной мотивации призывников (Strand 2021). По сравнению с периодом холодной войны, когда в Швеции ежегодно призывалось около 50 тыс. чел. и государство имело возможность мобилизовать до 800 тыс. военнослужащих, сейчас ежегодно призывается около 5–8 тыс. чел., а число военнослужащих, включая резервистов, национальную гвардию Швеции (*швед*. Hemvärnet) и гражданских служащих в системе вооружённых сил составляет около 52 тыс. чел.[63]

Вместе с тем изменилось восприятие военной службы. Если с момента введения всеобщей воинской повинности в 1901 г. и фактически до окончания холодной войны на рубеже 1980–90-хх гг. служба в вооружённых силах воспринималась как «мастерская нации», где готовили не только военнослужащих, но и образцовых граждан, и как способ демократизации вооружённых сил, в которых ранее, как представлялось, ведущее место принадлежало узкой социальной элите (достаточно вспомнить популярный в Швеции лозунг 1890–1900-х гг. «один мужчина – один голос – одна винтовка» – «en man – en röst – ett gevär»[64]), то сейчас вооружённые силы Швеции выступают лишь одним из многих работодателей на рынке труда, которым приходится конкурировать за получение молодых кадров, предлагая им в том числе перспективы профессионального развития (Strand 2022).

* * *

Возросшая в последнее десятилетие конфликтность в мировой политике не может не оказывать влияние как на позиционирование Швеции в международных делах (отход от условного нейтралитета и политики «неприсоединения»), так и на форму обеспечения национальной безопасности (возвращение и модернизация стратегии «тотальной обороны»). Современная «тотальная оборона» Швеции включает в себя гораздо больше функций, чем просто физическая оборона национальных границ. Это последовательная стратегия защиты национальных интересов, принципов и ценностей демократического разви-

[63] Hedlund S. 2019. Sweden Rebuilds its Military Force, Maybe. *GIS*. 30.10.2019. URL: https://www.gisreportsonline.com/r/sweden-military/ (дата обращения: 26.04.2022)

[64] Förutsättningar för krisberedskap och totalförsvar i Sverige. 2021. *Försvarshögskolan, Centrum för totalförsvar och samhällets säkerhet*. S. 292.

тия и парламентаризма, важнейшая составляющая шведской модели развития. В шведском представлении, для устойчивого развития общества необходимо сохранение стабильного функционирования военных и гражданских органов власти и организаций как в мирное время, так и в условиях введения чрезвычайного положения или других форм объявления чрезвычайной ситуации. Поэтому важной особенностью современной шведской стратегической культуры, в том числе и в её преломлении на концепцию «тотальной обороны», является приоритет следования установленным нормам, верховенству права и в целом сохранения основных принципов функционирования «шведской модели», которая представляет собой не столько совокупность высоких социально-экономических показателей, сколько комплекс политических и социально-экономических механизмов, общественных структур и соответствующего мировосприятия.

В кризисной ситуации, однако, такая политика рождает противоречие между требованиями консолидации и централизованного принятия решений и либеральным, открытым характером шведского общества и экономики, а также принципами ответственности, субсидиарности и аналогии, которые лежат в основе современной системы реагирования на чрезвычайные ситуации. «Тотальная оборона» становится стратегией выстраивания такой системы реагирования на кризисы, которая бы оказалась операциональной в условиях как мира, так и потенциального вооружённого конфликта без введения чрезвычайных механизмов управления и сосредоточения исключительных полномочий в руках отдельных органов власти или группы лиц. Кроме того, возросшая роль частного сектора (в особенности в сфере поставок оборонной продукции, медицинского обслуживания, продовольственного обеспечения) требует установления долгосрочного устойчивого сотрудничества между государственными и частными субъектами на центральном, региональном и местном уровнях посредством государственно-частного партнёрства.

«Внешнее» измерение реализации концепции «тотальной обороны» связано с традиционным «моральным» лидерством Швеции в продвижении гражданских, невоенных механизмов кризисного регулирования, которое, однако, было дискредитировано поставками летального вооружения Украине в марте–апреле 2022 г. При этом высокая степень интернационализации шведского ОПК и традиционные связи с крупными американскими и британскими производителями вооружений делают шведские оборонные компании скорее сторонниками евроатлантического вектора внешней политики, что является важным фактором дискуссии относительно вступления Швеции в НАТО.

Об авторах:

Никита Евгеньевич Белухин – исполнитель проекта РНФ № 20-78-10159, МГИМО МИД России, младший научный сотрудник Отдела европейских политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. 117997, Москва, улица Профсоюзная, 23. E-mail:belukhin@imemo.ru

Владислав Владиславович Воротников – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки; директор Центра европейских исследований Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76; ведущий научный сотрудник отдела исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. E-mail: v.vorotnikov@my.mgimo.ru

Светлана Юрьевна Дианина – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры языков стран Северной Европы и Балтии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: s.dianina@my.mgimo.ru
Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-10159 «Феномен стратегической культуры в мировой политике: специфика влияния на политику безопасности (на примере государств Скандинавско-Балтийского региона)».

Конфликт интересов:
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:
Исследование выполнено за счёт гранта РНФ (проект No 20-78-10159).

UDC: 327, 316.7
Received: January 15, 2022
Accepted: December 20, 2022

The Total Defense Concept as the Embodiment of Sweden's Strategic Culture

N.E. Belukhin[1], V.V. Vorotnikov[2], S.Y. Dianina[3]
DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-135-165

[1] Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
[2,3] Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: The article deals with the «total defense» concept considering it to be part of Sweden's strategic culture and provides an overview of how this concept defines Sweden's approach towards the defense cooperation within the EU. «Total defence» remains staple in the Swedish defence planning and the perception of risks to national security, but has not yet received sufficient attention from Russian researchers. The announced restoration of the effective total defense system potentially comparable to that of the period of bipolar confrontation is associated with significant difficulties due to the gradual reduction in defense

spending after the end of the Cold War and the decentralization of the national crisis preparedness structures which was initiated in the early 2000s. The total defense itself also reveals tensions between the demands for consolidation and centralized decision-making and the liberal, open nature of the Swedish society and national economy, as well as the principles of responsibility, subsidiarity and similarity that underline the present Swedish emergency response system. The total defense, is, therefore, regarded as an attempt at creating an effective crisis preparedness system that would function successfully in a democratic society, both under the conditions of peace and potential armed conflict, without the need to declare an emergency and endow individual bodies or a selected group of individuals with exclusive powers. The Swedish strategic culture, therefore, stipulates that it is important not only to resolve a crisis effectively, but also to do so in a way which would not endanger the regular functioning of political institutions and the rule of law. Within the EU Sweden has earned credit for developing civilian or non-military elements of crisis management, while «more hardware» defense cooperation within PESCO and the European Defense Fund is defined by the pragmatic economic interests of Swedish defense companies rather than by strategic considerations. The Swedish Experience with «total defence» will continue to face the same dilemma – the need to rebuild a robust and self-reliant national defence while preserving the liberal principles in politics as well as in economy.

Keywords: Sweden, total defense, strategic culture, Swedish Social Democratic Workers' Party, EU, NATO, pandemic, emergency, defense industry

About the authors:

Nikita E. Belukhin – Participant of the RSF Project № 20-78-10159, MGIMO-University, Junior Research Fellow of Department for European Political Studies of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. 23 Profsoyuznaya street, Moscow, 117997, Russia. E-mail: belukhin@imemo.ru

Vladislav V. Vorotnikov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department for European and American Studies, MGIMO-University; Director of the Centre for European Studies of Institute for International Studies of Moscow State Institute of International Relations (University). 76 Vernadsky avenue, Moscow, 119454, Russia; Leading Research Fellow of Institute of Europe of Russian Academy of Sciences. 11-3, Mokhovaya street, Moscow, 125009, Russia. E-mail: v.vorotnikov@my.mgimo.ru

Svetlana Y. Dianina – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Department of North European and Baltic languages of Moscow State Institute of International Relations (University). 76 Vernadsky avenue, Moscow, 119454, Russia. E-mail: s.dianina@my.mgimo.ru

Conflict of interests:
The authors declare absence of conflict of interests.

Acknowledgements:
The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 20-78-10159)

References:

Åselius G. 2005. Swedish Strategic Culture after 1945. Cooperation and Conflict. *Journal of the Nordic International Studies Association.* 40(1). P. 25-44.

Bailes A.J.K. 2016. Small States, Survival and Strategy. *Small States and International Security: Europe and Beyond.* Archer C., Bailes A.J.K., Wivel A (eds.). New York: Routledge. 290 p.

Bertilson F. 2021. The Swedish Defence Research Establishment (FOA) and the Influence of Historical Knowledge on Swedish Civil Resistance Policy. *Scandinivian Journal of History.* 46(4). P. 550-569. DOI: 10.1080/03468755.2021.1880474

Cole P. 1994. *Sweden Without the Bomb: The Conduct of a Nuclear-Capable Nation Without Nuclear Weapons.* Santa Monica, CA: Rand. National Security Research Division. 273 p.

Dahl A.S. 1997. To Be Or Not to Be Neutral: Swedish Security in the Post-Cold War Era. In Inbar E., Sheffer G. (eds.) T*he National Security of Small States in a Changing World.* London: Routledge. P. 183-204. 232 p.

Dahl A.S. 2008. *US Policy in the Nordic-Baltic Region. During the Cold War and After.* Stockholm: Santerus Academic Press. 116 p.

Fredén L. 2006. Återkomster. Svensk säkerhetspolitik och de baltiska ländernas första år i självständighet 1991-1994. Stockholm. 527 s. (In Swedish).

Håkenstad M., Larsen K.K. 2012. Long-Term Defence Planning. A Comparative Study of Seven Countries. Norge, Oslo: Institutt for Forsvarrsstudier, *Oslo Files on Defence and Security.* 103 p.

Jakobsen P.V. 2009. Small States, Big Influence: The Overlooked Nordic Influence on the Civilian ESDP. *Journal of Common Market Studies.* Wiley Blackwell, 47(1). P. 81-102. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2008.01833.x

Lallerstedt K. 2021. Rebuilding Total Defense in a Globalized Deregulated Economy. *PRISM*. 9(3). November. P. 91-104.

Larsson O.L. 2021. The Connections Between Crisis And War Preparedness in Sweden. *Security Dialogue.* 52(4). November. P. 306-324. DOI: 10.1177/0967010620936849

Larsson O.L. 2022. The Swedish Covid-19 Strategy and Voluntary Compliance: Failed Securitisation or Constitutional Security Management? *European Journal of International Security.* Vol. 7. P. 226–247. DOI: 10.1017/eis.2021.26

Meyer C.O. 2005. Convergence Towards a European Strategic Culture? A Constructivist Framework for Explaining Changing Norms. *European Journal of International Relations.* Vol. 11. №4. pp. 523-549. DOI: 10.1177/1354066105057899

Milton P.D. 2011. An Historical and Political Overview of the Reserve Forces of the Two Southern Rim Baltic Sea Countries at the Beginning of the 21 Century. *Baltic Security and Defence Review.* 13(1). P. 17-50.

Sjölin V. 2014. *I skuggan av kriget: svenskt civilförsvar 1937-1996.* [In the Shadow of the War: Swedish Civil Defense 1937-1996]. Stockholm: Instant Book. 258 s. (In Swedish)

Strand S. 2021. The «Scandinavian Model» of Military Conscription: A Formula for Democratic Defence Forces in 21st Century Europe? Austrian Institute for International Affairs. *Policy Analysis.* №5. P. 1-13.

Strand S. 2022. The Birth of the Enterprising Soldier: Governing Military Recruitment and Retention in Post-Cold War Sweden. *Scandinavian Journal of History*. P. 225-247. DOI: 10.1080/03468755.2021.1997797

Wieslander A. 2021. «The Hultqvist Doctrine» – Swedish Security and Defence Policy After the Russian Annexation of Crimea. *Defence Studies.* 22(1). P. 35-59. DOI: 10.1080/14702436.2021.1955619

Wimelius M. E., Engberg J. 2015. Crisis Management Through Network Coordination: Experiences of Swedish Civil Defence Directors. *Journal of Contingencies and Crisis Management.* 23(3). P. 129-137.

Gromyko A.A., Plevako N.S. 2016. O vozmozhnom vstuplenii Shvetsii i Finlyandii v NATO. [On the Sweden's and Finland's Optional Membership in NATO]. *Contemporary Europe.* 2(68). P. 13-16. (In Russian)

Kilin Y.M. 2017. Neitral'nye gosudarstva na rasput'e: problema vstupleniya v NATO Finlyandii i Shvetsii. [Neutral States at the Crossroad: the Issue of Sweden and Finland's Membership in NATO]. *Contemporary Europe.* 2(74). P. 65-76. (In Russian)

Komarov A. A. 2011. Rossiya i nekotorye problemy skandinavskogo nejtraliteta. [Russia and Some Problems of the Scandinavian Neutraliy]. *ENOZH «Istoriya».* 2(5(5)). (In Russian)

Korunova E.V. 2021. Ot eventual'nogo neitraliteta k vneblokovoi politike na nachal'nom etape "kholodnoi voiny": opyt Shvetsii. [From eventual neutrality to non-bloc politics at the initial stage of the Cold War: the experience of Sweden]. *ENOZH «Istoriya».* T.12. №7 (105). (In Russian)

Roginskij V.V. 2018. Severoevropejskie konflikty v Novoe i Novejshee vremya: puti preodoleniya. [The Nordic Conflicts in the Modern Times: the Ways of Overcoming]. *Vestnik MGLU. Obshchestvennye nauki.* 1(794). P. 183-195.

Voronov K.V. 2018. *Severnyi neitralizm: istoricheskii final ili transformatsiya.* [Nordic Neutralism in the 21 Century: Historical Finale or a New Transformation?]. *World Economy and International Relations.* №1. P. 80-89. (In Russian)

Voronov K.V. 2021. Formula bezopasnosti Severnoi Evropy (bol'she NATO, men'she ES, davlenie na Rossiyu). [Security Modus Operandi of the Northern Europe (More NATO, Less EU, Pressure on Russia)]. *World Economy and International Relations.* 65(1), P. 82-89. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Воронов К.В. 2018. Северный нейтрализм: исторический финал или трансформация. *Мировая экономика и международные отношения.* 1(80). С. 80-89.

Воронов К.В. 2021. Формула безопасности Северной Европы (больше НАТО, меньше ЕС, давление на Россию). *Мировая экономика и международные отношения.* 65(1). С. 82-89.

Громыко А.А., Плевако Н.С. 2016. О возможном вступлении Швеции и Финляндии в НАТО. *Современная Европа.* 2(68). С. 13-16.

Килин Ю.М. 2017. Нейтральные государства на распутье: проблема вступления в НАТО Финляндии и Швеции. *Современная Европа.* 2(74). С. 65-76.

Комаров А.А. 2011. Россия и некоторые проблемы скандинавского нейтралитета. *ЭНОЖ «История».* 2(5(5)).

Корунова Е.В. 2021. От эвентуального нейтралитета к внеблоковой политике на начальном этапе "холодной войны": опыт Швеции. *ЭНОЖ «История».* 12(7(105)).

Рогинский В.В. 2018. Североевропейские конфликты в Новое и Новейшее время: пути преодоления. *Вестник МГЛУ. Общественные науки*. 1(794). С. 183-195.

Вестник МГИМО-Университета. 2022. 15(6). С. 166–178
DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-166-178

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

Укоренение в российской повседневности начала XVIII в. западноевропейских интеллектуальных практик нового типа (на примере Феофана Прокоповича)

И.Ю. Хрулёва

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В центре данного исследования – взгляды Феофана Прокоповича, уникального православного мыслителя, испытавшего очевидное влияние на формирование его мировоззрения идей протестантского и католического Просвещения. Рассуждая о Просвещении, современная историография акцентирует внимание на многогранности феномена, предпочитая говорить о Просвещениях, в том числе о религиозном, или конфессиональном Просвещении, направленном на переосмысление роли религии и церкви. Религиозное Просвещение было общеевропейским феноменом, охватившим протестантизм, католичество, иудаизм и православие; оно выросло из стремления создать разумную религию, свободную от суеверия и служащую обществу. Интеллектуальное движение религиозного Просвещения стремилось примирить натурфилософию XVII–XVIII вв. с религиозным мировоззрением, одновременно преодолевая крайности религиозного фанатизма, с одной стороны, нигилизма и безбожия – с другой. Процесс формирования новой интеллектуальной среды отмечен сосуществованием и взаимовлиянием самых разных, порой плохо совместимых традиций, их трансформацией и видоизменением.

Всесторонне аргументируя необходимость неограниченного самодержавия в России, Феофан Прокопович в своих сочинениях активно использовал дискурс Просвещения, рассуждая о проблеме происхождения государства, образе правления, границах власти монарха, правах и обязанностях подданных. На примере Феофана Прокоповича мы можем говорить о возникновении и укоренении в российской повседневности интеллектуальных практик нового типа. Интеграция западноевропейских идей и практик в отечественную культуру была неоднозначной, многогранной и зависела от их адаптации к социально-политическому пространству России. Прекрасно знакомый с сочинениями европейских авторов XVII – начала XVIII вв., этот религиозный мыслитель скорее воспринял формальную

УДК: 321.015
Поступила в редакцию: 03.02.2022
Принята к публикации: 14.12.2022

сторону их рассуждений на общественно-политическую тематику, адаптировал для российской образованной публики концептуальный глоссарий западноевропейского Просвещения, открывавший возможности для того, чтобы по-новому говорить о политике.

Ключевые слова: Просвещение, православие, Феофан Прокопович, Пётр I, интеллектуальный трансфер, естественно-правовая теория

XVIII век – это век колоссального по своим масштабам государственного и общественного переустройства, идеологию которого Россия черпала в известной мере с Запада. В отличие от западноевропейского Просвещения, «ратовавшего за определённый набор идей, которые должны были быть реализованы посредством социальных и политических перемен», русское Просвещение скорее подчёркивало «духовное развитие и моральное совершенствование индивида» (Wirtschafter 2010: 180). Поэтому понятно, сколь значимую роль проводников новых идей играло просвещённое православное духовенство.

По справедливому замечанию О.А. Цапиной, «исследователи русской культуры конца XVII–XVIII вв. обычно сосредотачивали своё внимание на обмирщении культуры. В результате православие не только оказывалось за рамками Просвещения, но и сознательно отстранялось от него как от «абсолютно чуждой для неё светской культуры». Тем не менее исследования последних десятилетий показали, что православная церковная культура играла важную роль в формировании литературных образов, эстетических идеалов и философских концепций, а отношения православия и светской литературы представляли собой скорее диалог нежели противостояние» (Цапина 2004: 303).

Рассуждая о Просвещении – «европейском универсальном феномене, приспосабливающемся к различным временным и культурным обстоятельствам» (Рикуперати 2003: 28) – современная историография акцентирует внимание на многогранности феномена, предпочитая говорить о Просвещениях, в том числе о религиозном, или конфессиональном, направленном на переосмысление роли религии и церкви[1]. Религиозное Просвещение было общеевропейским явлением, которое охватило протестантизм, католичество, иудаизм и православие, и выросло из стремления создать разумную религию, свободную от суеверия и служащую обществу (Sorkin 2008; Sheehan 2005; Eijnatten 2009; Bradley, Van Kley 2001). Интеллектуальное движение религиозного Просвещения стремилось примирить натурфилософию XVII–XVIII вв. с религиозным мировоззрением, одновременно пытаясь преодолеть крайности религиозного фанатизма, с одной стороны, нигилизма и безбожия – с другой. Процесс формирования новой

[1] О многогранности феномена Просвещения см. (Edelstein 2010; Pocock 2008: 94-95).

интеллектуальной среды отмечен сосуществованием и взаимовлиянием самых разных, порой плохо совместимых традиций, их трансформацией и видоизменением.

Западноевропейский интеллектуальный трансфер XVIII в. не изменил русскую общественную мысль в одночасье. Дискуссия о взаимовлиянии культур в рамках общеевропейского пространства, о трансфере и адаптации европейских идей в российском историческом контексте XVIII в. выступает одной из центральных тем современной исторической науки и подразумевает, в числе прочего, изучение истории книги, её авторов, переводчиков, издателей, торговцев, покупателей, подписчиков, читателей и т.д. Чтобы отследить трансфер идей, нужно располагать информацией о точке отсчёта, пути и принимающей стороне. Привычные формулировки «идеи распространялись» или «Просвещение повлияло» вряд ли могут помочь в поиске ответа на вопрос, насколько органично Россия вписалась в ту эпоху в общеевропейское политическое и культурное пространство. Как и в какой мере идеи европейского Просвещения проникли в Россию? Как они были адаптированы? В чём специфика их усвоения? Кто их главные носители?

Сам по себе факт присутствия того или иного сочинения в библиотеке или перевода книги на русский язык не позволяет судить о состоявшемся интеллектуальном трансфере. Например, произведение Джона Локка «Два трактата о правлении», изданное в Англии в 1690 г., появилось в русском переводе с французского издания в 1720-е гг. Автором перевода был, предположительно, князь Д.М. Голицын либо его сын С.Д. Голицын. Сочинение Локка не имело успеха в России; оно не встретило одобрения Петра I, посчитавшего, что чтение подобных сочинений порождает «странные, с мудростью и пользой государства несогласные рассуждения» (цит. по: Польской 2002: 107).

Сочинения западноевропейских авторов могли существовать в русском интеллектуальном пространстве в виде рукописных переводов, заказанных представителями светской и церковной элиты. Наконец, растущее число россиян могли читать иностранные сочинения в оригинале. В период правления Петра I молодые дворяне путешествовали за границу для получения европейского образования и в ходе обучения (и самообразования) могли знакомиться с западноевропейской общественно-политической мыслью. Что касается печатных публикаций, то российская политическая культура тяготела к нравоучительным наставлениям, инструкциям о добродетельной жизни, историческим описаниям. Как убедительно показали российские исследователи К.Д. Бугров и М.А. Киселёв, «доктрины не перемещались из европейского контекста в российский сами собой – по мановению волшебной палочки, а влияние европейской литературы вовсе не сводилось к абстрактному «Просвещению», являя собой на деле сложный конгломерат, где доминировала религиозная и моралистическая литература» (Бугров, Киселёв 2016: 54).

Говоря о петровской модернизации, исследователи обычно указывают на её верхушечный характер и отмечают, что она привела к культурному расколу общества, к возникновению двух, часто противостоящих друг другу, культур, из которых одна начала динамично развиваться, а другая осталась фактически законсервирована. В роли главного потребителя передовой европейской науки и культуры выступала придворная среда, в то время как жизнь рядового помещика даже второй половины XVIII в. характеризовалась противоборством старого и нового укладов, причём инновации касались преимущественно внешних сторон бытовой жизни, в то время как семейные отношения, занятия, менталитет провинциалов определяли, в основном, древнерусские традиции и реалии крепостной России. «Однако реформы, осуществлённые в России XVIII в., в той или иной степени затрагивали всё население страны, определяли его жизнь и меняли её. Если мы говорим об успехе реформ, то речь может идти об изменении ценностных ориентиров общества» (Кулакова 2014: 383).

Полемика религиозного Просвещения часто сосредоточивалась не столько на борьбе с «ересями», сколько на обосновании политики веротерпимости (хотя, разумеется, и с существенными ограничениями). Первостепенное значение придавалось очищению религиозной практики от суеверия, которое зачастую понималось достаточно широко. Родоначальником новой традиции рационалистического осуждения суеверий по праву может считаться Феофан Прокопович (1681–1736), ставший главным идеологом государственно-политических преобразований Петра I. Он неизменно придерживался насмешливо-уничижительного тона при описании «суеверных бредней», «от самых безумных и недобровоспитанных несмыслов вымышленныя бредни и шалости» (цит. по: Смилянская 2004: 207).

Формирование взглядов Феофана Прокоповича

Феофан Прокопович – один из интереснейших представителей православной интеллектуальной традиции, чья деятельность и творчество нередко вызывают противоречивые оценки исследователей (Бугров 2020; Бухаркин 2009; Буранок 2005; Соловьев 2015; Ничик 1977; Винтер 1966; Гурвич 1915). Поворотным моментом в духовном развитии Феофана Прокоповича стало пребывание в Риме около 1700 г., где он «смог наблюдать зарождение католического Просвещения и стал свидетелем кризиса схоластики» (Винтер 1966: 44). В период преподавательской деятельности в Киево-Могилянской академии (1705–1706), полемизируя с классической схоластической теологией, он постепенно оттачивает собственную концепцию, в которой ключевыми понятиями становятся «ясность», «зрение», но главное – «свет», который он противопоставляет мраку невежества и слепоте глупости.

Исследователи обращают особое внимание на существование у Феофана Прокоповича определённой концепции исторического развития, которая также

начала формироваться в киевский период его творчества – он даже ввёл в свой лекционный курс Киево-Могилянской академии раздел «О методе писания истории» (Ничик 1977: 149-150). Отмечая безусловный авторитет Феофана Прокоповича в формировании исторического сознания российской интеллектуальной элиты, К.А. Соловьёв приходит к выводу, что «в этом смысле, вероятно, можно предполагать, что исторический нарратив середины XVIII в, и в "литературной", и в научной его плоскости, находился под серьёзным влиянием как творчества Феофана Прокоповича, так и его личности, взглядов, представлений, воспринятых учениками и младшими современниками» (Соловьёв 2015: 98).

Обращаясь к средневековой русской истории, Феофан Прокопович рассуждает о полномочиях правителя, его «добродетели»; среди главных задач власти он выделяет «расширение территории государства и защиту gравославия». На примере Ярослава Мудрого он формулирует ещё одну ключевую задачу правителя – просвещение народа. Наибольших успехов на этом поприще, по мнению Феофана Прокоповича, добился Пётр I – просвещённый образ Петра создаётся «упоминанием не только Славяно-греко-латинской академии, которой Пётр придал статус государственной, но и похвалой расширению круга "учительных людей"». Таким образом, по мнению К.А. Соловьёва, оставаясь в русле церковнославянской традиции, Феофан Прокопович «попытался использовать образы прошлого не только для укрепления единства власти и православия (что для его главного слушателя – Петра I, звучало, по меньшей мере, архаично), но и для создания на основе старой традиции новых смыслов, лежащих в области светского просвещения и прогресса» (Соловьёв 2015: 104-105).

Всесторонне аргументируя необходимость неограниченного самодержавия в России, Феофан Прокопович, тем не менее активно использовал дискурс Просвещения, рассуждая о проблеме происхождения государства, образе правления, границах власти монарха, правах и обязанностях подданных. На примере Феофана Прокоповича мы можем говорить о возникновении и укоренении в российской повседневности интеллектуальных практик нового типа. Интеграция западноевропейских идей и практик в отечественную культуру была неоднозначной, многогранной и зависела от их адаптации к социально-политическому пространству России. Исследователи, изучающие наследие Феофана Прокоповича, как правило, упоминают имена Гуго Гроция, Самуэля фон Пуфендорфа и Томаса Гоббса среди тех авторов, кто оказал влияние на автора «Правды воли монаршей» (Бугров 2020: 102; Гурвич 1915: 91; Ничик 1977: 148; Whittacker 2003: 56-57). Прекрасно знакомый с сочинениями европейских авторов XVII – начала XVIII вв., Феофан скорее воспринял формальную сторону их рассуждений на общественно-политическую тематику, адаптировал для российской образованной публики их концептуальный глоссарий, открывавший возможности для того, чтобы по-новому говорить о политике. «Каждый такой глоссарий не предполагал резко очерченной доктрины, а был скорее инструментом,

позволявшим доказывать ту или иную точку зрения или интерпретировать те или иные предметы особенным образом» (Бугров, Киселёв 2016: 9).

Вскоре по прибытии в Петербург в 1716 г. Феофан Прокопович прочитал три проповеди. В первой из них – «Слово в неделю осмуюнадесять, сказанное во время присутствия его царского величества, по долгом странствии возвратившагося» – он провозгласил значимость путешествия Петра I в Европу с точки зрения просвещения народа и улучшения системы управления государством: «… странствование дивно объясняет разум к правительству и есть лучшая и живая честной политики школа». По мнению Феофана Прокоповича, именно путешествуя, «благоразумный человек видит многоизменные фортуны играния и учится кротости, видит вины благополучий и учится правилу, видит вину злоключений и учится бодрости и оберегательства, зрит же в чуждых народах, аки в зерцале, свои собственные и своего народа и исправления и недостатки» (Прокопович 1961а: 65). Феофан восторгается любознательностью монарха и его стремлением обрести новые знания: «то бо воистину любомудрие: никогда же приобретенным вещей познанием доволятися, но большего всегда света поисковати» (Прокопович 1961а: 66).

Естественно-правовая концепция Феофана Прокоповича

В своих проповедях Феофан Прокопович постоянно использовал отсылки к естественному праву, рассуждал о «естественном разуме», который позволяет человеку понимать очевидные истины («доводов больших не требует»). При этом понятия «естественный закон» и «естественный разум» в проповеди «Слово в день рождения Господа нашего Иисуса Христа» носили богословский характер (Прокопович 1760: 125-126).

Рассуждая об источниках естественного права, Феофан отдаёт первенство «общественным инстинктам» людей и высказывает мысли, близкие к концепции Пуфендорфа, чьё сочинение – «De officio hominis et civis iuxta legem naturalem» – по поручению Синода было переведено на русский язык Иваном Кречетовским и разрешено к печати лично Петром I (Пуфендорф 1721; Доронин 2008: 37). Согласно Феофану, государственная власть необходима прежде всего, для того, чтобы не нарушался естественный закон, чтобы охранять человеческое общество от злых страстей, точно так же, как гражданское право нужно для сохранения естественного закона: «властей не хотети, — пишет мыслитель, — есть хотети погибели человеческой» (Прокопович 1961б: 83). «Верховная в человецех власть сия-то есть и злострастием человеческим узда и человеческого сожительства ограда, и обережение, и заветренное пристанище. Если бы не сие, уже бы давно земля пуста была, уже бы давно исчез род человеческий. Злобы человеческие понудили человек во един общества союз и сословие собиратися, и придержащими властьми, силою, от всего народа, паче же от самого бога данною,

вооруженными хранити и заступати себе как от внешних супостатов, так и от внутренних злодеев» (Прокопович 1765: 73).

В проповеди «Слово о власти и чести царской», произнесённой 6 апреля 1718 г., Феофан Прокопович вновь рассуждает о «естественных законах», доказывая главенство и незыблемость самодержавной власти: «Зри же аще не в числе естественных законов есть и сие, еже были властем предержащем в народах? Есть тако воистинну! И се всех законов главизна» (Прокопович 1961б: 81-82). Власть в интерпретации Феофана Прокоповича оказывается главным гарантом соблюдения естественных законов: «с одной стороны велит нам естество любите себе и другому не творити, что нам не любо, а со другой стороны злоба рода растленнаго разоряти закон сей не сумнится, всегда и везде желателен был страх, и защитник, и сильный поборник закона, то есть державная власть» (Прокопович 1961б: 82-83). Рассуждения в духе естественно-правовой теории Феофан насыщает выдержками из Священного писания: с одной стороны, «власть державная естественному закону есть нуждна», с другой – «яко власть верховная от самого естества начало и вину приемлет. Аще от естества, то от самого бога, создателя естества» (Прокопович 1961б: 82). Неподчинение «наследной власти» монарха есть нарушение естественного закона и неподчинение Божественной воле. Восстание против власти чревато многочисленными несчастиями: «грех сей влечет за собою тучу, и бурю, и облак страшный бесчисленных бед. Не легко со престола сходят царие, когда не по воле сходят. Тотчас шум и трус в государстве: больших кровавое междоусобие, меньших добросовестных вопль, плач, бедствие, а злонравных человек, аки зверей лютых, от уз разрешенных, вольное всюду нападение, грабительство, убийство». Свои выводы Феофан Прокопович подкрепляет примерами из истории, прежде всего, российской, утверждая, что «опровергаемым властем верховным, колеблется к падению все общество. И сия болезнь в государствах мало когда не бывает к смерти их, яко же можно видети от всемирных историй» (Прокопович 1961б: 92).

Обоснование абсолютистского характера государственной власти – неделимость власти монарха, отрицание права подданных на восстание, которые мы находим в проповедях Феофана Прокоповича, во многом созвучны идеям Томаса Гоббса, изложенным в его «Левиафане». Как и в работах английского политического мыслителя, в проповедях Феофана Прокоповича очевидно «противоречие между традиционными представлениями, естественно-правовой теорией и эмпирическими рассуждениями; он просто использовал любую теорию, подходящую к его убеждениям, обосновывая безоговорочное подчинение власти монарха» (Hamburg 2016: 266). По справедливому замечанию К.Д. Бугрова, «политическая мысль Феофана оставалась эклектичной как по источникам своего формирования, так и по сложному контексту, в котором осуществлялось её функционирование» (Бугров 2020: 106).

Концепция общественного договора в изложении Феофана Прокоповича

Политическая концепция Феофана Прокоповича наиболее последовательно раскрывается в «Правде воли монаршей». Вполне светская картина договорного создания «наследной монархии» дополняется богословскими аргументами: «Ведати же подобает, что народная воля, как в избирательной, так и в наследной монархии, и в протчих правительствах образах, бывает не без собственнаго смотрения Божия … но Божием мановением движима действует, понеже ясно учит Священное писание … что несть власть аще не от Бога. И того ради вся должества, как подданных к Государю своему, так и Государя к добру общему подданных своих, не от единой воли народной, но и от воли Божией происходят» (Правда воли монаршей… 1722: 31-32).

С одной стороны, именно народ своей волей учреждает «наследную монархию» ради «общей пользы». С другой стороны, власть устанавливает Божественная воля, которая действует через народную волю, ибо «несть власти аще не от Бога». Договор, в результате которого было создано государство, не есть основание для восстания против плохого правителя, поскольку народ «не может отменити воли Божией, которая и волю народную двинула … И тако всяк Самодержавный Государь человеческого закона хранить не должен, кольми же паче за преступление закона человеческого не судим есть: заповеди же Божий хранить должен, но за преступление их самому токмо Богу ответ даст, и от человек судим быть не может. Что все довольно покажем и от разума естественного, и от слова Божия, и древних учителей свидетельством». Согласно логике рассуждений Феофана Прокоповича, «должен терпети народ коелибо монарха своего нестроение, и злонравие: якоже и Дух Святый повелевает, не токмо благим и кротким, но и строптивым повиноватися». Примеры из английской истории середины XVII в. (в частности, рассуждения о неправомерности казни Карла I), которые содержатся в тексте «Правды воли монаршей», представляют ещё один косвенный аргумент в пользу знакомства автора с политической концепцией Томаса Гоббса: «И по тому не может народ судить дела Государя своего, инако бо имел бы еще при себе волю общего правления, которую весьма отложил и отдал Государю своему. И того ради пребеззаконное дело было сильных некиих изменников от Парламента Великобританского, над Королем своим Карлом Первым, 1649 года сделанное, от всех проклинаемое, и от самых Англичан уставленным на то повсегодно слезным праздником весьма хулимое, нам же и воспоминания недостойное» (Правда воли монаршей… 1722: 30-31).

Концепцию общественного договора Феофан использует, прежде всего, для того, «чтобы провести грань между разными формами правления и, в частности, между выборной и наследственной монархией. Ведь перед петровским сподвижником стояла сложная задача: одновременно защитить принцип насле-

дования по завещанию и отмежеваться от какой бы то ни было ассоциации с выборной монархией» (Бугров 2020: 106).

Главное противоречие своей политической концепции (безоговорочное повиновение власти монарха, даже если он нарушает договор, заключённый со своим народом), Феофан Прокопович решает, обращаясь к ключевой для европейского Просвещения концепции «общего блага». «Попечение об общей пользе» подданных провозглашается главной задачей любой власти: «власть верховная едину своего установления вину конечную имеет, всенародную пользу» (Правда воли монаршей… 1722: 36). Таким образом, несмотря на то, что естественноправовая аргументация Феофана Прокоповича была встроена в традиционный богословский дискурс, тем не менее его труды создавали благоприятные условия для полноценного восприятия концепций Просвещения.

Удивительный феномен православного Просвещения – синтез светской и духовной культур, традиционного богословия и западноевропейских интеллектуальных практик нового типа – даёт нам возможность пересмотреть наши представления о едином комплексе идей Просвещения. Действительно, «разрыв между "традиционной православной культурой" и "культурой Просвещения" оказывается далеко не таким драматическим, главным образом потому, что "православная культура" была не такой "традиционной", и "Просвещение" – не таким революционным, как это изначально представлялось» (Цапина 2004: 313).

Политическая концепция Феофана Прокоповича, отличавшаяся известным эклектизмом, сочетанием светских и теологических доводов, оказала заметное влияние на развитие русской политической мысли. На примере Феофана Прокоповича мы видим, что рецепция западноевропейских идей в России первой четверти XVIII в. была активным процессом культурного трансфера, сопровождавшегося отбором, внесением поправок, адаптацией.

Об авторе:

Ирина Юрьевна Хрулёва – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4. E-mail: irinakhruleva@mail.ru.

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 321.015
Received: February 3, 2022
Accepted: December 14, 2022

Western European Intellectual Practices of a New Type in Russian Everyday Life at Early 18th Century (case of Feofan Prokopovich)

I.Yu. Khruleva
DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-166-178

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The focus of this study is the views of Feofan Prokopovich, a unique Orthodox thinker whose world outlook was shaped by an obvious influence of the ideas of the Protestant and Catholic Enlightenment. Talking about the Enlightenment, modern historiography focuses on the versatility of the phenomenon, preferring to talk about the Enlightenment, including the religious or confessional Enlightenment, aimed at rethinking the role of religion and the church. The Religious Enlightenment was a pan-European phenomenon that embraced Protestantism, Catholicism, Judaism, and Orthodoxy, and grew out of the desire to create an intelligent religion free of superstition and serving society. The intellectual movement of the religious Enlightenment sought to reconcile the natural philosophy of the 17th-18th centuries with a religious worldview, while trying to overcome the extremes of religious fanaticism, on the one hand, and nihilism and godlessness, on the other. The process of forming a new intellectual environment is marked by the coexistence and mutual influence of the most diverse, sometimes poorly compatible traditions, their transformation and modification. Comprehensively arguing the need for unlimited autocracy in Russia, Feofan Prokopovich, nevertheless, actively used the discourse of the Enlightenment in his writings, discussing the problem of the origin of the state, the mode of government, the boundaries of the power of the monarch, the rights and duties of subjects. On the example of Feofan Prokopovich, we can talk about the emergence and rooting of intellectual practices of a new type in Russian everyday life. The integration of Western European ideas and practices into Russian culture was ambiguous, multifaceted and depended on their adaptation to the socio-political space of Russia. Being well acquainted with the works of European authors of the 17th - early 18th centuries, he rather took on the formal side of their discussions on socio-political topics, adapted a conceptual glossary that was new for the Russian educated public, which opened up opportunities for talking about politics in a new way.

Keywords: Enlightenment, Orthodox Religion, Feofan Prokopovich

About the author:

Irina Y. Khruleva – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, School of History, Moscow State University. Russia, 119192, Moscow, 27-4 Lomonosovskiy Prospect. E-mail: irinakhruleva@mail.ru

Conflict of interest:
The author declares absence of conflict of interests.

References:

Edelstein D. 2010. *The Enlightenment: A Genealogy.* Chicago: University of Chicago Press. 224 p.

Eijnatten J. van, ed. 2009. *Preaching, Sermon and Cultural Change in the Long Eighteenth Century.* Leiden, The Netherlands: Brill. 413 p.

Hamburg G.M. 2016. *Russia's Path toward Enlightenment. Faith, Politics, and Reason, 1500-1801.* New Haven, Connecticut: Yale University Press. 912 p.

Bradley J.E., van Kley D.K. ed. 2001. *Religion and Politics in Enlightenment Europe.* University of Notre Dame Press. 424 p.

Pocock J.G.A. 2008. Historiography and Enlightenment: A View of Their History. *Modern Intellectual History.* 5(1). P. 83-96.

Sheehan J. 2005. *The Enlightenment Bible: Translation, Scholarship, Culture.* Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 296 p.

Sorkin D. 2008. *The Religious Enlightenment: Protestants, Jews, and Catholics from London to Vienna.* Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 360 p.

Whittacker C. 2003. *Russian Monarchy. Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue.* De Kalb: Nothern Illinois University Press. 320 p.

Wirtschafter E.K. 2010. Religion and Enlightenment in Eighteenth-Century Russia: Father Platon at the Court of Catherine II. *The Slavonic and East European Review.* 88(1/2). Personality and Place in Russian Culture (January/April 2010). P. 180-203.

Bugrov K.D., Kiselev M.A. 2016. *Estestvennoe parvo i dobrodetel: integratsiia evropeiskogo vliyaniya v roissiskuyu politicheskuyu kulturu XVIII v.* [Natural Law and Virtue: The Integration of European Influence into 18th-Century Russian Political Culture]. Yekaterinburg: Ural University Press. 480 p. (In Russian)

Bukharkin P.E. 2009. Feofan Prokopovich i dukhovno-intellektual'nye dvizheniia petrovskoi epochi [Feofan Prokopovich and the Spiritual and Intellectual Movements of the Petrine Age]. *Hritianskoje chtenije.* №9–10. P. 100–121. (In Russian)

Buranok O.M. 2005. *Russkaya literatura XVIII veka: Petrovskaya epokha. Feofan Prokopovich.* [Russian Literature of the 18th Century: the Petrine era. Feofan Prokopovich]. 333 p. (In Russian)

Doronin A.V. (comp.) 2008. «*Vvodya nravy i obychai Yevropeyskiye v Yevropeyskom narode». K probleme adaptatsii zapadnykh idey i praktik v Rossiyskoy imperii* [«Introducing European manners and customs in the European people». To the Problem of Adaptation of Western Ideas and Practices in the Russian Empire]. 255 p. (In Russian)

Gourvitch G.D. 1915. «*Pravda voli monarschei» Feofana Prokopovicha i ee zapadnoevropeiskie istochniki* [Pravda Voli Monarschei of Feofan Prokopovich and its Western European Sources]. Yuryev: K. Mattisen. 111 p. (In Russian)

Kulakova I.P. 2014. Rossiyskaya intellektual'naya traditsiya XVIII – nachala XIX v. [Russian Intellectual Tradition of the 18th – Early 19th Centuries] *Idei i lyudi: intellektual'naya kul'tura Yevropy v Novoye vremya* [Ideas and People: the Intellectual Culture of Europe in Modern Times]. P. 382-435 (In Russian)

Nichik V.M. 1977. *Feofan Prokopovich.* Moscow: Mysl. 192 p. (In Russian)

Pol'skoy S.V. 2002. Politicheskiye idei Dzhona Lokka v Rossii pervoy poloviny XVIII veka [Political Ideas of John Locke in Russia in the First Half of the 18th Century]. *Filosofskiy vek. Al'manakh 19. Rossiya i Britaniya v epokhu Prosveshcheniya: Opyt filosofskoy i kul'turnoy komparativistiki.* [Philosophical Age. Almanac 19. Russia and Britain in the Age of Enlightenment: An Experience in Philosophical and Cultural Comparative Studies]. P. 107-114. (In Russian)

Pravda voli monarshej vo opredelenii naslednika derzhavy svoej [The Truth of the Will of the Monarch in Determining the Heir of His Power]. 1722. Moscow: Moscow. type. (In Russian)

Prokopovich F. 1760. «Slovo v den' rozhdeniya Gospoda nashego Iisusa Hrista» ["A Word on the Birthday of our Lord Jesus Christ"]. *Words and speeches instructive, praiseworthy and congratulatory. Part 1*. Saint Petersburg. (In Russian)

Prokopovich F. 1765 *Slova i rechi pouchitel'nyya, pohval'nyya i pozdravitel'nyya* [Words and Speeches Instructive, Praiseworthy and Congratulatory]. *Part III*. Saint-Petersburg. (In Russian)

Prokopovich F. 1961a. Slovo v nedelyu osmuyunadesyat', skazannoe vo vremya prisutstviya ego carskogo velichestva, po dolgom stranstvii vozvrativshagosya [A Word in the Seventh Week for Ten, said During the Presence of His Royal Majesty, who Returned on a Long Journey]. *Sochineniya*. Edited by I.P. Eremin. Moscow. (In Russian)

Prokopovich F. 1961b. *Sochineniya* [Essays]. Edited by I.P. Eremin. Moscow. (In Russian)

Pufendorf S. 1721. *O dolzhnostyah cheloveka i grazhdanina po zakonu estestvennomu* [About the Positions of a Person and a Citizen According to the Natural Law]. Saint Petersburg. (In Russian)

Smilyanskaya Ye.B. 2004. «Suyeveriye» i ratsionalizm vlastey i poddannykh v Rossii v XVIII v. ["Superstition" and Rationalism of Authorities and Subjects in Russia in the 18th Century]. *Yevropeyskoye prosveshcheniye i tsivilizatsiya Rossii* [European Enlightenment and Civilization of Russia]. P. 204-211. (In Russian)

Solov'yev K.A. 2015. Obrazy russkoy istorii v oratorskoy proze Feofana Prokopovicha [Images of Russian History in the Oratorical Prose of Feofan Prokopovich] *Khristianskoye chteniye* [Christian reading]. P. 97-120. (In Russian)

Tsapina O.A. 2004. Pravoslavnoye prosveshcheniye – oksyumoron ili istoricheskaya real'nost'? [Orthodox Enlightenment – an Oxymoron or a Historical Reality?] *Yevropeyskoye prosveshcheniye i tsivilizatsiya Rossii* [European Enlightenment and civilization of Russia]. P. 301-313. (In Russian)

Vinter E. 1966. Feofan Prokopovich i nachalo russkogo Prosveshcheniya [Feofan Prokopovich and the beginning of the Russian Enlightenment]. *XVIII vek.* [18th Century]. P. 43-46 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Бугров К.Д. 2020. Провидение и власть: политическая мысль Феофана Прокоповича. *Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки.* 22(1(196)). С. 99-111.

Бугров К.Д., Киселев М.А. 2016. *Естественное право и добродетель. Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 480 с.

Буранок О.М. 2003. *Русская литература XVIII века: Петровская эпоха.* Феофан Прокопович. Москва: Флинта. 333 с.

Бухаркин П.Е. 2009. Феофан Прокопович и духовно-интеллектуальные движения Петровской эпохи. *Христианское чтение.* № 9-10. С. 100-121.

Винтер Э. 1966. Феофан Прокопович и начало русского Просвещения. *XVIII век.* Москва, Ленинград. Сб. 7: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. С. 43-46.

Гурвич Г.Д. 1915. *«Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники.* Юрьев: Тип. К. Маттисена. 111 с.

Доронин А.В. (сост.) 2008. *«Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи.* Москва: Российская политическая энциклопедия. 255 с.

Кулакова И.П. 2014. Российская интеллектуальная традиция XVIII – начала XIX в. *Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время.* Под ред. Л.П. Репиной. Москва: Аквилон. С. 382-435.

Ничик В.М. 1977. *Феофан Прокопович.* Москва: Мысль. 192 с.

Польской С.В. 2002. Политические идеи Джона Локка в России первой половины XVIII века. *Философский век. Альманах 19. Россия и Британия в эпоху Просвещения: Опыт философской и культурной компаративистики.* Часть 1. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский Центр истории идей. С. 107-114.

Правда воли монаршей во определении наследника державы своей. 1722. Москва: Моск. тип. С. 31-32.

Прокопович Ф. 1760. «Слово в день рождения Господа нашего Иисуса

Прокопович Ф. 1765 Слова и речи поучительныя, похвальныя и поздравительныя. Ч. III. Санкт-Петербург.

Прокопович Ф. 1961а. Слово в неделю осмуюнадесять, сказанное во время присутствия его царского величества, по долгом странствии возвратившагося. Сочинения. Под ред. И.П. Еремина. Москва.

Прокопович Ф. 1961б. *Сочинения*. Под ред. И.П. Еремина. Москва.

Пуфендорф С. 1721. *О должностях человека и гражданина по закону естественному.* Санкт-Петербург.

Смилянская Е.Б. 2004. «Суеверие» и рационализм властей и подданных в России в XVIII в. *Европейское просвещение и цивилизация России.* Под ред. С.Я. Карпа, С.А. Мезина. Москва: Наука. С. 204-211.

Соловьёв К.А. 2015. Образы русской истории в ораторской прозе Феофана Прокоповича. *Христианское чтение.* №5. С. 97-120.

Цапина О.А. 2004. Православное просвещение – оксюморон или историческая реальность? *Европейское просвещение и цивилизация России.* Под ред. С.Я. Карпа, С.А. Мезина. Москва: Наука. С. 301-313.

Вестник МГИМО-Университета. 2022. 15(6). С. 179–193
DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-179-193

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

Взгляды в современном Иране на Персидский поход Петра I

М.А. Подрезов

Институт востоковедения Российской академии наук

Статья посвящена исследованию исторической памяти современных иранцев о малоизученном периоде российско-иранских отношений – Персидском походе Петра I, ставшем первой серьёзной попыткой России завоевать территории своего южного соседа. Автор анализирует трактовку этого события в научных статьях персоязычных авторов, материалах иранских информагенств и учебных пособиях. Значительное внимание уделяется исследованию особенностей восприятия иранцами Персидского похода в сравнении с российско-иранскими войнами начала XIX в. Автор приходит к выводу, что кампания Петра I не воспринимается иранцами как война и чётко отграничивается от конфликтов последующего века. Такое отношение обусловлено кратковременностью похода, быстрым мирным восстановлением статус-кво, отсутствием формального состояния войны между Россией и правительствами Тахмаспа II и шахов из династии Хотаки и вооружённых столкновений между армиями двух стран. Персидский поход не рассматривается ни в немногочисленных публикациях по исторической проблематике иранских СМИ, ни в разделах учебной литературы, посвящённых Петру I, ни в научных исследованиях. Подобное «забвение» нельзя объяснить отсутствием интереса к фигуре первого российского императора: он чаще других российских правителей упоминается в СМИ, а в учебной и научной литературе ему уделено внимания больше, чем другим российским историческим деятелям. В современной иранской историографии Пётр I предстаёт как фигура, определившая новый вектор российско-иранских взаимоотношений, но не как лидер, предпринявший попытку экспансии на территории их страны. Изучение представления в современном Иране о фигуре первого русского императора будет полезно в рамках анализа истории двусторонних отношений и факторов, повлиявших на восприятие иранцами образа России.

Ключевые слова: российско-иранские отношения, русско-персидские войны, Тахмасп II, Надир-шах, Петербургский договор

УДК: 327.2
Поступила в редакцию: 10.03.2022
Принята к публикации: 15.12.2022

В настоящее время на фоне ухудшения отношений со странами Запада двустороннее сотрудничество между Россией и Ираном активно развивается. Однако его история знала периоды как взлётов, так и падений. Проведённый в 2007 г. среди студентов Исфаханского университета опрос показал, что более 70% респондентов негативно оценивают историю российско-иранских отношений (Омиди 2008: 83–84; 85–86). Во многом эта оценка сформирована событиями XIX–XX вв.: русско-персидскими войнами 1804–1813 и 1826–1828 гг., участием России в подавлении Конституционной революции 1905–1911 гг., вводом советских и британских войск в Иран в 1941 г. (Омиди 2008: 74). Эти события широко обсуждаются и изучаются иранской исторической наукой, и упоминания о них периодически возникают в политическом дискурсе и в прессе. Между тем Персидскому походу Петра I, который заложил основы российской политики на южном направлении, в Иране посвящено сравнительно мало трудов.

В данном исследовании проведён анализ работ иранских исследователей Персидского похода, публикаций информационных агентств, а также иранских школьных пособий. Исследована оценка похода Петра I с позиции иранских учёных, показано восприятие этого похода современными иранцами в контексте формирования исторической памяти населения в отношении к России.

Трактовка Персидского похода в персоязычном дискурсе

Иранская историческая наука при описании Персидского похода не использует термин «война». В персоязычной литературе «первой» и «второй» войнами Ирана с Россией называют конфликты 1804–1813 и 1826–1828 гг. (Мошфакифар 2008: 91), тогда как события 1722–1723 гг., в зависимости от авторского отношения, трактуют как «поход»[1], «военная кампания», «нападение» (Колизаде 2014: 115-116), «вторжение»[2] или «агрессия» (Хушанг Мехдеви 2007: 62). В современной научной литературе, учебниках и публикациях информагентств применительно к Персидскому походу термин «война» использован только на сайте агентства ИРНА[3] и на странице персидской «Википедии»[4]. Не принимать

[1] Кате'ат-е нав-е джанги-йе петр-е кабир дар хазар кашф шод (В Каспийском море обнаружена часть военного корабля Петра Великого). *ИРНА*. URL: https://www.irna.ir/news/82271560/ (дата обращения: 07.09.2021)

[2] Хамелат-е русие бе иран (Вторжения России в Иран). *Донья-йе эктесад*. URL: https://donya-e-eqtesad.com/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%A7%D9%82%D8%AA%D8%B5%D8%A7%D8%AF-36/3356686-%D8%AD%D9%85%D9%84%D8%A7%D8%AA-%D8%B1%D9%88%D8%B3%DB%8C%D9%87-%D8%A8%D9%87-%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86 (дата обращения: 07.09.2021)

[3] Кате'ат-е нав-е джанги-йе петр-е кабир дар хазар кашф шод (В Каспийском море обнаружена часть военного корабля Петра Великого). *ИРНА*. URL: https://www.irna.ir/news/82271560 (дата обращения: 07.09.2021)

[4] Джанг-е иран ва русие (1722–1723) (Война Ирана и России (1722–1723)). *Википедия*. URL: https://fa.wikipedia.org/wiki/%D8%AC%D9%86%DA%AF_%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86_%D9%88_%D8%B1%D9%88%D8%B3%DB%8C%D9%87_(%DB%B1%DB%B7%DB%B2%DB%B3%E2%80%93%DB%B1%DB%B7%DB%B2%DB%B2) (дата обращения: 07.09.2021)

во внимание «Википедию» не стоит, поскольку на данный момент это самая популярная электронная энциклопедия. Обращает на себя внимание, что у персидской версии статьи источники исключительно русско- и англоязычные, в отличие от статей про русско-персидские войны начала XIX в., то есть оценка Персидского похода привнесена из-за рубежа и не соотносится с собственно иранской.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на признание наличия конфликта между Россией и Сефевидским Ираном в 1722–1723 гг., иранцы (представители академического сообщества и журналисты популярных информагенств) чётко разграничивают поход Петра и русско-персидские войны первой четверти XIX в. Каковы причины подобного подхода?

В Иране опубликовано значительное число трудов, посвящённых войнам с Россией в XIX в. и утрате страной территорий Кавказа, до сих пор с горестью упоминаемое иранцами. Во многих работах по предыстории упомянутых войн стремление Петра I выйти к южным морям и его «политическое завещание» (которое современная наука признаёт позднейшей фальсификацией) рассматриваются как поворотная точка российско-иранских отношений и политики России на Кавказе. Но поход именуется не войной, а некой предысторией русско-персидских войн – даже в немногочисленных статьях, целиком посвящённых походу (Хушанг Мехдеви 2007).

Иранские школьные учебники для старших классов, где описана история страны в конце XVIII – начале XIX вв., вхождение Грузии в состав России (в иранском терминологии – «захват территории Грузии» и «поход на Кавказ») называют событием, положившим начало русско-персидским войнам. Ко времени Петра I относят поворот к экспансии на территории Персии и Османской империи и в направлении Индии[5], но «колониальные» и «захватнические» действия России в отношении Персии рассматриваются лишь с конца XVIII – начала XIX вв.[6].

На наш взгляд, такая трактовка Персидского похода кроется в восприятии его специфики иранской историографией. Во-первых, формально ни шахи из афганской династии Хотаки, ни Тахмасп II не вели войну с Россией (между двумя странами не было серьёзных вооружённых столкновений). Пётр ввёл войска с разрешения Махмуда Хотаки. Предлогом стала, как пишут иранские исследователи, защита жизни и имущества российских подданных на территории Ирана (Зареи 2019: 114). Во-вторых, хотя у Персии и были формально отобраны территории Восточного Кавказа и южного побережья Каспия на основании Петербургского договора 1723 г. с шахским посланником Исмаил-беком

[5] Абухамзе А., Багестани Э., Бижани М., Могадам А.П., Хешмати Ф., Резави А., Хорасани Х.Р., Салими Х., Фатхи К., Салехинийа П. 2020. Тарих (3) – иран ва джахан-е мо'асер (История (3) – Иран и современный мир). Тегеран: Шеркат-е чап ва нашр-е кетабха-йе дарси-йе иран. С. 41.

[6] Велайати А.А., Манеш Д.Е., Мирзаи Г.Р., Таваколи Й., Джавдийан М. 2013. Тарих-е мо'асер-е иран (Современная история Ирана). Тегеран: Шеркат-е чап ва нашр-е кетабха-йе дарси-йе иран. С. 18–19.

и соглашения в Константинополе 1724 г. с Османской империей, значительная часть «присоединённых» территорий (Мазандаран и Астрабад) никогда не находилась под контролем России. Русские войска присутствовали на западном побережье Каспия и в Гиляне – но болезни, распространившиеся во влажном климате южного побережья Каспия, и враждебное отношение местных жителей не дали возможности закрепиться в провинции. Нельзя сказать, что Российская империя не стремилась оставить за собой территории нынешнего Дагестана и Азербайджана, где климат более привычный и которые расположены ближе к основной территории страны. Но когда ситуация в Персии стабилизировалась и к власти пришёл талантливый полководец Надир Афшар, Россия была вынуждена уйти из региона. По Рештскому и Гянджинскому трактатам 1732 и 1735 гг. она вернула Персии завоёванные территории, благодаря чему в регионе установился статус-кво вплоть до конца XVIII – начала XIX вв.

События Персидского похода

Воспроизведём на основе работ иранских авторов общий ход российско-иранских отношений с начала 1720-х гг. до заключения Гянджинского трактата 1735 г.

К 1720-м гг. Сефевидское государство под руководством шаха Солтан Хусейна серьёзно ослабело. Посольство А.П. Волынского, посетившее Персию во второй половине 1710-х гг. с целью разведки обстановки, сообщало о низкой боеспособности армии и общем развале дел. Дипломат писал в Петербург, что через эту страну можно достичь южных морей и Индии, и это завоевание будет нетрудно осуществить (Хушанг Мехдеви 2007: 62). В то время и Турция обратила внимание на Иран: после заключения в 1718 г. Пассаровицкого мира с Австрией её руки были развязаны для наступления на ослабленных Сефевидов.

В 1721 г. Пётр заключил Ништадтский мир, а на следующий год вторгшиеся в Иран афганцы, ведомые Махмудом Хотаки, разбили иранскую армию и взяли Исфахан. Пётр решил воспользоваться воцарившимся Персии хаосом (Хушанг Мехдеви 2007: 63). Дополнительным импульсом к началу похода стало вторжение в Иран османов (Рамазани 2012: 40), также «смотревших жадными глазами» (Савагеб 2019: 101) на территории своего восточного соседа. В 1722 г. войска Петра I, игнорируя требования турок (Рамазани 2012: 42), взяли Дагестан и Дербент. Населению Кавказа было объявлено, пишет иранский исследователь, что целью России является защита своих подданных, а не расширение своих владений (Хушанг Мехдеви 2007: 63).

В начале 1723 г. отряд афганцев осадил Решт, и правитель Гиляна (провинции, центром которой был Решт) направил Петру просьбу прислать войска в помощь окружённому городу. Тогда же Пётр приказал Семёну Аврамову, российскому консулу в Реште, прибыть в Исфахан и требовать возмещения царским подданным убытков в результате восстания лезгин и нападения хивинцев

на русский караван. Махмуд Хотаки ответил, что его власть не распространяется на лезгин и хивинского хана, и России надлежит самой обеспечивать защиту своих подданных (Хушанг Мехдеви 2007: 63–64). Тем самым, в дополнение к приглашению местного правителя Россия получила официальное разрешение центральной власти на ввод войск.

В работах отечественных авторов приводятся иные датировки взятия Решта и несколько отличная последовательность событий, но в рамках настоящего исследования оценка иранской стороной Персидского похода важнее уточнения конкретных фактов. В любом случае российские историки подтверждают, что вводу русских войск в Гилян предшествовала просьба местных жителей о помощи против вторгшихся в страну афганцев (Курукин 2010: 85; Иванов 1977: 201).

Стремительность продвижения российских войск была обусловлена не только отсутствием серьёзного сопротивления, но и желанием не допустить к Каспию османов (Хушанг Мехдеви 2007: 64). При этом Россия стремилась добиться не только фактического контроля над морским побережьем, но и официального признания своих завоеваний Персии.

Теснимый врагами со всех сторон, Тахмасп II Сефевид, видя готовность России к прекращению военных действий и даже установлению союза, отправил на переговоры своего посла Исмаил-бека. 12 сентября 1723 г. был заключён договор, согласно которому Дербент, Баку, Ширван, Дагестан, земли талышей, Гилян, Мазандаран и Астрабад перешли под управление России, которая, в свою очередь, признавала Тахмаспа II законным шахом, становилась его союзником и оказывала содействие в изгнании афганцев из страны. Как пишет иранский историк А. Хушанг Мехдеви, Тахмасп рассчитывал, что эти территории перейдут под контроль русских временно, чтобы предотвратить выход османов к Каспию и Восточному Кавказу и при помощи России прогнать афганцев, в то время как в договоре, заключённом Исмаил-беком, было прописано, что провинции переходят в вечное владение русского царя. Тахмасп был разгневан завершением переговоров до такой степени, что посол боялся вернуться ко двору (Хушанг Мехдеви 2007: 65).

Русский царь неоднократно отправлял посланцев шаху для подтверждения договора (Зареи 2019: 114). Нежелание Тахмаспа подписать документ толкнуло Петра на заключение соглашения о разделе Персии с турками (Хушанг Мехдеви 2007: 66), которые после известия о договоре возобновили наступление и взяли Хой и Керманшах. Несмотря на непризнание шахом условий заключённого Исмаил-беком соглашения, Россия считала их вступившими в силу и юридическим обоснованием перехода прикаспийских территорий в состав империи (Ахангаран 2008: 26).

Сам факт заключения Петербургского договора османы посчитали предательством Россией двусторонних переговоров по Персии, проходивших в тот момент в Стамбуле, но при посредничестве Франции стороны всё же заключили 1724 г. договор о разделе сфер влияния (Рамазани 2012: 47). По Константино-

польскому договору Турции отходили Грузия, Армения, бахтиярская часть Азербайджана вместе с Тебризом, озеро Урмия, провинции Курдистан и Керманшах, а России – территории между Тереком и Араксом, побережье Каспия, Дербент, Дагестан, северная часть Ширвана, Баку, Гилян, Мазендеран и Астрабад. Остальные территории Персии оставались под управлением шаха Тахмаспа при условии, что он признает договор. В противном случае его трон должен был перейти другому представителю коренного населения (Хушанг Мехдеви 2007: 66).

Шах договор не признал. К лету 1725 г. турки заняли территории, которые к ним переходили по договору, а Россия после смерти Петра I прекратила активное продвижение на этом направлении, так что присоединение Мазандарана и Астрабада осталось на бумаге (Хушанг Мехдеви 2007: 66).

Пётр I, вне сомнения, открывший новый этап в российской истории, обладал широким видением и предлагал проекты, для реализации которых государство ещё не имело достаточных ресурсов и возможностей. Из восточных проектов Петра Алексеевича, помимо Каспийского похода, следует назвать также попытку включения в сферу влияния России территорий Средней Азии.

Интересу России к этому региону способствовали сообщения о наличии в долине Амударьи запасов золота, а также потенциальная возможность достичь Индии (Анисимов 2022: 316). Как пишет иранская историография, местные правители искали российской помощи. Когда Пётр, занятый противостоянием со шведами и турками, обратил внимание на этот отдалённый регион, он пришёл к мысли сделать его жителей подданными России. Предполагалось, что в Хиве и Бухаре разместятся русские войска, а расходы на их содержание будут оплачиваться из казны местных правителей (Моради 2016: 64). Но поход Бековича-Черкасского (1717) провалился, а Ориентальная экспедиция Флорио Беневини (1718–1725) не добилась серьёзных политических результатов. К воплощению своих «снов о Хиве» (Моради 2016: 65) Россия вернулась только век спустя – как и к продвижению в Каспийском регионе.

После смерти Петра I его наследие, в том числе неурегулированный территориальный вопрос на западном и южном побережье Каспия, перешло к его менее амбициозным преемникам. В 1726–1727 гг. велись переговоры между Тахмаспом и Василием Владимировичем Долгоруковым, представителем Екатерины I в Гиляне. На тот момент шах терпел серьёзные поражения от преемника Мир Махмуда Хотаки – Ашраф-шаха. Тот заключил договор с османами, признав султана халифом и подтвердив переход к туркам занятых ими иранских территорий в обмен на признание его власти и возвращение ряда городов. Князь Долгоруков предлагал Тахмаспу согласиться с утратой западной части Каспия в обмен на возвращение Гиляна, Мазандарана и Астрабада, но со смертью императрицы и улучшением положения Сефевида переговоры сошли на нет (Ахангаран 2008: 26–27).

В это время на помощь шаху Тахмаспу пришли «патриотические силы» в лице Надира Афшара, позднее основавшего династию Афшаридов, и Фетх-

Али Каджара, предка династии Каджаров. В борьбе между ними за власть верх одержал Надир, постепенно возвративший под власть шаха территории, ранее входившие в состав государства Сефевидов, и стремившийся вернуть также прикаспийские владения. Не имея сил противостоять ни Тахмаспу, ни пользовавшемуся османской поддержкой Ашрафу, Россия заключила с последним 14 января 1729 г. «Первый Рештский трактат»[7], приведший к утрате Ашрафом поддержки Порты. В том же году Ашраф потерпел поражение от войск Надира, который в 1732 г. сместил Тахмаспа II и посадил на престол его малолетнего сына Аббаса III, при котором стал великим визирем. С того времени Россия оказывала поддержку Надиру в надежде, что тот прогонит афганцев и османов (Хушанг Мехдеви 2007: 68).

Став фактическим правителем страны, Надир направил ко двору Анны Иоанновны послов с требованием очистить территории Персии от русских войск; ему ответили, что прикаспийские земли были заняты, чтобы они не попали в руки турок. Россия понимала, что при воинственном Надире Афшаре её договор с турками нереалистичен. Фактически империя не извлекала пользы от своих владений в Гиляне: географические условия препятствовали развитию судоходства на Каспии, а на южном берегу моря отсутствовал порт для приёма кораблей. Провинция была густо покрыта лесами, дороги немногочисленны и находились в плохом состоянии, что сильно осложняло какое-либо передвижение по суше. К тому же население продолжало сопротивление русским войскам, которые во влажном климате массово выкашивались болезнями (Зареи 2019: 118–119). Если Пётр был серьёзно настроен по отношению к южному побережью Каспия, вплоть до намерения переселять в Гилян армян, выселяя при этом коренное население (Зареи 2019: 121), то его преемники были настроены более реалистично.

Военные успехи Надир-шаха и его решимость восстановить границы эпохи Сефевидов привели к заключению в 1732 г. Рештского трактата, по которому Россия вернула Персии Мазандаран, Астрабад и Гилян, оставляя за собой Дербент и Баку до изгнания турок с Кавказа (Хушанг Мехдеви 2007: 69).

В 1734 г., когда Россия и Турция находились на пороге войны, Надир-шах пригрозил, что заключит договор с османами, если Россия не вернёт Персии кавказские территории. На следующий год разгорелась очередная русско-турецкая война. В условиях продолжавшейся Войны за польское наследство Петербург был заинтересован в продолжении войны Надира с турками – и империя пошла на уступки (Рамазани 2012: 51). В 1735 г. был подписан Гянджинский трактат, по

[7] По договору Россия возвращала Гилян и Мазандаран (Ахангаран А. 2008. Джайгах-е кафказ дар сийасат-е хареджи-йе надершах (Место Кавказа во внешней политике Надир-шаха). *Фаслнаме-йе тарих-е равабет-е хареджи.* 37. С. 25) или Ашраф признал положения Петербургского договора (Хушанг Мехдеви А. 2007. Таджавозха-йе пейапе-йе русие бе иран пиш аз джангха-йе иран ва рус (Последовательная агрессия России в отношении Ирана до войн Ирана с Россией). Сима-йе эктесади. 235–236. С. 67.

которому Россия вернула Персии Дербент и Баку, что стало блестящей победой Надира Афшара. Один из пунктов договора – отказ от ведения переговоров с османами без консультаций друг с другом – Персия не выполнила, заключив в 1736 г. мир с турками, что потрясло Петербург (Хушанг Мехдеви 2007: 69).

Таким образом, успехи Надира, сумевшего не только спасти страну от развала, но и восстановить её мощь, а также меньшая амбициозность преемников Петра свели на нет достижения Персидского похода. Фигуру Надир-шаха в Иране оценивают положительно: при нём страна фактически в последний раз пережила взлёт как могущественная военная держава, осуществила масштабную территориальную экспансию и успешно вела войны с соседями. Его взлёт с самых низов до вершин власти, успешные походы на огромной территории: от восточных провинций Османской империи до Дели – составили ему славу «иранского Наполеона» и последнего, в представлении иранцев, великого завоевателя в Азии[8]. В трудах иранских историков отмечается, что Надир на время остановил экспансию северного соседа (Зареи 2019: 115). При этом говорится, что Россия заключила Гянджинский трактат не вследствие настойчивости Надира, а стремясь подлить масла в огонь турецко-иранского противостояние и улучшить отношения с шахом путём возвращения приобретений, слишком дорого ей обходившихся (Ахангаран 2008: 32).

Войнам с Портой первого Афшарида на персидском троне иранская историческая наука уделяет намного больше внимания, чем его взаимоотношениям с Россией, так как Османская империя была традиционным противником Персии в борьбе за доминирование в регионе. Даже при талантах Надира противостояние шло долго и с переменным успехом.

Иранские историки единодушны во мнении, что для России Персидский поход был безрезультатным (Колизаде 2014: 116), если сбросить со счетов то обстоятельство, что турки не смогли выйти к Каспию (Хушанг Мехдеви 2007: 69). Указывается, что Россия тем не менее не утратила надежды на подчинение Кавказа (Хейдари 2009: 146).

Персидский поход в иранской прессе

В аналитических статьях, посвящённых Гюлистану, Туркманчаю, русско-персидским войнам XIX в. или истории Кавказа, Петра упоминают как человека, определившего новый подход России в отношении Кавказа и взаимоотношениям России с Персией. Иногда императора называют зачинателем нового

[8] Надер шах афшар – рузха-йе пайани-йе зендеги ва солтанат-е ахерин фатех-е бохорг-е асьйа (Надир-шах Афшар – последние дни жизни и правления последнего великого азиатского завоевателя). *Тарихблог*. URL: http://tarikhblog.ir/%D9%86%D8%A7%D8%AF%D8%B1%D8%B4%D8%A7%D9%87-%D8%A7%D9%81%D8%B4%D8%A7%D8%B1-%D8%B1%D9%88%D8%B2%D9%87%D8%A7%DB%8C-%D9%BE%D8%A7%DB%8C%D8%A7%D9%86%DB%8C/ (дата обращения: 18.11.2021)

подхода нашей страны к своему южному соседу и Каспию (Амирахмадиян 2012: 2) и даже политики «русификации» моря (Зареи 2019: 113).

В иранском общественно-политическом дискурсе часто упоминаются русско-персидские войны начала XIX в.: по Гюлистанскому миру Персия потеряла значительные территории на Кавказе, а Туркманчайский мирный договор[9] рассматривается как унижение персидской стороны. В прессе поражение Ирана на внешнеполитической арене иногда называют «новым Туркманчаем», в частности, так некоторые СМИ называли подписание Конвенции о правовом статусе Каспийского моря[10].

Однако Персидский поход в иранских СМИ не фигурирует. В редких упоминаниях Петра I публикациями из серии «День в истории» агентств ИРНА и Мехр не затрагивается тема взаимоотношений российского императора с Персией. Агентство Мехр с 2003 по 2007 гг. несколько раз включало в эти рубрики годовщины рождения и смерти Петра, принятия им титула императора, переноса празднования Нового года на 1 января, введения Табели о рангах, вторжения войск Карла XII в Россию, но ни разу не говорилось о Персидском походе. Не упоминает Персидского похода в общей характеристике Петра и ИРНА[11].

В то же время на сайтах иранских СМИ Пётр и Николай II упоминаются чаще остальных российских монархов. Те императоры, при которых Россия вела войны с Ираном, не интересны СМИ: Николай I упоминается редко и вскользь[12, 13], а Александр I не упоминается вовсе.

Персидский поход в иранских школьных учебниках

Для анализа образовательной литературы мы использовали два учебных пособия. Первое, «Иран и современный мир», предназначено иранским школьникам последних лет обучения. Это учебное издание посвящено событиям иранской и всемирной истории от падения государства Сефевидов в 1720-х гг. до ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Второй учебник – «Современная история Ирана», со времён Надир-шаха, по которому обучаются учащиеся начальной и средней школы.

---

[9] Торкманчай; таджробеи талх аз дипломаси-йе каджарха (Туркманчай; Горький опыт дипломатии Каджаров). *ИРНА*. URL: https://www.irna.ir/news/84235383 (дата обращения: 07.09.2021)

[10] Конвансьюн-е режим-е хокуки-йе хазар: махмуд-е садеки несбат бе к торкманча-йе дигяр хошдар дад. (Конвенция о правовом статусе Каспия: Мухмуд Садеки предупредил о «новом Туркманчае»). *Радио замане*. URL: https://www.radiozamaneh.com/407280 (дата обращения: 18.11.2021)

[11] Джахан дар хафт руз пиш-е ру (Мир в ближайшие семь дней). *ИРНА*. URL: https://www.irna.ir/news/80098590 (дата обращения: 07.09.2021)

[12] Фарда дар тарих (Завтрашний день в истории). *Мехр*. URL: https://www.mehrnews.com/news/128080 (дата обращения: 18.11.2021)

[13] Бе сорхи-йе хун, бе сабзи-йе зендеги (Красный как кровь, зеленый как жизнь). *ИРНА*. URL: https://www.irna.ir/news/83319233 (дата обращения: 18.11.2021)

В упомянутой учебной литературе российско-иранским отношениям до XIX в. уделено всего лишь два предложения. Говорится, что после вторжения афганцев «османы и русские воспользовались случаем и захватили северную и западную части Персии»[14]. В параграфе, посвящённом восстановлению целостности Персии, упоминается, что Надир-шах в ходе нескольких войн разбил османов и освободил занятые ими территории. Русские же, «увидевшие военную мощь и воинственность Надира Афшара, вывели свои войска изПерсии до того, как шах перейдёт к военным действиям»[15].

Петру I в учебнике посвящён абзац «Россия на пути военной экспансии», в котором сказано, что деятельность императора привела к «присоединению России к колониальной гонке. Одним из направлений политики Петра… было расширение территорий и получение доступа к свободным морям… преемники [Петра – *М.П.*] проводили широкомасштабные военные операции в Восточной Европе и в бассейнах Балтийского, Чёрного и Каспийского морей, что повлекло за собой многочисленные войны России с Персией, османами и рядом европейских стран, например, с Францией»[16]. То есть вновь подчёркивается, что Пётр определил вектор российской политики на юге, но его личные практические действия в этом направлении, в т.ч. напрямую связанные с иранской историей – Персидский поход – не упоминаются ни прямо, ни косвенно, хотя даже в этом контексте делается отсылка к русско-персидским войнам XIX в.

Следует отметить, что в этом учебнике, охватывающем события иранской и всемирной истории на протяжении трёх веков, Петру I уделяется довольно много внимания. Описанию итогов его деятельности посвящён абзац в 740 знаков: для сравнения, его современнику Надир-шаху уделено 2300 знаков текста, Наполеону – 1200 знаков. Ага-Мухаммеду, жестокому правителю, основавшему крайне непопулярную, но значимую шахскую династию – 1060 знаков. Сталину – 1360 знаков. Приведём в качестве примера для сравнения с Персидским походом раздел учебника про Гилянское восстание и его вождя Мирзу Кучек-хана – событие достаточно далёкое, чтобы не быть мишенью идеологической пропаганды, но весьма важное для иранской истории XX в.: оно описано 1800 знаками[17]. А такие исторические личности, как Махатма Ганди, Мустафа Кемаль Ататюрк и Отто фон Бисмарк упоминаются единожды и вскользь.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, обходя упоминание Персидского похода, иранская учебная программа по истории признаёт значимость фигуры Петра I и выделяет его из числа российских монархов. Пётр – единственный русский император, кто назван по имени.

---

[14] Абухамзе А., Багестани Э., Бижани М., Могадам А.П., Хешмати Ф., Резави А., Хорасани Х.Р., Салими Х., Фатхи К., Салехинийа П. 2020. Тарих (3) – иран ва джахан-е мо'асер (История (3) – Иран и современный мир). Тегеран: Шеркат-е чап ва нашр-е кетабха-йе дарси-йе иран. С. 16.

[15] Там же. С. 17.

[16] Там же. С. 31.

[17] Там же. С. 93–94.

Также следует отметить, что в описании фигуры Петра I отсутствует негативная окраска. Если бы Каспийскому походу придавалась значимость – нет сомнений, это было бы упомянуто. При этом «посягательствам России на территории Персии» в начале XIX в. уделено несколько страниц[18] и нельзя сказать, что авторы стремились к бесстрастной оценке деятелей. И в других случаях нейтральный стиль уступает идеологии. Так, в описании Сталина присутствуют упоминания развязанной им «кровавой бойни»[19] (имеются в виду репрессии), а большая часть повествования о Касеме Сулеймани посвящена его убийству «большим шайтаном» (США) и «горю, охватившему всё пространство от Кербелы до Мешхеда»[20]. Напротив, в описании правления Петра соблюдён нейтральный стиль изложения.

В начале учебника «Современная история Ирана» описан период правления династии Сефевидов и изложена основная информация о Надир-шахе; упоминаний России нет. Войнам Персии с Россией в первой четверти XIX в. уделено несколько страниц[21], однако описание предыстории этих конфликтов начинается с политики Екатерины II на Кавказе и в отношении Грузии.

* * *

Проделанный анализ демонстрирует, что Персидский поход Петра I не имеет такой же негативной оценки в иранском обществе, как русско-персидские войны XIX в. Это во многом забытое событие истории российско-иранских отношений из-за формального отсутствия состояния войны между двумя странами, кратковременности его результатов и мирного возвращения Надиром Афшаром прикаспийских территорий.

Анализ научных статей, учебной литературы и иранских СМИ показывает, что в современном Иране Персидский поход не рассматривается как война между двумя странами. В литературе чётко проводится грань между войнами XIX в., по итогам которых были подписаны Гюлистанский и Туркманчайский мирные договоры, и предшествовавшими событиями.

В иранских источниках Персидский поход не считается официальным конфликтом между двумя странами. Действуя с согласия официальных властей в лице Махмуда Хотаки, а также по приглашению местного населения, Пётр I ввёл войска под предлогом защиты своих подданных. На своём пути русские не столкнулись с каким-либо серьёзным сопротивлением и достаточно быстро заняли территории от Дагестана до Гиляна. Более того, урегулирование территориаль-

[18] Там же. С. 41–44.
[19] Там же. С. 101.
[20] Там же. С. 188.
[21] Велайати А.А., Манеш Д.Е., Мирзаи Г.Р., Таваколи Й., Джавдийан М. 2013. Тарих-е мо'асер-е иран (Современная история Ирана). Тегеран: Шеркат-е чап ва нашр-е кетабха-йе дарси-йе иран. С. 18–21.

ного вопроса проходило исключительно в рамках дипломатии, без военных действий, хотя и было заключено двустороннее соглашение между Россией и Османской империей о разделе сфер влияния в Персии.

Ни при Петре I, ни при его преемниках Россия не смогла добиться от Персии признания того факта, что упомянутые в Константинопольском и Петербургском договорах территории остаются во владении России даже с оговорками. Достаточно быстро позиции Тахмаспа II, поддержанного талантливым полководцем Надиром Афшаром, укрепились и он потеснил своих врагов. Свергнув Тахмаспа и став фактическим правителем Ирана, Надир продолжил воссоздание государства в границах периода Сефевидов. Россия, заинтересованная в продолжении персидско-турецкой войны и боясь заключения между ними сепаратного мира, по условиям Рештского и Гянджинского трактата вернула Персии занятые в правление Петра I территории. При этом на южном побережье Каспия русские присутствовали только в Гиляне. По мнению иранских исследователей, Персидский поход стал для России безрезультатным: правда, удалось не допустить турок к Каспию, но приход к власти Надир-шаха не позволил закрепить территориальные приобретения.

При Надир-шахе Персия пережила блистательный подъём как военно-политическая держава, на фоне чего были забыты предшествовавшие десятилетия смут. С началом XIX в. Персия стала терпеть поражение за поражением. Страна утратила территории, долгие века ей принадлежавшие или находившиеся в её сфере влияния, и превратилась в арену борьбы между западными державами. На этом фоне события Персидского похода выглядят менее значимыми.

Иранская историческая наука, учебная литература и пресса «забыли» Персидский поход, однако внимание к фигуре первого русского императора сохраняется. Пётр как личность упоминается в исторических публикациях и в СМИ чаще, чем все российские монархи. Пётр выделен как важная историческая личность в рамках школьного курса истории. Иранская историография признаёт за Петром идейный поворот в российской южной политике и формирование нового подхода к взаимоотношениям с Персией.

Об авторе:

Михаил Андреевич Подрезов – лаборант-исследователь Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН 107031, Москва, ул. Рождественка,12.
E-mail: podrezovm@gmail.com

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов**.**

UDC: 327.2
Received: March 10, 2022
Accepted: December 15, 2022

Memory of Persian campaign of Peter the Great in modern Iran

M.A. Podrezov
DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-179-193

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences

Abstract: The article investigates the modern historical memory in Iran of the Persian campaign of Peter the Great that became the first serious attempt of Russia to conquer a part of its southern neighbor's territory. The article analyses Iranian historical memory of these events using relevant research publications of Persian-speaking authors, Iranian news agencies, and schoolbooks. It compares the Iranian perceptions of the Peter's Persian campaign and of other Russo-Iranian conflicts at the beginning of the 19th century. The author concludes that the Iranians do not view Peter's campaign as a war and distinguish it from other conflicts of the century. This perception can be accounted for by the short life of the results of the campaign; by the quick, peaceful restoration of the status quo; by the lack of an official state of war between Russia and the governments of Tahmasp II and the shahs from the Hotak dynasty and clashes between the armies of the countries. The Iranian media and educational literature do not mention the Persian campaign, even in the few publications and sections devoted directly to Peter I. Historical literature hardly mentions it either. Such "oblivion" of the main event in Peter's of the first Russian emperor related to Iran does not stem from the degree of attention to his personality in Iran. He appears in the media more often than many other Russian rulers and draws comparatively much attention in the educational and scientific literature - even in comparison with other significant historical figures. Iranian historiography perceives Peter the Great as a ruler who defined a new vector of Russo-Iranian interrogation but not as a person who attempted expansion on the territory of Iran. This experience helps to analyze the history of bilateral relations and the factors influencing the Iranian perception of the Russian image.

Keywords: Russian-Persian relations, Russian-Persian wars, Tahmasp II, Nader Shah, Treaty of Saint Petersburg

About the authors:

Mikhail A. Podrezov – researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031.

Conflict of interest:
The author declares the absence of conflict of interest.

References:

Abuhamze A., Baqestani E., Bizhani M., Moqadam A.P., Heshmati F., Rezavi A., Khorasani H.R., Salimi H., Fathi K. and Salehiniya P. 2020. *Tarikh (3) – iran va jahan-e mo'aser* [History (3) – Iran and Modern World]. Tehran: Sherkat-e chap va nashr-e ketabha-ye darsi-ye iran. (In Persian).

Ahangaran A. 2008. Jaygah-e kafkaz dar siyasat-e khareji-ye nadershah [Place of the Caucasus Region in the Foreign Policy of Nader Shah]. *Faslname-ye tarikh-e ravabet-e khareji.* P. 24-51. (In Persian).

Amirahmadiyan B. 2012. Nam-e darya-ye khazar dar manab'e-ye joqrafyai va tarikhi [Name of the Caspian Sea in Geographical and Historical Sources]. *Ketab-e mah-e tarikh va joqrafya.* P. 2-11. (In Persian).

Heidari A. 2009. Atash dar azarbayjan «Jangha-ye iran va rusiye. Vaz'-e azarbayjan va 'elal-e shekast-e iran» [Fire in Azerbaijan «Iranian-Russian wars, the Situation in Azerbaijan and the Causes of the Defeat of Iran»]. *Tarikh-e mo'aser-e iran.* P. 145-166. (In Persian).

Hushang Mehdevi A. 2007. Tajavozha-ye peyape-ye rusie be iran pish az jangha-ye iran va rus [Russian consistent aggression against Iran before the Iranian-Russian wars]. *Sima-ye eqtesadi.* P. 235-236: 62-73. (In Persian).

Kolizade M. and Rashidzade S. 2014. Estila-ye rusiye-ye tezari bar kafkaz-e jonubi va e'emal-e eslahat-e edari-siyasi dar an mantaqe [Conquest of South Caucasus by Tsars Russia and the implementation of the political and administrative reforms in that region]. *Pazhuhesh dar Tarikh.* P. 112-130. (In Persian).

Moradi M. and Shabani Sani Z. 2016. Barresi-ye naqsh-e rusiye va englestan dar tahajomat-e torkamanan be iran (sade-ye 19) [A study about the role of Russia and Britain in the Turkmans' Raids on Iran (19th century)]. *Faslname-ye elmi-pazhuheshi-ye pazuheshname-ye khorasan-e bozorg.* P. 63-72. (In Persian).

Moshfakifar E. and Javan M. 2008. Naqsh-e niruha-ye mardomi dar jangha-ye iran va rusiye [Role of the people forces in Iranian-Russian wars]. *Faslname-ye motale'at-e basij.* P. 89-105. (In Persian).

Omidi A. 2008. Farhang-e siyasi va ta'asir-e an dar ruykard-e iraniyan be rusiye [Political culture and its impact on the Iranians approach to Russia]. F*aslname-ye asya-ye markazi va kafkaz.* P. 65-90. (In Persian).

Ramazani R. 2012. Ravabet-r khareji-ye iran az safaviye ta baramadan-e nadershah [External affairs of Iran since the Safavid period until the Nader Shah coming to power]. *Faslname-ye tarikh-e ravabet-e khareji.* P. 52-53: 37-62. (In Persian).

Savaqeb J., Lobatfard A. and Hoseini M.2019. Siyasat-e nezami-ye nadershah afshar dar kafkaz [Nader Shah military policy in the Caucasian region]. *Faslname-ye tarikh-e ravabet-e khareji.* P. 97-121. (In Persian).

Velayati A.A., Manesh D.E., Mirzaei G.A., Tavakoli Y. and Javadiyan M. 2013. *Tarikh-e mo'aser-e iran* [Modern history of Iran]. Tehran: Sherkat-e chap va nashr-e ketabha-ye darsi-ye iran. (In Persian).

Zarei A, Motevali A. 2019. Barresi-ye avamel-e napaydari-ye hozur-e nezami-ye rusha dar keraneha-ye jonubi-ye darya-ye khazar az avakher-e safavi-ye ta avayel-e kajar [Study of the factors of the instability of the Russian military presence at the south coast of the Caspian Sea since the end of the Safavid period till the beginning of the Kajar period]. *Pazhuheshha-ye tarikhi.* P. 111-125. (In Persian).

Anisimov E.V. 2022. Dvijeniye imperii Petra Velikogo na Vostok [Eastward Motion of Peter the Great's Empire]. *RUDN Journal of Russian History.* 21(3). P. 312–321. (In Russian).

Inpzemtseva E.I. 2019. *O soyuznikah Rossii v zapadnom prikaspii v 1722-1735 godah* [The Allies of Russia in Western Pre-Caspian Region in 1722–1735]. 11th International Peter the Great Congress, St Petersburg, Russia, 1-2 June 2018. P. 88-98. St Petersburg: Evropeyskiy Dom Publishing.

Ivanov M.S. 1977. *Istoriya Irana* [The History of Iran]. Moscow: Lomonosov University. (In Russian).

Kurukin I.V. 2010. *Persidskiy pohod Petra Velikogo. Nizivoy korpus na beregah Kaspiya (1722-1735)* [The Persian Campaign of Peter the Great. The Lower Reaches Corps on the Caspian coast (1722-1735)]. Moscow: Kvadriga; Ob'edinennaya redaktsiya MVD Rossii. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Анисимов Е.В. 2022. Движение империи Петра Великого на Восток. *Вестник Российского университета дружбы народов.* 21(3). С. 312–321. DOI: 10.22363/2312-8674-2022-21-3-312-321.

Иванов М.С. 1977. *История Ирана.* Москва: Издательство МГУ.

Иноземцева Е. И. 2019. *О союзниках России в западном Прикаспии в 1722–1735 годах. Пётр I и Восток:* Материалы XI Международного петровского конгресса, Санкт-Петербург, Россия, 1–2 июня 2018 года. С. 88–98. Санкт-Петербург: Издательство «Европейский Дом».

Курукин И.В. 2010. *Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735).* Москва: Квадрига; Объединённая редакция МВД России.

Вестник МГИМО-Университета. 2022. 15(6). С. 194–205
DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-194-205

Check for updates

Инициатива «Пояса и пути» как инструмент международной социализации политических элит

А.С. Засеева[1], М.И. Иванова[2], Г.П. Галин[3]

[1, 2] Московский государственный институт международных отношений МИД России
[3] АНО «Институт сравнительных исследований умных городов»

Рецензия на книгу: Tudoroiu T., Ramlogan A. 2022. *China's International Socialization of Political Elites in the Belt and Road Initiative*. Routledge. 292 p. DOI: 10.4324/9781003042532

Ключевые слова: Китай, политическая элита, легитимация элиты, китайская социализация, международное сотрудничество, геополитика

Теодор Тудорой и Аманда Рамлоган, авторы из Тринидада и Тобаго, исследуют в книге «Китайская международная социализация политических элит в рамках инициативы "Пояс и путь"» влияние Китая на политические элиты стран-партнёров, участвующих в китайском экономическом проекте. Под «социализацией» исследователи понимают принятие и одобрение китайских экономических практик, которые отражаются и на других аспектах сотрудничества и приводят к появлению взаимопонимания между элитами КНР и страны-реципиента по большинству международных вопросов. В процессе выстраивания межгосударственных отношений разрабатывается и реализуется политика, отвечающая интересам правительства, бизнеса и граждан Китая на национальном, региональном и глобальном уровнях. В качестве исследовательского метода авторами был выбран конструктивизм, поскольку, с точки зрения Тудорой и Рамлоган, он даёт научную базу для описания социализации политических элит.

УДК: 327.81
Поступила в редакцию: 10.10.2022
Принята к публикации: 02.12.2022

На основе обширного аналитического материала учёные демонстрируют, как процесс социализации легитимирует действия китайской политической элиты в регионе. Социализация политических элит Китаем, по мнению авторов, соответствует гоббсианской модели «подчинения», при которой субъект политики усваивает цели и ценности, декларируемые правящим режимом. Несмотря на то, что различные аспекты ОПОП были проанализированы большим корпусом научных работ (Dorsey 2020; Maçães 2019; Zhao, Wang 2019; Liang, Zhang 2019; The Belt and Road… 2020; Leandro, Duarte 2020), роль политических элит государств-партнёров в объяснении впечатляющего расширения и продвижения данной инициативы ранее подробно не исследовалась.

Следует понимать, что инициатива Пекина носит, в первую очередь, нормативный характер, и уже во вторую – геополитический и геоэкономический. Усилия Китая по расширению своей власти, а также её использование в процессе социализации является частью общей стратегии по объединению государств Глобального Юга в рамках обширной сети тесных партнёрских отношений, что, в свою очередь, способствует созданию нового международного порядка, ориентированного на Китай. Так, ОПОП заменяет классическое использование сфер влияния на основе безопасности, другим, оригинальным подходом, основанным на концепции взаимосвязанности, то есть на убеждении, что сотрудничеству больше способствует степень близости между странами, нежели открыто заявленные личные интересы.

Некоторые исследователи политической элиты Китая указывают на особый стратегический ресурс Поднебесной, основанный на социальной гармонии (Родионов 2015: 260). Китайский менталитет сочетает в себе два начала: с одной стороны, упор на этноцентризм, а с другой – концепцию внешней открытости, подразумевающую наличие выгодных контактов с другими народами. Данное онтологическое обоснование соотносится с логикой выстраивания отношений в процессе реализации мегапроекта «Пояс и путь». Китайской политической элите присуще стратегическое мышление, нацеленное на долгосрочную перспективу и накопление преимуществ для последующего извлечения пользы, что было не раз продемонстрировано в прагматических отношениях Китая с его захватчиками (Мелихов 1970: 264). В рамках ОПОП Китай также стремится выстроить доверие на основе норм, подчёркивающих выгодный характер отношений с ним. Китайское правительство предлагает правила, заменяющие традиционные процедуры торговых соглашений между странами. Данные нормы напрямую влияют на национальную политику государств-партнёров ОПОП в таких значимых областях, как дипломатия, внешний долг, торговля, инфраструктура, трудовые ресурсы, иммиграция и управление.

Сложно не согласиться с мнением военного китаеведа А.П. Девятова, что вся внешняя политика Китая – это игра го, то есть тактика «поглощения, удер-

жания и вбирания в себя»[1]. Данное положение как раз подтверждается результатами шести кейсов в рассматриваемой книге, которые были выбраны с целью более широкого геополитического охвата: Танзания и Шри-Ланка – наименее развитые государства; Тринидад и Тобаго, значительно богаче, но с постколониальным менталитетом; Аргентина, несмотря на свою бедность, воспринимает себя как региональную державу; Новая Зеландия и Греция являются развитыми западными государствами, но они относительно невелики и относятся – географически и экономически – к периферии Запада. Эти шесть достаточно разных кейсов позволяют комплексно исследовать политику Китая, направленную на «социализацию» зарубежных политических элит.

Танзания

Исследование взаимоотношений Китая и политических элит стран-участниц ОПОП авторы решили начать с Африки и более подробно рассмотреть реализацию проекта в Танзании. Африканские страны играют ключевую роль в рамках инициативы «Один пояс и один путь», так как, по мнению китайской элиты, Африка способна удовлетворить стремление Китая к природным ресурсам, новым рынкам, инвестиционным возможностям и безопасности. Посредством реализации инфраструктурных проектов Китай выстраивает выгодные дипломатические отношения, позволяющие создавать стратегические партнёрства, направленные на лишение Тайваня дипломатического признания, противодействовать американской гегемонии и превратить африканские государства в надёжных партнёров, готовых поддержать Пекин в Организации Объединённых Наций и других международных организациях.

Авторы подробно рассматривают историю развития партнёрских отношений с середины 1950-х гг. и отмечают схожесть с современным периодом сотрудничества в их целях. Тогда, как и сейчас, выгоды Пекина были, прежде всего, неэкономическими, другими словами Китай строил «инфраструктуру для дипломатической поддержки». В частности, Танзания сыграла ключевую роль в обеспечении успеха резолюции, которая превратила коммунистический Китай в члена Организации Объединённых Наций в 1971 г. На несколько десятилетий китайско-африканские отношения практически остановились и возобновились с визитом президента Цзян Цзэминя в 1996 г., во время которого он представил предложение из пяти принципов для китайско-африканских отношений. С тех пор сотрудничество достигло впечатляющих масштабов. Деятельность Китая в Африке включает такие аспекты, как торговля, инвестиции, помощь, финанси-

[1] Девятов А. 2008. Китайские игры, или каким образом выстраивается стратегия и политика Пекина. *ЦентрАзия*. URL: https://centrasia.org/newsA.php?st=1214393100 (дата обращения: 23.12.2022)

рование развития, списание долга, культурное и даже военное сотрудничество. На каждом из этих аспектов авторы останавливают своё внимание. Отмечается, что неоспоримый успех Китая в этом масштабном предприятии обусловлен использованием специфического подхода, который впервые был опробован и отлажен в Африке и в конечном итоге применён в других географических регионах по всему «Поясу и пути». В первую очередь, это готовность работать с любым государством, в том числе с тем, которое контролируется авторитарным режимом или характеризуется кредитными рейтингами высокого риска; принятие стратегии проведения торгов с наименьшими затратами, проявление дипломатического внимания к своим партнёрам, участие в престижных проектах, которые местные политические элиты используют для избирательных и более широких легитимационных целей, и помощь в развитии. Это привело к созданию общего положительного имиджа Китая среди африканцев.

Однако не всё идеально, и проведённый авторами опрос среди населения Танзании свидетельствует о ряде проблем и неоднозначном отношении к Китаю и его влиянию на внутреннюю экономику страны со стороны населения.

Авторы подробно анализируют проблемы, касающиеся нелегальной миграции, нарушения законодательства Танзании, случаев жестокого обращения с местными рабочими, стагнации промышленного производства, а также проблемы, связанные непосредственно с политическими элитами, отдельные члены которых вовлечены в громкие коррупционные скандалы. Достаточно подробным образом рассмотрена внутренняя политика бывшего президента Танзании Джона Магуфули, обвинённого со стороны США и Европы в авторитарном стиле правления и преследовании оппозиции, в результате чего на страну был наложен ряд экономических санкций.

Теодор Тудорой и Аманда Р. Рамлоган приходят к выводу, что пока Запад продолжает ограничивать сотрудничество с Танзанией, отношения с Китаем только упрочняются и остаются важными для политических элит обеих стран.

Тринидад и Тобаго

Авторы проводят аналогию между присутствием Китая в стране Карибского бассейна с присутствием Советского Союза на Кубе. Размещение данного проекта на «задворках» Соединённых Штатов превращает его в крупное геополитическое предприятие.

В вопросах социализации и легитимации местных политических элит авторы отмечают следующие особенности: с одной стороны, местные элиты расположены к принятию условий Китая в обмен на его помощь в целях развития. С другой стороны, асимметрия власти гораздо сильнее, чем в других регионах Глобального Юга. Именно эта специфическая ситуация позволила Китаю превратить свои геополитические цели в условия. Кроме того, в течение многих

десятилетий единственной причиной присутствия Китая в Карибском бассейне была «дипломатическая дуэль» с Тайванем.

Воспользовавшись сокращением американских инвестиций в регионе во время финансового кризиса, Пекин поддержал свои национальные компании в формировании основательного присутствия в Карибском бассейне. Значительно возросли инвестиции, контрактные проекты и двусторонняя торговля.

Благодаря главным образом своим нефтяным и газовым ресурсам Тринидад и Тобаго является одним из наиболее развитых государств Карибского бассейна, а также крупнейшей экономикой региона. Китайско-тринидадское партнёрство в значительной степени основано на помощи в целях развития, большая часть которой состоит из многочисленных финансируемых и построенных Китаем престижных инфраструктурных проектов. Другое дело, что все эти проекты по-разному воспринимаются местной элитой, находящейся под влиянием Китая, и самим населением.

Данные проекты стали именоваться преимущественно «престижными», поскольку представляют собой современные высококлассные здания и спортивные сооружения. Они заметно повысили престиж местных правительств в Карибском бассейне. Построенные, как правило, незадолго до национальных выборов, такие проекты помогают повысить электоральную легитимность действующего правительства и увеличить его шансы на очередную победу. Соответственно, такие проекты – мощные инструменты социализации элиты в руках Китая.

Поддержка тринидадской элиты позволяет китайским фирмам и мигрантам-предпринимателям получать и репатриировать прибыль, даже если общество Тринидада не приветствует данный процесс. Тем не менее противоречия между местной элитой и простыми гражданами относительно политики Китая всё ещё препятствует вовлечённости в китайский проект тринидадского комплекса «государство – общество» в целом, что, в свою очередь, является серьёзным препятствием для создания регионального порядка в Карибском бассейне, ориентированного на Пекин. Необходимо помнить, что «Путь и пояс» в Тринидаде, расположенный фактически рядом с Америкой, это в основном геополитический проект, как китайский ответ США за американское присутствие в Южно-Китайском море. Но до тех пор, пока не будет достигнута интеграция всего комплекса «государство – общество» в кубинском стиле, лояльность карибских партнёров всё ещё крайне уязвима.

Шри-Ланка

Шестую главу Теодор Тудорой и Аманда Рамлоган посвятили взаимоотношениям Китая и элит Шри-Ланки. Во вступлении авторы демонстрируют богатое знание истории отношений двух стран начиная со времён правления династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), тем самым указывая на то, что китайско-

шри-ланкийские отношения имеют очень давнюю историю, и это многовековое взаимодействие двух стран легло в основу современного сотрудничества. Авторы приводят любопытные примеры, как Пекин тонко использует символы истории для прокладывания своего пути в Шри-Ланку. Однако этот путь претерпел столько взлётов и падений, что в каком-то смысле Шри-Ланку можно считать энциклопедией славы и злоключений инициативы «Один пояс и один путь».

Авторы отмечают, что на примере Шри-Ланки можно проследить все проблемы и сложности, с которыми сталкивается ОПОП вследствие китайско-индийского соперничества. Исследователи отмечают, что заинтересованность Пекина в создании особых отношений с Шри-Ланкой стимулировали такие факторы как географическое положение, которое превращает остров в важнейший элемент Морского шёлкового пути ОПОП, местоположение позволяет обеспечить безопасность международных морских путей; доступ к богатым и ещё не эксплуатируемым природным ресурсам, такими как уголь, железная руда, природный газ и нефть; значительный рынок для китайских товаров, но кроме того, ограничение способности потенциально враждебных держав, таких как США и Япония, наносить ущерб интересам Китая в регионе.

Для достижения этих целей Китай сделал ставку на привлечение на свою сторону узкой группы правящей элиты и стал поддерживать президента М. Раджапаксу и членов его семьи в форме поставок оружия для победы в конфликте с Тамильским повстанческим движением и защиты от расследований военных преступлений в Организации Объединённых Наций, что обеспечило режиму Раджапаксы его внутреннюю легитимность. Авторы последовательно и подробно разбирают все проекты сотрудничества и причины их неудач. У президента Раджапаксы были только политические и предвыборные цели, а не экономические. Как только он легитимировал свою власть за счёт обещаний населению большого вливания денежных инвестиций, строительства аэропорта, морского порта с предоставлением местному населению большого количества рабочих мест, он обрушил страну в огромную долговую яму за счёт китайских кредитов.

Авторитарная практика режима, милитаризм, разгул коррупции высокопоставленных чиновников и судебной системы, вкупе с финансовым кризисом привели к падению режима. Из-за своего тесного партнёрства с Пекином режим Раджапаксы ассоциировался обществом в целом с негативными последствиями китайских инфраструктурных проектов. И новое правительство, во главе которого встал Майтрипала Сирисена, взяло курс на упрочнение индо-шриланкийских отношений. Однако долговая ловушка, созданная при президенте Раджапаксе, превратила Китай в «единственного игрока», и у правительства Шри-Ланки не было другого выбора, кроме как обратиться к Китаю за дополнительными кредитами и помощью, которые, как Сирисена надеялся, помогут погасить внешний долг. Не способная покрыть огромные финансовые потери, страна начала переговоры о продаже порта Хамбантота и территории в 15 000 акров вокруг него китайцам. Авторы описывают местную и международную

реакцию на это событие, которая была крайне негативной. Сделка описана как «один из самых ярких примеров амбициозного использования Китаем кредитов и помощи для завоевания влияния по всему миру». Китай превратил Шри-Ланку в современную «полуколонию», как это сделали Великобритания и Португалия.

Авторы подводят дискуссию к деликатному вопросу о поддержке Китаем авторитарных режимов на Глобальном Юге, что в некоторой степени противоречит их принципу невмешательства во внутренние дела. В монографии приводятся подробности расследования, в котором было установлено участие китайской государственной фирмы в незаконном финансировании избирательной кампании президента. Однако лагерь, поддерживаемый Китаем, проиграл президентские выборы. Выборы привели к власти антираджапакское правительство во главе с Ранилом Викремесингхе, который хотя и старается вести более независимую от Китая политику, тем не менее не может полностью отказаться от сотрудничества и находится, как отмечают авторы «в тисках» у Китая.

Аргентина

Седьмая глава монографии посвящена инвестиционной, долговой и строительной политике КНР в Аргентине, являющейся одним из ключевых игроков в Латиноамериканском регионе. Авторы провели масштабное исследование внешне- и внутриполитических событий Аргентины за последние 20 лет и отобрали для исследования так или иначе связанные с китайской политикой в регионе.

Если говорить о структуре повествования, то сперва исследователи описывают основные проекты и перспективные интересы КНР в регионе: как и с большинством участников «Пояса и пути», с аргентинцами Китай связывают планы по расширению старых и строительству новых логистических узлов. Порты и железные дороги – первостепенный китайский интерес, который, естественно, обусловлен не сиюминутным желанием какого-либо партийца или даже председателя Китая. С помощью инфраструктурных проектов КНР создает условия, при которых наиболее выгодным путём для экспорта и импорта для страны – объекта застройки становится, соответственно, путь в Китай. Иными словами, Поднебесная завязывает на себе узлы поставок необходимых ресурсов, в случае Аргентины такой ресурс – соя. С экономической точки зрения процесс застройки происходит следующим образом: китайские компании и банки приходят в регион с затрудненным финансовым положением и снижающимся западным влиянием и предлагают простую сделку – крупный кредит и инвестиции в инфраструктуру на том условии, что застройку будет производить китайский подрядчик. Несмотря на то, что политическое руководство страны-реципиента вполне осознаёт опасность попадания в кабальные отношения, оно всё ещё надеется выйти из-под влияния МВФ и западных кредиторов, а также избежать

дефолта, результатом чего становится принятие китайских условий. По итогам сделки перед принявшим её правительством встают весьма неблагоприятные в стратегическом плане перспективы: дефицит государственного бюджета увеличивается за счёт китайского займа (что в исследовательской литературе получило название «политики долговых ям»), основные логистические узлы оказываются в руках китайских компаний, а с точки зрения собственного населения это правительство оказывается аффилированным с КНР. Именно последнее имели в виду авторы, говоря о социализации: умышленное или вынужденное попадание политических элит в китайскую сферу влияния.

Интерес представляют также наблюдения авторов о соотношении внутриполитических игр Аргентины и китайских проектов. На примере двух противоположных аргентинских правительств (умеренно левого и умеренно правого) авторы показывают, что определяющее влияние на успех китайского расширения в регионе оказывают не смены правительства, а состояние государственного бюджета и позиции основных кредиторов (МВФ и США, в случае Южной Америки).

Кроме того, исследователи затрагивают одну из глобальных проблем неолиберальной экономической парадигмы – деиндустриализацию. Как уже было сказано выше, отдельный интерес для Китая представляет аргентинская соя, так что в результате рыночного дисбаланса, вызванного увеличением спроса на сельхозпродукцию и притоком товаров китайской индустрии, экономика Аргентины стала постепенно возвращаться к аграрному состоянию.

Новая Зеландия

Как подчёркивают авторы исследования, несмотря на то, что Новая Зеландия – западное государство, тем не менее оно периферийно по расположению и небольшой численности населения, чем активно пользуются китайские стратеги. Во-первых, новозеландцам выгодно сбывать свои товары на китайские рынки, а Китай, в свою очередь стремится навязать местным элитам правила своего нормативного аппарата, предлагая в качестве материальных стимулов престижные инфраструктурные проекты наподобие тех, что возводили в Тринидаде и Тобаго. Также партнёрство Китая с Новой Зеландией является неким «пробным шаром» на пути проникновения Пекина в более крупные западные проекты. Особый стратегический интерес Китая сосредоточен вокруг пока ещё недостижимой цели китайских элит по вхождению в группу по обмену разведданными «Пять глаз» (разведывательный альянс, в который входят США, Великобритания, Австралия, Канада, и Новая Зеландия), что в дальнейшем может положить конец американо-новозеландскому партнёрству в области безопасности.

Кроме того, Новая Зеландия интересна для Китая с точки зрения дешевой пахотной земли, возможности для исследований в области ближнего космоса, неизведанными месторождениями нефти и газа.

Авторы отмечают, что Новая Зеландия стала первым западным участником Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, а также первой западной страной, подписавшей меморандум о соглашении по инициативе «Пояс и путь». Экономическая целесообразность не является решающей для данного региона, поскольку страна в меньшей степени нуждается в китайских финансах и ноу-хау, но в большей степени – в поддержании интересов Новой Зеландии в Тихом океане. Тем не менее именно торговля представляет собой наиболее важное измерение отношений и вследствие её асимметрии ставит Новую Зеландию в положение сильной зависимости от рынков Китая.

Будучи изначально уязвимым небольшим государством, которому необходимо адаптироваться к структурным ограничениям и учитывать интересы великих держав, Новая Зеландия, тем не менее является развитой страной. В связи с этим те подходы, которые Китай успешно апробировал в менее развитых странах, невозможны. Так, Веллингтон демонстрирует отсутствие интереса к инфраструктурным проектам, но приветствует развитие 5G-технологий за счёт проекта ОПОП.

Политики и политические партии Зеландии находятся под значительным влиянием Китая. Особенно это касается Национальной партии Новой Зеландии, поскольку она стала объектом ряда согласованных действий по политическому влиянию. Соответственно, с точки зрения международной социализации деятельность Китая по взаимодействию с местными элитами, обеспечению доступа к стратегической информации и ресурсам на фоне манипулирования общественным дискурсом имеет в Новой Зеландии тот же эффект, что и престижные инфраструктурные проекты, используемые Пекином в других странах «Пояса и пути2».

Греция

В девятой главе авторы затронули ключевую для многих стран «Пояса и пути» проблему транзитного положения. Под этим понятием подразумевается ситуация, при которой китайский капитал заинтересован в определённой стране не как в поставщике какого-то ключевого ресурса, даже с низкой добавленной стоимостью (каковым стала соя в Аргентине), а исключительно как в пункте транзита товаров в другой регион. На первый взгляд, такое положение не несёт серьёзной экономической опасности для контрагента Китая: это лишь один из способов привлечь инвестиции, не попав в зависимость к «восточному дракону». Однако в случае Греции ситуация оказалась гораздо серьёзнее из-за совокупности её территориального положения, финансовых проблем и внешнеполитической неопределённости.

Исследовательский интерес авторов в этой главе заострён на проекте афинского порта, ставшего, не без помощи КНР, одним из ключевых логистических пунктов Средиземноморья и Европы в целом. В геоэкономическом плане этот

объект – «врата» для китайских товаров, поступающих в ЕС. В данном контексте становятся понятны опасения «германо-французской оси» (данное понятие, введённое исследователями, имеет очевидную негативную коннотацию с историей XX в.) по поводу китайского инвестиционного наступления. Расширение логистических возможностей означает увеличение доли китайской промышленности на рынках ЕС и несёт серьёзную угрозу малым и средним производителям.

Кроме того, авторы по-новому посмотрели на греко-турецкий конфликт, рассмотрев в нём роль факторов китайского капитала. С одной стороны, Афинам очень трудно отказаться от китайских инвестиций и займов, периодически спасающих страну от дефолта. С другой стороны, реальная угроза турецкой агрессии в районе эгейских островов вынуждает Грецию оставаться под крылом НАТО, которое не заинтересовано в расширении влияния КНР в регионе.

Исследователи также указывают, что третьей стороной конфликта становится греческое гражданское общество, которое далеко не всегда одобряет правительственные жесты доброй воли в сторону китайских госкомпаний, которые не только подрывают позиции национального бизнеса, но и занижают ставки рабочих, привлекая на эти рабочие места собственных же мигрантов (такие же тенденции авторы наблюдают и в Аргентине).

Один из ключевых итогов данной работы состоит в том, что во многих странах-участниках проекта «Пояс и путь», слабые, шаткие правительства легитимируют свою власть за счёт программы перспективного экономического сотрудничества с Китаем, но на момент реализации проектов чаще всего не справляются со своими функциями, что влечёт за собой экономический и финансовый кризисы, вслед за которыми идут социальный и политический. Следующее правительство приходит на волне антикитайских общественных настроений, однако после прихода к власти продолжает сотрудничество с Китаем в прежнем масштабе. Таким образом, ОПОП является инструментом для легитимации политических элит в равной степени за счёт китайских, либо антикитайских настроений в обществе.

В свою очередь Китай легитимирует своё присутствие на иностранных территориях за счёт имиджа доброжелательного, стремящегося к гармонии социалиста, в противовес Западу, чьё влияние зачастую носит агрессивно-доминирующий характер.

На фоне других работ западного научного сообщества по схожей тематике, выходивших за последние несколько лет, это исследование удивляет своей проработанностью, беспристрастностью и качеством подобранного материала. Авторы не прибегают к штампам австрийской экономической школы, не опираются на идеалистические утверждения при описании экономических процессов. Тем не менее было бы не лишним прокомментировать ряд замечаний.

Работа представляет значительный интерес для широкого круга исследователей в сфере международных отношений. Целесообразно продолжить изучение инициативы «Пояс и путь» в других странах-участницах, не охваченных авторами данной монографии, взяв за основу данный научный задел.

Об авторах:

Анастасия Сергеевна Засеева – преподаватель кафедры государственного регулирования Московского государственного института международных отношений МИД России. 119454, Россия, г. Москва, ул. Проспект Вернадского, 76. Email: bukhanovas@gmail.com

Мария Игоревна Иванова – преподаватель кафедры государственного управления Московского государственного института международных отношений МИД России. 119454, Россия, г. Москва, ул. Проспект Вернадского, 76. Email: masha-ivanova90@bk.ru

Герман Петрович Гали – аналитик АНО «Институт сравнительных исследований умных городов». 101000, Россия, г. Москва, ул. Лубянка М., Д. 16 эт/пом/ком 1/III/2 Email: galin_g_p@my.mgimo.ru

Конфликт интересов:
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327.81
Received: October 10, 2022
Accepted: December 02, 2022

Belt and Road Initiative as a Tool for the International Socialization of Political Elites

A.S. Zaseeva[1], M.I. Ivanova[2], G.P. Galin[3]
DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-194-205

[1, 2] MGIMO-University
[3] ANO Institute for Comparative Studies of Smart Cities

Book review: Tudoroiu T., Ramlogan A. 2021. *China's International Socialization of Political Elites in the Belt and Road Initiative.* Routledge. 292 p.

Keywords: China, political elite, elite legitimization, Chinese socialization, international cooperation, geopolitics

About the authors:

A.S. Zaseeva – lecturer at the Department of State Regulation of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. 76 Prospekt Vernadskogo str., Moscow, 119454, Russia. Email: bukhanovas@gmail.com

M.I. Ivanova – lecturer at the Department of Public Administration of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. 76 Prospekt Vernadskogo str., Moscow, 119454, Russia. Email: masha-ivanova90@bk.ru

G.P. Galin – analyst at the ANO Institute for Comparative Studies of Smart Cities. 101000, Russia, Moscow, Lubyanka str., 16 fl/pom/com 1/III/2 Email: galin_g_p@my.mgimo.ru

Conflict of interests:
The authors declare absence of conflict of interests.

References:

Dorsey J.M. 2020. *Critical Reflections on China's Belt and Road Initiative.* Springer Singapore.

Maçães B. 2019. *Belt and Road: A Chinese World Order.* Oxford University Press.

Zhao J., Wang L. 2019. *The Belt and Road Initiative in The Global Context.* World Scientific Publishing Company.

Liang H., Zhang Y. 2019. *The Theoretical System of Belt and Road Initiative.* People's Publishing House.

The Belt and Road Initiative and Global Governance. 2020. Edward Elgar Publishing.

Leandro F.J.B.S., Duarte P.A.B. 2020. *The Belt and Road Initiative: An Old Archetype of a New Development Model.* Springer Nature Singapore.

Rodionov M.A., Volkova T.A. 2015. Kitajskie politicheskie elity: istoriya i sovremennost' [Chinese Political Elites: History and Modernity]. *Socio-humanitarian knowledge.* №4. P. 260-274 (In Russian).

Melikhov G.V. 1970. Politika Minskoj imperii v otnoshenii chzhurchzhenej [Policy of the Qing Empire in Relation to the Jurchens (1402-1413)]. *China and neighbors in antiquity and the Middle Ages.* Ed. S.L. Tikhvinsky. Moscow. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Родионов М.А., Волкова Т.А. 2015. Китайские политические элиты: история и современность. *Социально-гуманитарные знания.* №4. С. 260-274.

Мелихов Г.В. 1970. Политика Минской империи в отношении чжурчженей. (1402 – 1413 гг.). *Китай и соседи в древности и средневековье.* Отв.ред. С.Л. Тихвинский. Москва.

Вестник МГИМО-Университета. 2022. 15(6). С. 206–217
DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-206-217

Check for updates

Большая стратегия Китая

У.Б. Кудаяров

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК)

Рецензия на книгу: Doshi R. 2021. *The Long Game: China's Grand Strategy to Displace American Order*. The USA: Oxford University Press. 432 p.

Ключевые слова: Китай, китайская великая стратегия, внешняя политика, великодержавность, мировой порядок, подъём Китая

Возвышение Китайской Народной Республики (КНР, Китай), несомненно, станет одной из величайших драм XXI в. Экстраординарный экономический рост и активная дипломатия Китая уже трансформируют многие регионы мира, а в последующие годы китайская мощь и влияние будут ещё больше возрастать.

По мере усиления могущества Китая и ослабления позиций Соединённых Штатов Америки (США, Соединённые Штаты), скорее всего, произойдет то, что Д.А. Дегтярев со своими коллегами ожидает (Дегтерев, Рамич, Цвык 2021). Мир вступит в новый этап — возможно, не такой драматичный, как после Второй мировой войны, но тем не менее новый, когда архитектура международного порядка снова будет открыта для формирования и перестройки. Другие державы, конечно, также будут стремиться влиять на эти основополагающие правила и институты и формировать их. Между тем Соединённые Штаты и Китай, обладая уникальным могуществом, имеют возможность возглавить борьбу за принципы и логику организации мирового порядка в XXI в.

В течение многих лет западные правительства предполагали, что Китай без особых трудностей присоединится к существующей международной системе, её архитектуре, институтам, ценностям и нормам, лежащим в их основе, и будет поддерживать их (Ikenberry 2008). У Пекина не было причин стремить-

УДК: 327.82
Поступила в редакцию: 11.07.2022 г.
Принята к публикации: 20.12.2022 г.

ся к пересмотру или преобразованию системы, от которой он так много выиграл, особенно после вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2001 г. Однако с момента прихода к власти председателя Си Цзиньпина Китай намерен не только занять на мировой арене центральное положение, соответствующее его экономической и военной мощи, но и перестроить элементы существующей системы, чтобы она лучше соответствовала его взглядам и интересам (Lams 2018).

Китайские государственные служащие и аналитики всё чаще высказываются о том, что Америка потеряла статус главной мировой державы, или по крайней мере подчёркивают, что Вашингтон не в состоянии справиться с этим статусом. Куда сейчас движется китайское «хеджирование»[1] против системного лидера, менее ясно, но Пекин ведёт себя так, будто разрабатывает стратегии, которые позволят ему обойти США[2]. Официальные заявления государственных чиновников высокого уровня Китая содержат некоторые важные подсказки, дополнительные сведения можно получить из работы R. Doshi «The Long Game: China's Grand Strategy to Displace American Order».

Рецензируемая работа представляется одной из самых значительных попыток понять становление Китая в качестве глобальной державы. Книга, написанная Рашем Доши, бывшим сотрудником Брукингского института, ныне – сотрудником Совета национальной безопасности администрации Джо Байдена, базируется на строгих подходах к социально-научным исследованиям и различных источниках с ранжированием их по уровню авторитетности, и имеет чёткую структуру повествования.

Книга состоит из тринадцати глав, которые в совокупности образуют три основные части. Структура книги позволяет продемонстрировать развитие внешнеполитического позиционирования Китайской Народной Республики, давая тем самым возможность понять эволюцию и преемственность в восприятии международной политики китайскими лидерами на протяжении более чем сорокалетней истории. Согласно аргументу Доши, после окончания холодной войны Китай проводит «грандиозную» долгосрочную стратегию, направленную на изменение порядка, установленного США, сначала на региональном уровне, а по мере достижения успеха в этом направлении – и на глобальном.

Намерения, как известно, трудно поддаются оценке, поэтому, чтобы пролить свет на них, Доши ищет свидетельства большой стратегии в авторитетных текстах, институтах национальной безопасности и поведении государства. Автор делает акцент на первичных китайских источниках, дополняя их подроб-

[1] Сочетание развития тесных отношений с сильным партнёром при соблюдении собственных интересов и диверсификации связей с ним, дабы застраховаться от чрезмерной зависимости.

[2] Jan F., Melnick J. 2020. China's Challenge to America's Political and Economic Liberal Order. *The National Interest*. URL: https://nationalinterest.org/feature/chinas-challenge-america%E2%80%99s-political-and-economic-liberal-order-111361 (accessed 10.12.2022)

ными тематическими исследованиями, каждое из которых включает проверку гипотез и рассмотрение альтернативных объяснений действий КНР.

Доши утверждает, что поведение Китая определяется двумя переменными: разрыв силы между восходящей державой и устоявшимся гегемоном и угроза, которую восходящая держава воспринимает от гегемона. Они пересекаются, определяя стратегию восходящей державы. С учётом этого большие стратегии восходящих держав обычно, хотя и не исключительно, развиваются «последовательно от приспособления, притупления, наращивания и затем доминирования» (с. 24). И поведение Китая с точностью соответствует этому шаблону.

Этап притупления наступил тогда, когда Китай перешёл от того, чтобы рассматривать Америку как потенциального союзника во время холодной войны, особенно после дипломатии Ричарда Никсона, к тому, чтобы сначала воспринимать её как экзистенциальную угрозу, а затем – как конкурента, которого можно опередить.

Китайские лидеры были глубоко впечатлены тремя событиями, которые коренным образом изменили восприятие опасности США (глава 3): критикой со стороны США и их попытками вмешательства после событий на площади Тяньаньмэ́нь (1989); лёгкостью, с которой США разгромили Ирак во время Войны в Персидском заливе (1990 – 91); и распадом Советского Союза (1991). Вывод Пекина заключался в том, что Соединённые Штаты больше не были квазисоюзником, противостоящим Советскому Союзу. После того как угроза со стороны Москвы исчезла, Америка снова стала главным врагом Китая. Выдающийся лидер Китая того времени Дэн Сяопин незадолго до распада СССР отмечал: «*Проблема сейчас не в том, упадёт ли знамя Советского Союза... но упадёт ли знамя Китая*» (с. 51). Это новое восприятие угрозы, пишет Доши, стало «*горнилом, в котором должна была сформироваться новая большая китайская стратегия*».

В 1993 г. генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь выступил на Первой Посольской конференции, одной из главных встреч Китая по вопросам внешней политики, и заявил, что «*отныне и в течение относительно длительного периода времени Соединённые Штаты будут нашим главным дипломатическим противником*» (с. 54). Но тогда Цзян Цзэминь не выступал за то, чтобы бросать вызов Америке. Вместо этого он призвал проводить внешнюю политику, известную сегодня как «прятаться и выжидать» (tao guang yang hui). Китай отказался от каких-либо иллюзий относительно возможности сотрудничества с Вашингтоном и приступил к развертыванию стратегии, направленной на продолжение выгодных торговых, научно-технических отношений и на ослабление гегемонистского влияния США без раскрытия собственных намерений в качестве восходящей державы.

С военной точки зрения (глава 4) это означало инвестиции в вооружения, которые ограничивали бы способность США обеспечивать своё присутствие в Тихом океане. Конкретным выражением данного подхода стало строительство

подводных лодок, создание морских мин и противокорабельных ракет, а не вложение инвестиций в явно наступательные вооружения, такие как авианосцы. Более того, Доши находит авторитетные китайские тексты, подтверждающие поразительное сходство структуры сил Китая со структурой сил ныне побеждённого Ирака и призывающие инвестировать в возможности «shashoujian» (булава убийцы). Это включает в себя развитие концепции сдерживания противника (обычно комплексом вооружений) путём создания повышенной опасности для дислокации или перемещения сил противника в защищаемую территорию (Anti-Access/ Area-Denial Capabilities – A2/AD) в противовес возможностям атакующей силы.

С политической точки зрения (глава 5) это предполагало стратегию присоединения к основным международным организациям, в которых доминируют США, например, АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество), с целью внести изменения в их функционирование и заручиться поддержкой союзников Вашингтона в Азии. Наконец, с экономической точки зрения (глава 6) стратегия заключалась в обеспечении доступа на американский рынок и гарантировании инвестиций его компаний в Китай, прежде всего через вступление в ВТО. В то время как американские лидеры рассматривали вступление в ВТО как путь к превращению Китая в более либеральную торговую державу, их китайские коллеги видели в этом способ выйти из-под контроля Америки (с. 100). Эта политика вызвала экономический бум, подобного которому мир редко видел.

Следующий поворотный момент, пишет Доши, наступил в 2008 г. с началом мирового финансового кризиса. Китай увидел в этом возможность не только продолжать ослаблять американскую мощь, но и начать формировать китайскую сферу влияния в Азии. Финансовый кризис коренным образом изменил взгляды Пекина на американскую мощь; теперь Китай увидел, что Америка значительно ослабла, поскольку её экономическая модель дала сбой (глава 7).

Доши призывает обратить внимание на выступление председателя Ху Цзиньтао на 11-й Посольской конференции Китая в 2009 г. В своём обращении Ху Цзиньтао сменил китайскую политику «прятаться и выжидать» на стратегию «активного достижения чего-либо», означающую старт этапа «наращивания» (с. 160). «*Этот, казалось бы, обыденный семантический сдвиг,* — пишет Доши, — *имел огромное значение*». Пекин больше не заинтересован только в ослаблении американской мощи. И в течение следующих восьми лет Китай — сначала при Ху Цзиньтао, а затем при его преемнике Си Цзиньпине — перешёл от ослабления влияния США в Азии к прямому вызову.

Китай стал гораздо более напористым, уверенным в своей способности построить мировой порядок, альтернативный Вашингтону, и создать условия для «сообщества единой судьбы» в Азии, основанного на союзе между азиатскими государствами под руководством Китая.

В военном плане (глава 8) это означает переключение внимания с противодействия вооружённым силам США на усиление собственных наступательных возможностей. Стали больше вкладываться в военное дело и проведение, разработку явно наступательных стратегий: создание авианосцев, десантных кораблей (для вторжения на Тайвань), военных баз за рубежом и военное вмешательство в другие страны с целью обеспечения их политических и экономических интересов.

В политическом плане (глава 9) новая стратегия заключалась в установлении регионального порядка в Азии, с тем чтобы Китай мог стать региональным лидером, поставщиком международных общественных благ, создать новые международные нормы, соответствующие его интересам, и изолировать США и их главного союзника в Азии — Японию. В своей собственной версии Доктрины Монро Китай начал представлять свои интересы как интересы всех стран и народов Азии, обеспечивая их путём создания новых международных организаций, например, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (AIIB – Asian Infrastructure Investment Bank).

Наконец, с экономической точки зрения (глава 10) стратегия заключалась в осуществлении ряда амбициозных проектов, направленных на интеграцию множества стран в их собственную модель развития, с тем чтобы построить экономическую взаимозависимость, которая соответствовала бы интересам Пекина и интересам других государств, и уменьшить влияние доллара США как доминирующей валюты. Конкретными примерами реализации этой экономической стратегии на сегодняшний день является «Один пояс, один путь» (ОПОП), основанный на крупных инвестиционных проектах в Азии, Африке и Европе, а также создание многосторонней и менее ориентированной на доллар финансовой среды, например, путём продвижения юаня, создания альтернативных рейтинговых агентств (с. 254) или попытки заменить международную сеть финансовых коммуникаций SWIFT (с. 250).

После избрания Си Цзиньпина на второй срок в качестве генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Китая (КПК) в 2017 г., согласно Доши, Китай принимает решение настойчиво расширять своё глобальное присутствие.

Как и другие изменения в большой стратегии Китая, этот сдвиг в сторону больших глобальных амбиций был вызван тем, что Пекин считал необратимым разложение и упадок Запада. В 2016 г., за год до выступления Си на съезде КПК, Великобритания проголосовала за выход из Европейского союза, а Дональд Трамп был избран президентом США (с. 268). С точки зрения Китая, который очень чувствителен к изменениям в восприятии американской власти, эти два события были глобально значимыми. Самые могущественные демократии мира выходили из международного порядка, созданию которого они сами способствовали, формируя то, что руководство и внешнеполитическая элита Китая назвали «периодом исторической возможности» для расширения стратегического фокуса страны с Азии на весь мир и его системы управления.

В преддверии этих событий высокопоставленные китайские чиновники уже более смело говорили об амбициях Китая и начале «великих перемен, невиданных за столетие» (с. 267). Эта фраза, любимая Си Цзиньпином, означает оценку китайского руководства, что сама полярность международной системы изменилась навсегда: Китай возродился, а упадок Запада кажется неизбежным. Следовательно, Си стал первым председателем КПК, который никогда не использовал и отказался от термина «прятаться и выжидать» (tao guang yang hui).

С учётом этого повышенный интерес Китая к формированию глобального политического порядка и построению «сообщества общей судьбы человечества» проявляется в широком спектре усилий (глава 12). Доши утверждает, что данные усилия в целом помогают Китаю строить основы своего порядка и воплощаются в жизнь благодаря различным инструментам: через реформирование системы ООН; обеспечение представленности Китая в глобальных региональных организациях; формирование новых коалиций; экспорт определённых методов управления. Во всех направлениях Пекин достиг немалых успехов, что приближает руководство страны к желаемому.

Например, согласно анализу Доши, в китайских правительственных документах фиксируется то, что «*глобальное сообщество общей судьбы и инициатива ОПОП ... были включены во многие резолюции ООН и ... получили широкое признание и тёплый отклик со стороны международного сообщества*» (с. 282). Чтобы добиться влияния в ООН, Пекин воспользовался невниманием США и усердно работал над тем, чтобы поставить своих граждан на высшие руководящие посты в четырёх из пятнадцати специализированных учреждений ООН, включая Организацию Объединённых Наций по промышленному развитию (ЮНИДО), Международную организацию гражданской авиации (ИКАО), Международный союз электросвязи (МСЭ) и Продовольственную и сельскохозяйственную организацию ООН (ФАО). Это больше, чем у любого другого государства. Более того, Китай ранее возглавлял ВОЗ и Интерпол, в настоящее время руководит Департаментом ООН по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ) и едва не стал лидером Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) в 2020 г.

Помимо участия в системе ООН и регионального лидерства в Азии, как заявляет Доши, Китай также установил отношения практически со всеми регионами мира. Наиболее значимые из них включают Форум сотрудничества Китая и Африки (FOCAC), Форум сотрудничества Китая и арабских государств (CACF), Форум сотрудничества Китая и стран Центральной и Восточной Европы (CEEC, или «17+1»), а также Китай и Сообщество латиноамериканских государств (China – CELAC). Эти форумы охватывают 125 стран и формируют отношения между Китаем и регионами на двусторонней основе, а не способствуют многостороннему взаимодействию между множеством заинтересованных сторон (с. 283).

В экономическом плане, согласно Доши, Пекин полагается на технологии как центральную часть своих амбиций по вытеснению американского порядка. Ключевым компонентом китайских «великих перемен, невиданных в течение столетия», является вера в то, что мир переживает новую волну технологических инноваций, иногда называемую «четвёртой промышленной революцией», которая даёт Китаю возможность обогнать Запад (с. 286).

Этот термин, первоначально разработанный на Всемирном экономическом форуме в 2015 г., теперь принят Пекином и в целом относится к широкому спектру технологий: искусственный интеллект (ИИ), квантовые вычисления, биотехнологии и даже цифровые валюты. Пекин считает, что пересечение технологий с цепочками поставок, торговыми схемами, финансовой мощью и информационными потоками способно изменить порядок наряду с традиционными экономическими инструментами, занимавшими центральное место в китайской большой стратегии прошлого столетия. По этой причине экономические инструменты, и в частности технологии, всё чаще оказываются в центре американо-китайского противостояния за глобальный порядок.

Наконец, в военной сфере Китай постепенно смещается в сторону «офшорной» проекции силы, а именно располагать базами по всему миру, стремясь тем самым защитить экономические интересы за рубежом и обеспечить безопасность природных ресурсов. Конечная цель, по мнению Доши, заключается в том, чтобы Пекин «создал зону сверхвысокого влияния» в своём регионе и «частичную гегемонию» в развивающихся странах, связанных с его инициативой ОПОП, которая в конце концов может распространиться и на развитые страны (с. 303).

В целом Доши демонстрирует своё видение того, как может выглядеть китайский порядок, если Китай достигнет своей цели «национального омоложения» к столетней годовщине основания Республики в 2049 г. На региональном уровне на долю Китая уже приходится более половины ВВП Азии и половина всех военных расходов Азии, что выводит регион из равновесия и ведёт к формированию китайской сферы влияния. Полностью реализованный китайский порядок может в конечном итоге включить вывод войск США из Японии и Кореи, прекращение существования американских региональных альянсов, фактическое удаление военно-морских сил США из западной части Тихого океана, поддержка/одобрение соседей Китая по региону, объединение с Тайванем и решение территориальных споров в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

Китайский порядок, скорее всего, будет более принудительным и менее консенсусным, чем нынешний, будет в первую очередь выгоден и будет считаться легитимным в основном для тех немногих, кого он непосредственно вознаграждает. Китай будет устанавливать этот порядок таким образом, чтобы нанести ущерб либеральным ценностям, а авторитаризм китайского толка сильнее распространится по всему региону. Порядок за рубежом часто является отражени-

ем порядка внутри страны, и китайский порядок будет явно нелиберальным по сравнению с порядком США.

Согласно Доши, часть стратегии по достижению такого глобального порядка уже прослеживается в речах Си. В политическом плане Пекин будет проецировать лидерство на глобальное управление и международные институты, раскалывать западные альянсы и продвигать автократические нормы в ущерб либеральным. В экономическом плане он ослабит финансовые преимущества, обеспечивающие гегемонию США, и обеспечит своё превосходство в стратегически важных отраслях «четвёртой промышленной революции» — от искусственного интеллекта до квантовых вычислений, а Соединённые Штаты превратятся в «деиндустриализированную англоязычную версию латиноамериканской республики, специализирующейся на сырьевых товарах, недвижимости, туризме и, возможно, транснациональном уклонении от уплаты налогов». В военном отношении Народно-освободительная армия Китая (НОАК) будет располагать силами мирового класса с базами по всему миру, способными защитить интересы Китая в большинстве регионов и даже в новых областях, таких как космос и морские глубины.

Подводя итоги своего исследования, Доши считает, что каким бы реальным ни был этот структурный сдвиг в балансе сил, Соединённые Штаты всё ещё могут эффективно конкурировать. Хотя наличие ядерного оружия делает прямую войну между Китаем и США самоубийственной, оно создаёт стратегическую шахматную доску для «долгой игры».

Таким образом, посвятив двенадцать глав своей работы объяснению китайской большой стратегии и её движущих сил, Доши начинает свою нормативную главу 13, посвящённую большой стратегической адаптации США.

В этой части автор призывает к эффективному использованию американских ресурсов и утверждает, что оно будет иметь большое значение в перспективе, поскольку Китай представляет собой гораздо более экономически сильного соперника, чем любая другая гегемонистская держава, с которыми сталкивались США.

Доши призывает отказаться от не приносящих результаты подходов, таких как сдерживание и подрыв режима, а также «большой сделки» с соперником. Вместо этого автор выступает за принятие роста Китая как факта, перед которым разумнее выработать стратегию, аналогичную той, которую проводил Пекин после окончания холодной войны, то есть стратегию, направленную на то, чтобы ослабить мощь Китая, избегая прямых столкновений и ограничивая его попытки стать глобальной доминирующей державой (с. 298).

При такой асимметричной конкуренции Америка может подражать собственной исторической стратегии Китая «притупления и наращивания», оптимизируя использование ресурсов и ставя «противника в невыгодное положение по соотношению затрат, тем самым затрудняя дорогостоящие инвестиции в военное принуждение и проецирование силы» (с. 318). Если Китай применяет комплекс мер A2/AD (Anti-Access/ Area-Denial Capabilities), США тоже должны

их применять. Если Китай сорвал усилия США по созданию институтов в Азии, присоединившись к ним и замедлив их изнутри, то США должны сделать то же самое с инициативами, возглавляемыми Китаем.

Что касается укрепления сферы влияния, США должны укрепить свои сильные стороны, придать импульс в альянсах, в которых состоит страна и создать международные институты с партнёрами-единомышленниками. Особенно важно для США, утверждает Доши, взять на себя обязательство по строительству внутри своей страны истинной демократии, найдя «*позитивные способы восстановления солидарности и гражданской идентичности, благодаря которым демократия работает*» (с. 334). Ссылаясь на историка Джулл Лепор, Доши призывает к «*усилиям по подчёркиванию общего либерального национализма... "нового американизма", который был частью гражданской культуры США и может стать ею снова*» (с. 334). Доши утверждает, что китайская угроза должна стать катализатором этой цели.

Таким образом, общий посыл книги в том, что Китай начал соперничать с Соединёнными Штатами за десятилетия до того, как мировое сообщество осознало то, что находимся в состоянии соперничества великих держав, вполне обоснован. Китай — амбициозная держава, и то, чего хочет Пекин, не совпадает с интересами США и их союзников. Доши обеспечивает прочную интерпретационную основу для понимания внешнеполитических устремлений Китая и предоставляет рекомендации, как США избежать «неприемлемого для себя» его возвышения.

Повторяя знаменитый аргумент Сэмюэля Хантингтона в конце 1980-х гг., Доши предлагает вернуть тот дух «самообновления», который характеризовал Америку на многих этапах её истории. Чтобы обуздать спад, самое разумное – реформировать страну внутри и сделать её более конкурентоспособной на международном уровне, возвращаясь к инвестициям в те сектора, которые раньше были её точками силы: образование, технологии, промышленность. Такой подход позволяет, с одной стороны, избежать радикализма тех, кто видит прямое противостояние как единственный выход, а с другой – избежать иллюзий тех, кто недооценил Китай, полагая, что он согласится интегрироваться в систему западных норм и ценностей.

Впрочем, одним из возможных замечаний к книге может быть проявление признаков предвзятости её автора. На протяжении всей работы автор утверждает, что Пекин только «притупляет», строит свой мир и делает это агрессивно. Напротив, Си трансформировал внешнюю политику Китая, хотя и не так, как это обычно понимают на Западе. Несмотря на частые сравнения с Мао Цзэдуном, он не революционер, стремящийся ниспровергнуть глобальный порядок и навязать на его место китайский дивный новый мир. Он ревизионист в том смысле, что стремится максимизировать влияние и статус Китая. Но, как и его предшественники Ху Цзиньтао, Цзян Цзэминь и Дэн Сяопин, он стремится сделать это в рамках существующей международной системы.

В этой связи инициатива Си ОПОП не является предвестником альтернативного мироустройства. Его повестка дня более прозаична: улучшить доступ Китая к природным ресурсам; открывать новые рынки для производимых им товаров и услуг; расширить экономическое влияние Пекина на всю Евразию и обеспечить дружественное и безопасное соседство. Но даже этих более ограниченных целей Пекин посредством ОПОП не достиг[3]. Точно так же действия Китая в западной части Тихого океана не направлены на продвижение китаецентрической гегемонии, а отражают давние цели: демонстрация силы; получение контроля над ресурсами; решающий голос в региональной безопасности; сокращение или сдерживание американского влияния и утверждение власти над Тайванем. Такой подход вряд ли можно назвать утешительным для США, но он не нов и не радикален[4]. Поэтому стоит изучить значение того факта, что Китай не был революционной державой, стремящейся подорвать все аспекты существующей системы. Это приводит к дополнительным вопросам о том, при каких условиях Китай может пытаться «притупить» или «построить», и как Пекин достигает этих целей. Например, почему бы не построить институт отдельно от ООН, решив вместо этого установить больший контроль изнутри?

Соответственно, аргумент об уже имеющей экспансии со стороны Китая представляется также спорным. Доши отмечает, что приверженность Китая к «сокрытию возможностей и выжиданию времени» была основана на его тогдашней оценке мощи США, и что Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао указывали, что по мере того, как оценка мощи США будет меняться, будет меняться и стратегия Китая. Тем не менее это не обязательно означает, что стратегия изменится на «строительство» собственного мирового порядка. Представляется, что Китай стремился наращивать мощь, чтобы создать для себя стратегическое пространство — право решать, как он хочет использовать свою мощь[5].

Об авторе:

Уланбек Болотбекович Кудаяров – главный специалист-эксперт отдела информационного обеспечения Департамента протокола и организационного обеспечения Евразийской экономической комиссии.
E-mail: u.kudayarov@eecommission.org

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

---

[3] Boucher R. 2019. China's Belt and Road: A Reality Check. *The Diplomat*. URL: https://thediplomat.com/2019/03/chinas-belt-and-road-a-reality-check/ (accessed 10.12.2022).

[4] Tobin D 2020. How Xi Jinping's 'New Era' Should Have Ended U.S. Debate on Beijing's Ambitions. *Center for Strategic & International Studies (CSIS)*. URL: https://www.csis.org/analysis/how-xi-jinpings-new-era-should-have-ended-us-debate-beijings-ambitions (accessed 10.12.2022).

[5] Концепция, отраженная в авторитетных китайских трудах, таких как издание «Наука о военной стратегии» от 2013 года. Science of Military Strategy. *China Aerospace Studies Institute*. 2013. URL: https://www.airuniversity.af.edu/Portals/10/CASI/documents/Translations/2021-02-08%20Chinese%20Military%20Thoughts-%20In%20their%20own%20words%20Science%20of%20Military%20Strategy%202013.pdf (accessed 10.12.2022).

UDC: 327.82
Received: July 11, 2022
Accepted: December 20, 2022

China Grand Strategy

U.B. Kudaiarov
DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-206-217

Eurasian Economic Commission (EEC)

Book review: Doshi Roshi. 2021. *The Long Game: China's Grand Strategy to Displace American Order.* The USA: Oxford University Press. 432 p.

Keywords: China, Chinese grand strategy, foreign policy, great power, world order, China's rise

About the author:

Ulanbek B. Kudaiarov — Chief Specialist-Expert of the Information Support Unit of the Protocol and Organizational Support Department of the Eurasian Economic Commission.
E-mail: u.kudayarov@eecommission.org

Conflict of interests:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Ikenberry G.J. 2008. The Rise of China and the Future of the West-Can the Liberal System Survive. *Foreign Affairs.* №87. P. 23–37.

Jones L., Zeng J. 2019. Understanding China's "Belt and Road Initiative": Beyond "grand strategy" to a State Transformation Analysis. *Third World Quarterly.* 40(8). P. 1415–1439. DOI: 10.1080/01436597.2018.1559046

Lams L. 2018. Examining Strategic Narratives in Chinese Official Discourse under Xi Jinping. *Journal of Chinese Political Science.* 23(3). P. 387–411. DOI: 10.1007/s11366-018-9529-8

Shishkov V. 2014. Stanovlenie i razvitie gegemonii SShA: imperskoe dominirovanie i globalizacija v XX v [Formation and Development of the US Hegemony: Imperial Dominance and Globalization in the 20th Century]. *Century of Globalization.* №1. P. 133–146. (In Russian)

Degterev D., Ramich M., Tsvyk A. 2021. SShA – KNR: «vlastnyj tranzit» i kontury «konfliktnoj bipoljarnosti» [U.S.-China: "Power Transition" and the Contours of a "Conflict Bipolarity"]. *Vestnik (Herald) of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: International Relations.* 21(2). P. 210–231. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-21-231 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. 2021. США – КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности». *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения.* 21(2). С. 210–231. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-21-231

Шишков В.В. 2014. Становление и развитие гегемонии США: имперское доминирование и глобализация в XX в. *Век глобализации.* №1. С. 133–146.